

М Е М У А Р Ы

1939

З А Л И Н И Е Й
Ф Р О Н Т А

ВОСПОМИНАНИЯ
ГЕНЕРАЛ-
ФЕЛЬДМАРШАЛА
ВЕРМАХТА

1944

Эрих фон Манштейн

УТЕРЯННЫЕ ПОБЕДЫ

За линией фронта. Мемуары

Эрих Манштейн

**Утерянные победы.
Воспоминания генерал-
фельдмаршала вермахта**

«Центрполиграф»

1955

УДК 94(430).086
ББК 63.3(0)62

Манштейн Э. ф.

Утерянные победы. Воспоминания генерал-фельдмаршала вермахта / Э. ф. Манштейн — «Центрполиграф», 1955 — (За линией фронта. Мемуары)

В своих личных записках знаменитый генерал не касается ни идеологии, ни грандиозных планов, которые были разработаны германскими политиками. В каждой битве Манштейн находил успешное решение боевой задачи, реализуя потенциал своих войсковых сил и максимально снижая возможности противника. В войне против СССР генерал развернул свой талант во всем блеске и показал, что такое современный стиль, методы и уровень ведения боевых действий. Сам фюрер однажды проговорился: «Возможно, что Манштейн – лучшие мозги, какие только произвел на свет корпус Генштаба». В своих воспоминаниях военачальник раскрывает секрет проигранных побед, выявляет конкретных виновников и называет истинных героев, обреченных на смерть ради политических амбиций руководителей страны.

УДК 94(430).086
ББК 63.3(0)62

© Манштейн Э. ф., 1955
© Центрполиграф, 1955

Содержание

Предисловие автора	7
Часть первая	9
1. Перед штурмом	9
Генеральный штаб и польский вопрос	11
Война или блеф?	12
2. Стратегическая обстановка	17
Расстановка сил и оперативный план германской армии	17
Расстановка сил и оперативный план польской армии	19
Несколько замечаний о развертывании польских сил	20
3. Действия группы армий «Юг»	25
Начальная обстановка	26
Наступление 14-й армии в Галиции	27
Прорыв 10-й армии к Висле и сражение в Радомском котле	28
Бой на Бзуре	29
Взятие Варшавы	31
Завершающие бои восточнее Сана и Вислы	32
Часть вторая	35
Введение	35
4. Ослабление власти командования сухопутных сил	38
Гитлер – фон Браухич – Гальдер	39
5. Споры вокруг оперативного плана	52
План ОКХ (Гитлера)	52
Возражения	54
План группы армий «А»	57
Борьба за план группы армий «А»	59
6. Командующий 38-м армейским корпусом	73
Сторонний наблюдатель	73
Марш на Луару	77
7. Между двумя кампаниями	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Эрих фон Манштейн

Утерянные победы. Воспоминания генерал-фельдмаршала вермахта

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Bernard & Graefe Verlag, Bonn, 1955

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

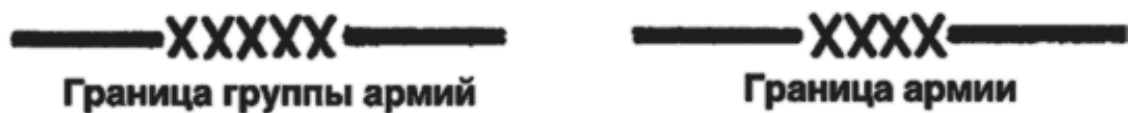
© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2017

* * *

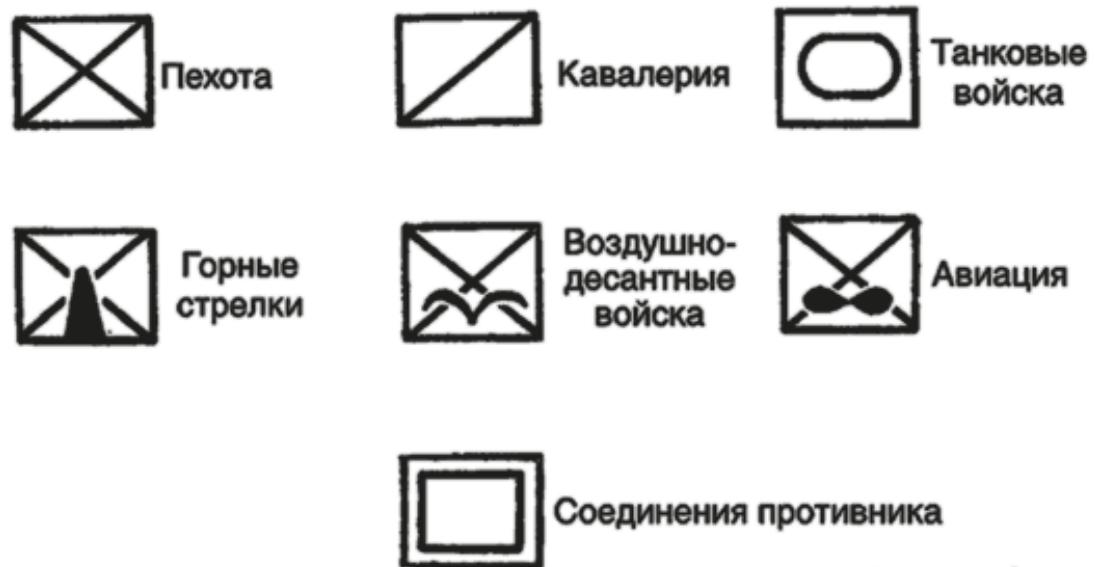
КЛЮЧ СИМВОЛОВ

** флажок показывает местонахождение штаба*

Тактические обозначения,
начиная с дивизий, с указанием рода войск

Посвящается нашему павшему сыну Геро фон Манштейну и всем товарищам, погибшим за Германию

Предисловие автора

Эта книга – личные записки солдата, в которых я сознательно воздержался от обсуждения политических вопросов и тонкостей, не связанных напрямую с событиями, происходившими на поле боя. Возможно, в этой связи уместно будет вспомнить слова капитана Б.Х. Лиддел-Гарта: «Немецкие генералы этой войны были верхом совершенства в своей профессии – где бы то ни было. Они могли бы быть еще лучше, обладай более широким мировоззрением и глубоким пониманием событий. Но если бы они стали философами, то уже перестали бы быть солдатами».

Я постарался не пересматривать свой опыт, мысли и решения задним числом, но изложить их в том виде, в каком они представлялись мне в то время. Другими словами, я выступаю в роли не исследователя-историка, а деятельного участника событий, о которых собираюсь рассказать. Однако, хотя я и стремился дать объективный отчет о произошедших событиях, о тех, кто участвовал в них и принимал решения, мое мнение как участника неизбежно останется субъективным. Тем не менее я все же надеюсь, что мой рассказ пригодится историкам, ибо даже историки не в силах установить истину на основании одних лишь бумаг и документов. Самое важное – это что думали и как отзывались на события их главные герои, а документы и журналы боевых действий редко дают ответ на этот вопрос, да и, конечно, далеко не полный.

Описывая, как в 1940 году возник план германского наступления на западе, я не выполнил указания генерал-полковника фон Зеекта о том, что офицеров Генерального штаба не должно называть по имени. Мне представляется, что я вправе сделать это теперь, когда – хоть и не по моей воле – эта тема давно уже стала предметом всеобщего обсуждения. Фактически мой бывший командующий фельдмаршал фон Рундштедт и наш начальник оперативного отдела генерал Блюментритт и рассказали Лиддел-Гарту историю этого плана (в то время я еще не имел удовольствия быть с ним знакомым).

В свой рассказ о военных проблемах и событиях я порой включал и кое-какие личные переживания, полагая, что даже на войне есть место человеческим переживаниям. Если в последних главах книги эти личные воспоминания отсутствуют, то лишь потому, что в тот период заботы и бремя обязанностей заслонили собой все остальное.

В силу своей деятельности во Второй мировой войне я вынужден рассматривать события главным образом с точки зрения высшего командования. Однако я надеюсь, что сумел последовательно и ясно показать, что решающее значение на протяжении всей войны имели самопожертвование, доблесть и преданность долгу немецкого солдата в сочетании со способностью и готовностью командиров всех уровней брать ответственность на себя. Именно эти качества принесли нам все наши победы. Только они дали нам возможность противостоять врагу, обладавшему подавляющим превосходством.

Одновременно своей книгой мне хотелось бы выразить благодарность главнокомандующему на первом этапе войны фельдмаршалу фон Рундштедту за неизменное его доверие ко мне, командирам и солдатам всех званий, служившим под моим командованием, а также офицерам штабов, особенно моим начальникам штабов и офицерам Генерального штаба, которые постоянно поддерживали меня и помогали советами.

В заключение я благодарю тех, кто помогал мне в подготовке этих воспоминаний: моего бывшего начальника штаба генерала Буссе и наших штабных офицеров Блумредера, Айсмана и Аннуса, а также герра Герхарда Гюнтера, побудившего меня изложить воспоминания на бумаге, герра Фреда Гильденбрандта, оказавшего мне неоценимую помощь в их составлении, и герра инженера Матерне, с большим знанием дела подготовившего схемы и карты.

Эрих фон Манштейн

Часть первая

Польская кампания

1. Перед штурмом

За политическим развитием событий, следовавших за присоединением Австрии, я наблюдал вдали от средоточия военных дел.

В начале февраля 1938 года, после того как я занял второй по важности пост в Генеральном штабе германской армии – пост первого оберквартирмейстера, иначе заместителя начальника штаба, моя карьера в Генеральном штабе внезапно прервалась. Когда генерал-полковник барон фон Фрич был смещен с должности главнокомандующего сухопутными силами в результате дьявольской партийной интриги, вместе с ним из главного командования сухопутных сил (ОКХ) вывели ряд его ближайших сотрудников, в том числе и меня самого. С тех пор, после назначения командиром 18-й дивизии, я, разумеется, больше не находился в курсе вопросов, которые входили в сферу компетенции высшего командования.

С самого начала апреля 1938 года я смог полностью посвятить себя работе на посту командира дивизии. Мои обязанности доставляли мне особое удовлетворение, и в то время больше, чем когда-либо, но при этом они требовали полной отдачи сил, поскольку до завершения задачи по численному увеличению армии было еще далеко. Непрерывно создавались новые части, что требовало постоянной реорганизации уже сформированных, а темпы перевооружения и связанный с ним рост численности как офицерского, так и унтер-офицерского корпусов предъявляли самые высокие требования к командирам всех уровней, если мы хотели достичь своей цели и создать внутренне сплоченные, хорошо обученные войска, которые могли бы обеспечить безопасность государства. Тем отраднее был успех этих трудов, особенно для меня, когда после многих лет, проведенных в Берлине, я снова получил приятную возможность непосредственно соприкоснуться с боевыми войсками. Поэтому я с огромной благодарностью вспоминаю те последние полтора мирных года и, в частности, силезцев, из которых в основном и состояла 18-я дивизия. Силезия с незапамятных времен поставляла добрых солдат, потому военная подготовка и обучение новых частей были благодарной задачей.

Верно, что краткая интерлюдия «цветочной войны» – оккупация судетских земель – застала меня на посту начальника штаба армии под командованием генерал-полковника Риттера фон Лееба. В этом качестве я узнал о конфликте, вспыхнувшем между начальником Генерального штаба сухопутных сил генералом Беком и Гитлером по поводу чешского вопроса и окончившемся, к моему великому сожалению, отставкой начальника штаба, которого я глубоко уважал. Притом его отставка перерубила последнюю нить, связывавшую меня с ОКХ.

Таким образом, только летом 1939 года я узнал об операции «Белый план», первом плане развертывания для наступления на Польшу, подготовленном по приказу Гитлера. До весны 1939 года подобного плана не существовало. Напротив, все подготовительные военные мероприятия на нашей восточной границе носили оборонительный характер.

Той же директивой я назначался начальником штаба группы армий «Юг», главнокомандующим которой должен был стать генерал-полковник фон Рундштедт, к тому времени уже вышедший в отставку. Предполагалось, что группа армий развернется в Силезии, Восточной Моравии и частично Словакии согласно с детальным планом, который нам предстояло выработать.

Поскольку в мирное время штаба группы армий не существовало и план по развертыванию должен был быть сформирован только в случае всеобщей мобилизации, для работы над ним была создана небольшая рабочая группа. 12 августа 1939 года она собралась в учебном районе Нойхаммер, в Силезии. Во главе рабочей группы встал полковник Блюментритт, офицер Генштаба, который при объявлении мобилизации должен был занять пост начальника оперативного отдела (Ia) штаба группы армий. Для меня это оказалось неожиданной удачей, так как с этим необычайно талантливым человеком меня связывали самые тесные узы взаимного доверия, возникшие между нами еще во время совместной службы в штабе армии фон Лееба во время судетского кризиса, и я считал необычайно ценной возможность работать в такие времена с человеком, на которого можно положиться. Зачастую люди привлекают нас какими-то незначительными чертами, и в Блюментритте меня всегда восхищала его предельная приверженность телефону. Он и без того работал с невероятной скоростью, но с телефонной трубкой в руке легко разрешал целые лавины вопросов, причем всегда сохраняя невозмутимое добродушие.

В середине августа в Нойхаммер прибыл будущий командир группы армий «Юг» генерал-полковник фон Рундштедт. Мы все знали его. Он был блестящим тактиком и талантливым военачальником, в один миг умевшим охватить суть любой проблемы. По существу, он занимался только важными вопросами, будучи совершенно равнодушным к мелочам. К тому же он был человек старой школы – боюсь, люди этого типа на грани исчезновения, хотя когда-то придавали жизни прелесть разнообразия. Перед обаянием генерал-полковника не устоял даже Гитлер. Казалось, Гитлер питал к нему искреннюю привязанность, которую, что удивительно, отчасти сохранил и после того, как дважды отправлял фон Рундштедта в опалу. Видимо, Гитлера привлекало в нем то, что генерал производил какое-то неопределенное впечатление человека прошлого – прошлого, которого Гитлер не понимал и к атмосфере которого никогда не мог приобщиться.

Кстати сказать, когда наша рабочая группа собралась в Нойхаммере, моя 18-я дивизия также находилась в учебном районе на ежегодных полковых и дивизионных учениях.

Едва ли нужно говорить, что все мы, обеспокоенные чрезвычайными событиями, которые пережила Германия с 1933 года, задавались вопросом, к чему они ведут. В то время все наши мысли и разговоры занимали признаки надвигающейся бури, со всех сторон окружившие горизонт. Мы понимали, что Гитлер преисполнен фанатической решимости покончить с территориальными проблемами Германии, унаследованными по Версальскому договору. Нам было известно, что еще осенью 1938 года он вступил в переговоры с Польшей с целью окончательно разрешить вопрос польско-немецкой границы, хотя о результатах этих переговоров, если они вообще добились каких-то результатов, ничего не говорилось. В то же время мы знали, что Великобритания дала Польше определенные гарантии. И я могу с уверенностью утверждать, что в армии не было столь самонадеянного, беспечного или недалеконovidного человека, который не увидел бы в этих гарантиях в высшей степени серьезное предостережение. Уже одно это обстоятельство – хотя и далеко не единственное – убеждало наш нойхаммерский рабочий штаб, что никакой войны в конце концов не будет. Даже если план развертывания, который мы в то время разрабатывали, осуществится, это, как нам представлялось, еще не означало войны. До последнего мига мы пристально следили за тем, как Германия опасно балансирует на лезвии ножа, и все больше поражались невероятной удаче Гитлера, достигавшего всех своих явных и тайных политических целей, причем до сих пор не прибегая к оружию. Казалось, этот человек обладает почти безошибочным чутьем. Успех следовал за успехом, и этому не было конца – при условии, что можно вообще назвать успехами блестящую череду событий, в конечном итоге приведших Германию к краху. Все успехи достигались без развязывания войны. Почему же на этот раз должно быть по-другому? – спрашивали мы себя. Взять хотя бы Чехословакию. Хотя в 1938 году Гитлер собрал

против нее внушительные войска, война так и не началась. И все же мы не могли выбросить из головы старинную поговорку о кувшине, который повадился по воду ходить и голову сломал, ибо на тот момент сложилось куда более сложное положение, а игра, в которую, видимо, собирался играть Гитлер, казалась куда более опасной. Ведь теперь нам пришлось бы выступить против данных Польше британских гарантий. Но мы вспоминали утверждение Гитлера о том, что он не настолько безумен, чтобы развязывать войну на два фронта, как поступило руководство Германии в 1914 году. Из этого хотя бы можно было сделать вывод, что Гитлер – человек разумный, даже если у него не осталось человеческих чувств. Срываясь на хриплый крик, он недвусмысленно заверил военных советников в том, что он еще не сошел с ума, чтобы ввязываться в мировую войну ради Данцигского, или Польского, коридора.

Генеральный штаб и польский вопрос

Когда Польша воспользовалась навязанным Германии Версальским миром, чтобы аннексировать немецкие территории, на что не имела права ни с точки зрения исторической справедливости, ни с точки зрения самоопределения, она стала для нас незаживающей раной. В те годы, когда Германия была слаба, Польша оставалась постоянным источником раздражения. Каждый раз, глядя на карту, мы вспоминали свое сомнительное положение. Безосновательная демаркация границы! Увечье, нанесенное Отечеству! Коридор, отделивший Восточную Пруссию и давший нам все основания опасаться за эту прекрасную землю! Но, несмотря ни на что, армия и не мечтала о том, чтобы развязать войну с Польшей и силой положить конец этому положению. Помимо всего прочего, для отказа от насильственных действий была очень простая причина военного свойства: наступление на Польшу, так или иначе, ввергло бы рейх в войну на двух фронтах, а то и больше, а на это у Германии совсем не было сил. В период слабости, продиктованной нам Версальским договором, нас ни на минуту не покидал *cauchemar des coalitions*¹ – страх тревожил нас все больше, поскольку широкие круги польского населения по-прежнему питали плохо скрываемое желание прибрать к рукам немецкие территории. И хотя мы не испытывали желания развязать агрессивную войну, едва ли можно было надеяться, при непредвзятом отношении к настрою Польши, что нам удастся сесть с поляками за стол мирных переговоров, дабы пересмотреть эти бессмысленные границы. Кроме того, мы полагали, что однажды ничто не помешает Польше взять инициативу в свои руки и попытаться силой решить пограничный вопрос. Начиная с 1918 года мы имели возможность получить кое-какой опыт в этом отношении, и, пока Германия была слаба, следовало подготовиться к подобному варианту. Как только смолк голос маршала Пилсудского и решающий голос получили определенные национальные круги, вторжение Польши в Восточную Пруссию или Верхнюю Силезию стало таким же вероятным событием, как вылазка поляков в Вильно. Однако на этот случай размышления военных нашли политический ответ. Если Польша выступит в роли агрессора и нам удастся отразить ее удар, вероятно, Германия получит возможность пересмотреть злосчастный пограничный вопрос на волне политической реакции.

Так или иначе, ни один военачальник не питал лишних иллюзий по данной проблеме. В книге «Зеект. Из моей жизни» генерал фон Рабенау цитирует слова генерал-полковника о том, что «существование Польши невыносимо и несовместимо с важнейшими потребностями Германии: она должна исчезнуть из-за собственной же внутренней слабости и при посредстве России... с нашей помощью», и в действительности события в политической и военной сфере уже приняли именно этот оборот. Мы отдавали себе вполне ясный отчет в растущей военной мощи Советского Союза, вдобавок Франция, страна, под чары которой

¹ Кошмар коалиций (фр.). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.)

так легко подпасть, взирала на нас все с той же враждебностью. Франция никогда не перестала бы искать союзников за спиной Германии. Но если исчезнет Польское государство, то могущественный Советский Союз может стать гораздо более опасным союзником Франции, чем такое буферное государство, как Польша. Устранение буфера в виде Польши (и Литвы) между Германией и Советским Союзом очень легко могло привести к разногласиям между двумя мощными державами. Хотя пересмотр границ с Польшей мог быть взаимовыгоден, полное устранение ее как государства едва ли дало бы преимущества Германии в силу совершенно изменившейся обстановки, которая в основном сложилась к тому времени.

Таким образом, для нас было бы лучше оставить Польшу между собой и Советским Союзом, независимо от нашего к ней отношения. Как бы ни удручала нас, солдат, бессмысленная и грозящая взрывом демаркационная линия на востоке, Польша все же была не таким опасным соседом, как Советский Союз. Конечно, вместе с остальными немцами мы надеялись, что когда-нибудь границы будут пересмотрены и области с преобладающим немецким населением вернутся в рейх по естественному праву местных жителей. В то же время с военной точки зрения было бы крайне нежелательно, чтобы население Польши увеличивалось. Что касается требования Германии о соединении Восточной Пруссии с рейхом, то его можно было бы увязать с притязанием Польши на выход к морю. Именно этой точки зрения на польскую проблему, и никакой иной, придерживалось большинство немецких военных в дни рейхсвера – скажем, с конца 20-х годов и дальше, – если возникал вопрос о вооруженном конфликте.

Затем колесо судьбы снова повернулось. На сцену вышел Адольф Гитлер. Изменилось все, в том числе и основа наших взаимоотношений с Польшей. Германия заключила пакт о ненападении и договор о дружбе с нашим восточным соседом. Мы избавились от страха перед возможным нападением со стороны поляков. Одновременно отношения между Германией и Советским Союзом охладели, поскольку наш новый вождь, выступая перед общественностью, слишком уж откровенно провозгласил свою ненависть к большевистскому строю. В этой новой обстановке Польша не могла не почувствовать себя свободнее в политическом смысле, но для нас она больше не представляла опасности. Перевооружение Германии и ряд достижений Гитлера в сфере внешней политики лишили ее возможности воспользоваться обретенной свободой действий против рейха. А раз оказалось, что Польше не терпится принять участие в разделе Чехословакии, то мы, весьма вероятно, смогли бы обсудить с ней пограничный вопрос.

До весны 1939 года главное командование германских сухопутных сил не имело никакого плана наступления на Польшу. До этого все наши военные мероприятия на востоке носили чисто оборонительный характер.

Война или блеф?

Будет ли это по-настоящему на сей раз – осенью 1939 года? Правда ли, что Гитлер хочет войны или будет военными или иными средствами давить до последнего, как в случае с Чехословакией в 1938 году, чтобы урегулировать вопросы по Данцигу и Польскому коридору?

Война или блеф? Этот вопрос не давал покоя всем, кто не мог разгадать самую суть политических событий, главным образом намерений самого Гитлера. Да и, собственно говоря, кто вообще был удостоен возможности проникнуть в суть этих намерений?

В любом случае было совершенно понятно, что принятые в августе 1939 года военные меры – несмотря на директиву «Белый план» – были направлены на усиление политического давления на Польшу. По приказу Гитлера начиная с лета лихорадочными темпами сооружался Восточный вал – эквивалент линии Зигфрида. На польскую границу перебра-

сывались целые дивизии, в том числе и 18-я, чтобы неделю за неделей без перерыва возводить укрепления. К чему были эти труды, если Гитлер планировал нападение на Польшу? Даже если, вопреки всем своим заявлениям, он обдумывал возможность вести войну на два фронта, Восточный вал все равно не имел большого смысла, поскольку в тогдашней обстановке единственно верный путь для Германии заключался в том, чтобы первым делом вторгнуться в Польшу и завладеть ею, одновременно находясь в обороне на западе. О том, чтобы поступить наоборот – наступать на западе и обороняться на востоке, – не могло быть и речи при существовавшей расстановке сил, тем более что наступление на западе ни в коей мере не планировалось и не готовилось. Следовательно, если сооружение Восточного вала имело в сложившейся ситуации какой-то смысл, то, безусловно, он состоял лишь в том, чтобы сконцентрировать войска на польской границе с целью оказания давления на Польшу. Даже развертывание пехотных дивизий на восточном берегу Одера в последнюю декаду августа и переброска бронетанковых и моторизованных дивизий в районы сосредоточения на западном направлении не обязательно означали подготовку к нападению: их вполне можно было использовать для политического давления.

Как бы то ни было, пока что, как обычно, продолжалось обучение по программе мирного времени. 13 и 14 августа в Нойхаммере я провел последние дивизионные учения, окончившиеся парадом, который принимал генерал-полковник фон Рундштедт. 15 августа прошли большие артиллерийские учения во взаимодействии с люфтваффе. Они были отмечены трагическим происшествием. Целая эскадрилья пикирующих бомбардировщиков, которая, по-видимому, получила неверные данные о высоте облачного покрова, не смогла вовремя выйти из пикирования и врезалась прямо в лес. На следующий день было запланировано еще одно полковое учение, а затем подразделения дивизии возвратились в свои гарнизоны, хотя всего через несколько дней им предстояло снова отправиться на границу Силезии.

19 августа фон Рундштедт и я получили приказ явиться в Оберзальцберг на совещание, назначенное на 21-е число того же месяца. 20 августа мы выехали из Лигница в поместье моего шурина под Линцем и переночевали там, а на следующее утро прибыли в Берхтесгаден. К Гитлеру были вызваны все командующие армиями и группами армий со своими начальниками штабов, а также командиры соответствующих соединений военно-морских и воздушных сил.

Совещание – или, вернее, речь Гитлера, ибо он не допускал, чтобы оно приняло форму открытой дискуссии после того, что имело место во время его прошлогоднего совещания с начальниками штабов перед чешским кризисом, – проходило в большом зале Бергхофа, окна которого выходили на Зальцбург. Незадолго перед приходом Гитлера появился Геринг. Вид у него был из ряда вон выходящий. До той минуты я полагал, что нас собрали с серьезными намерениями, но Геринг, как видно, принял совещание за маскарад. На нем была рубашка с отложным воротником и зеленый кожаный жилет с большими пуговицами из желтой кожи. Ко всему этому он надел серые шорты и длинные гольфы из серого шелка, открывавшие его массивные икры. Элегантность гольфов компенсировалась массивными ботинками. Наряд довершала щедро вышитая золотом португеза из красной кожи, опоясавшая жирное брюхо, на которой висел декоративный кинжал в широких ножнах из того же материала.

Я не удержался и шепнул соседу генералу фон Зальмуту:

– Кажется, наш толстяк решил сыграть роль вышибалы?

Речь Гитлера, которую он произнес в тот раз, позднее стала темой разнообразных обвинительных «документов» во время Нюрнбергского процесса. В одном из них утверждалось, что Гитлер прибег к самым резким выражениям, а Геринг, в восторге от предстоящей войны, вскочил на стол и крикнул: «Зиг хайль!» Все это не соответствует действительности. Также неверно и то, что Гитлер в тот раз говорил: «Я боюсь только одного: что в последний момент какая-нибудь скотина явится ко мне с предложением подумать еще раз». Хотя тон его речи

явно свидетельствовал о том, что он твердо принял решение, Гитлер был слишком хорошим психологом, чтобы думать, будто гневными тирадами и руганью может произвести впечатление на собравшихся.

Суть его речи верно передана в книге Грейнера «Верховное командование вооруженных сил Германии в 1939–1943 гг.». Грейнер основывается на устном изложении полковника Варлимонта, которое тот сделал для журнала боевых действий, и на стенографических записях адмирала Канариса. Некоторые сведения о речи также можно почерпнуть из дневника генерал-полковника Гальдера – хотя мне представляется, что в дневник, как и в изложение Варлимонта и Канариса, могло попасть кое-что из того, что они слышали от Гитлера по другим поводам.

У тех из нас, кто не входил в состав высшего руководства, сложилось примерно следующее впечатление.

На сей раз Гитлер был твердо намерен окончательно разобраться с польским вопросом, даже ценой войны. Однако, если поляки уступят давлению Германии, почти достигшему своей кульминации в виде развертывания, хотя и замаскированного, немецких армий, мирное решение не исключено, и Гитлер был уверен, что в критический миг западные державы не возьмутся за оружие снова. Он особенно постарался развить последний тезис, причем его основные доводы заключались в следующем: отсталость Великобритании и Франции в области вооружений, в частности в отношении авиации и противовоздушной обороны; практическая неспособность западных держав оказать Польше действенную помощь, помимо наступления на линию Зигфрида, – а на этот шаг не отважится ни одна из этих держав в силу того, что он повлечет за собой большое кровопролитие; международная обстановка, в особенности напряжение в Средиземноморском регионе, значительно ограничившее свободу действий Великобритании; внутренняя ситуация во Франции; и напоследок, хотя и не в последнюю очередь, личности руководящих деятелей. Ни Чемберлен, ни Даладье, утверждал Гитлер, не возьмут на себя ответственность за решение объявить войну.

Хотя оценка Гитлером позиции западных держав казалась в основном логичной и убедительной, я все же не думаю, что его выступление совершенно убедило слушателей. Конечно, единственным реальным препятствием на пути осуществления его замыслов были британские гарантии Польше, но зато каким весомым!

По моему мнению, то, что говорил Гитлер о возможной войне с Польшей, нельзя было понять как политику тотального уничтожения, хотя обвинители на Нюрнбергском процессе придали его словам именно этот смысл. Когда Гитлер требовал скорого и беспощадного уничтожения польской армии, на военном языке это значило всего лишь цель, которая и лежит в основе любой крупномасштабной наступательной операции. Так или иначе, ни одно его слово не дало нам понять, как впоследствии он собирался действовать в Польше.

Вполне естественно, что самой неожиданной, а также и поразительной новостью стало для нас известие о предстоящем заключении пакта с Советским Союзом. На пути в Берхтесгаден мы уже успели прочесть в газетах о заключении торгового соглашения, которое само по себе уже было сенсацией. Теперь мы узнали, что присутствовавший на совещании министр иностранных дел фон Риббентроп, который при всех попрощался с Гитлером, улетает в Москву для подписания со Сталиным пакта о ненападении. Гитлер заявил, что этим ходом он лишает западные державы их главного козыря, ибо отныне даже блокада Германии не даст результата. Гитлер намекнул, что для создания благоприятных условий для подписания пакта он уже пошел на большие уступки Советскому Союзу в Прибалтике и в отношении восточных границ Польши, но из его слов нельзя было сделать вывод о полном разделе Польши. Действительно, как стало известно впоследствии, даже после начала Польской кампании он еще рассматривал вариант сохранения Польши как марионеточного государства.

Выслушав речь Гитлера, ни фон Рундштедт, ни я сам, как и, по-видимому, никто из остальных генералов, не пришел к выводу о неизбежном начале войны. Два фактора в особенности убеждали нас в том, что в последнюю минуту, как и в Мюнхене, будет достигнуто мирное соглашение.

Во-первых, то соображение, что после заключения пакта с Советским Союзом положение Польши станет совершенно безнадежным. Вполне вероятно, что Великобритания, у которой в буквальном смысле слова вырвали оружие блокады, и, дабы оказать помощь Польше, ей остается лишь кровопролитный путь наступления на западе, под давлением французов посоветует Варшаве сдаться. Таким образом, Польша должна была понять, что британские гарантии отныне не имеют практического смысла. Больше того, если дело дойдет до войны с Германией, ей придется считаться с тем, что русские начнут действовать у нее в тылу, чтобы осуществить свои старинные притязания на ее восточные земли. Что еще останется делать Варшаве в такой ситуации, если не отступить?

Второй фактор заключался в самом факте совещания, на котором мы только что присутствовали. Какова была его цель? В военном отношении до сих пор намерение напасть на Польшу маскировалось всеми мыслимыми способами. Переброска дивизий в восточные области объяснялась сооружением Восточного вала; а чтобы скрыть цель передислокации войск в Восточную Пруссию, устроили грандиозное празднование годовщины Грюнвальдской битвы. До последней минуты продолжалась подготовка к масштабным маневрам моторизованных соединений. Официально мобилизация не объявлялась. Хотя Польша не могла не обратить внимания на эти мероприятия, явно предназначенные для политического давления, все же их окутывала строжайшая секретность и сопровождали всевозможные формы маскировки. И теперь, в самый разгар кризиса, Гитлер созывает все свое высшее военное руководство в Оберзальцберг – такое мероприятие скрыть было невозможно. Нам оно показалось вершиной политики сознательного блефа. Иными словами, не стремится ли Гитлер к компромиссу, вопреки всем своим воинственным выступлениям? Не задумывалось ли само это совещание с целью оказать последний нажим на Польшу?

С такими мыслями мы с генерал-полковником фон Рундштедтом покидали Берхтесгаден. В то время как он отправился дальше в наш штаб в Нысе, я остановился в Лигнице, чтобы провести день с семьей. Уже этот факт свидетельствует о том, как мало я верил в неминуемое начало войны.

В полдень 24 августа генерал-полковник фон Рундштедт принял командование группой армий. 25 августа в 15.25 мы получили следующее шифрованное сообщение из командования сухопутных сил: «Операция «Белый план»: день «Д» 26.08, время «Ч» 4.30».

Итак, решение о вступлении в войну – решение, в возможность которого мы не хотели верить, – по всей видимости, было принято.

Мы с генерал-полковником фон Рундштедтом обедали в нашем штабе в монастыре Святого Креста в Нысе, когда по телефону поступил следующий приказ командования сухопутных войск: «Не начинать, повторяю, не начинать военные действия. Остановить передвижения войск. Продолжать мобилизацию. Развертывание по «Белому плану» и «Западу» продолжать, как намечено».

Любой солдат может понять, что значит подобная отмена приказа, сделанная в последнюю минуту. В течение нескольких часов нужно было остановить три армии, продвигавшиеся к границе через район от Нижней Силезии до восточных областей Словакии, учитывая при этом, что все штабы вплоть до дивизионного уровня также находились на марше и что в целях секретности радиопередачи были по-прежнему запрещены. Несмотря на все трудности, нам все же удалось вовремя уведомить войска о приказе – первоклассная работа связистов и оперативного состава. Правда, один моторизованный полк в Восточной Словакии

смогли остановить только благодаря тому, что ночью самолет «Физелер-Шторьх» с офицером на борту совершил посадку прямо во главе колонны.

Нам ничего не сообщили о причинах, побудивших Гитлера, как казалось, в последний миг дать обратный ход приказу о начале военных действий. Мы узнали только о том, что переговоры еще продолжаются.

Понятно, что нас, солдат, неприятно потрясли подобные действия руководства. Ведь, в конце концов, решение о начале войны – самое серьезное решение, которое может принять глава государства.

Как может человек принять это решение, а затем отменить его через несколько часов – особенно если отмена в военном смысле ставит в чрезвычайно невыгодное положение? Как я указывал выше, описывая совещание в Оберзальцберге, все шаги в военной сфере были рассчитаны на то, чтобы застать врага врасплох. Официально общая мобилизация не объявлялась, а первый день призыва был назначен на 26 августа, то есть день только что оставленного наступления. В результате этого мы должны были наступать на Польшу – всего лишь – всеми бронетанковыми и моторизованными соединениями и вдобавок ограниченным количеством пехотных дивизий, уже находившихся либо в приграничных районах, либо в процессе приведения в полную боевую готовность. Теперь о том, чтобы захватить противника врасплох, не могло быть и речи. Ибо, даже если выдвижение войск в районы сосредоточения в пограничной зоне происходило ночью, враг не мог не заметить этого, тем более что моторизованные части в районах сосредоточения западнее Одера должны были выступить днем, чтобы форсировать реку. Вследствие этого, если война действительно предполагалась, должен был вступить в силу другой вариант: вторжение всеми мобилизованными силами. Во всяком случае, элемент неожиданности, внезапности был потерян.

Поскольку нельзя было предположить, что первое решение Гитлера открыть военные действия было необдуманном легкомыслием, мы могли прийти лишь к тому выводу, что таким образом по-прежнему продолжается дипломатическая тактика постоянного усиления нажима на поляков. Поэтому, когда 31 августа в 17 часов мы получили новый приказ о начале операций 1 сентября в 4.45, мы с генерал-полковником фон Рундштедтом отнеслись к нему скептически, тем более что не поступало никаких сообщений о провале переговоров. Во всяком случае, ввиду того, что произошло 25 августа, наша группа армий все подготовила к тому, чтобы остановить выполнение операции, если она снова будет отменена в последнюю минуту. Мы с генерал-полковником не ложились спать до полуночи, ожидая, как нам казалось, вполне возможной отмены приказа о наступлении.

Только когда минула полночь и операцию уже было невозможно остановить, у нас не осталось ни малейших сомнений в том, что отныне говорить будут пушки.

2. Стратегическая обстановка

Стратегическая обстановка во время Польской кампании определялась следующими решающими факторами:

во-первых, превосходством немецких сил, при условии, что немецкое командование готово пойти на значительный риск на западе, бросив главную часть своих сил против Польши;

во-вторых, географическим положением, которое давало Германии возможность взять польскую армию в клещи ударами из Восточной Пруссии с одного фланга и из Силезии и Словакии с другого;

в-третьих, потенциальной угрозой в тылу Польши со стороны Советского Союза.

Расстановка сил и оперативный план германской армии

Органы планирования немецких вооруженных сил в полной мере пошли на риск на западе, о котором говорилось выше.

ОКХ начало наступление на Польшу силами в составе сорока двух кадровых дивизий (в их число входила одна вновь сформированная дивизия – 10-я бронетанковая) и одной новой пехотной дивизии (50-й), сформированной из крепостных войск в районе Одер – Варта. Всего силы включали двадцать четыре пехотные дивизии, три горнострелковые дивизии, шесть бронетанковых дивизий, четыре легкие дивизии, четыре моторизованные пехотные дивизии и одну кавалерийскую бригаду. К ним следует прибавить шестнадцать новых дивизий, сформированных только после объявления всеобщей мобилизации и предназначенных для второго – четвертого эшелонов. Пока еще их нельзя было считать полноценными войсками. Кроме того, для участия в Польской кампании назначались дивизия СС лейбштандарт «Адольф Гитлер» и один-два усиленных полка СС.

Таким образом, на западе осталось только одиннадцать кадровых дивизий, несколько крепостных частей численностью около дивизии (позднее переформированы в 72-ю пехотную дивизию) и тридцать пять вновь укомплектованных дивизий до второго – четвертого эшелонов. Не имелось ни бронетанковых, ни моторизованных войск. Итого сорок шесть дивизий, из которых лишь три четверти были условно годны для участия в боевых действиях.

22-я пехотная дивизия, проходившая подготовку и оснащенная как воздушно-десантная, осталась в резерве ОКХ на территории Германии.

Основная часть наших военно-воздушных сил в составе двух воздушных флотов также была брошена против Польши, а третий воздушный флот, как более слабый, остался на западе.

Безусловно, распределив свои силы подобным образом, немецкое командование пошло на огромный риск. Из-за неожиданно быстрого завершения Польской кампании (которое отчасти произошло в результате ошибок побежденной стороны) и, прежде всего, по причине полного бездействия западных союзников Польши во время ее разгрома этот риск едва ли был оценен по достоинству.

Нужно принять во внимание, что в тот момент немецкое командование должно было считаться с французской армией, насчитывавшей около девяноста дивизий. Осенью 1939 года (по данным фон Типпельскирха) Франция фактически мобилизовала 108 дивизий за три недели! Всего в их число входило пятьдесят семь пехотных, пять кавалерийских, одна бронетанковая и сорок пять резервных, или «территориальных», дивизий при поддержке

сильных армейских частей, танковых и артиллерийских². Последние имели то преимущество, что состояли из резервистов, прошедших полный курс подготовки, тогда как вновь созданные соединения в большой степени комплектовались неопытными новобранцами или запасниками времен Первой мировой.

Поэтому не вызывает сомнения, что с первого же дня войны французская армия во много раз превосходила немецкие силы на западе.

С другой стороны, доля британских сухопутных сил была довольно незначительна. Они насчитывали всего четыре дивизии, да и те прибыли только в первой половине октября.

В основе плана действий Германии против Польши лежало максимальное использование возможностей, предоставляемых формой границы, дабы с самого начала окружить противника. Таким образом, немецкие армии развернулись двумя далеко отстоящими друг от друга фланговыми группами, оставив центральный участок (бассейн Одер – Варта) почти открытым.

Группа армий «Север» (командующий генерал-полковник фон Бок, начальник штаба генерал фон Зальмут) включала в себя две армии, насчитывавшие пять пехотных и один бронетанковый корпус. Всего в их состав входило девять кадровых пехотных дивизий (в том числе 50-я пехотная дивизия, только что сформированная из крепостных войск и не до конца укомплектованная), восемь пехотных дивизий, сформированных во время мобилизации, две бронетанковые дивизии (а также вновь созданная танковая тактическая группа Кемпа), две мотопехотные дивизии и одна кавалерийская бригада – всего двадцать одна дивизия. К ним следует прибавить расположенные в Восточной Пруссии крепостные войска Кенигсберга и Лётцена, а в Померании – бригаду Нетце.

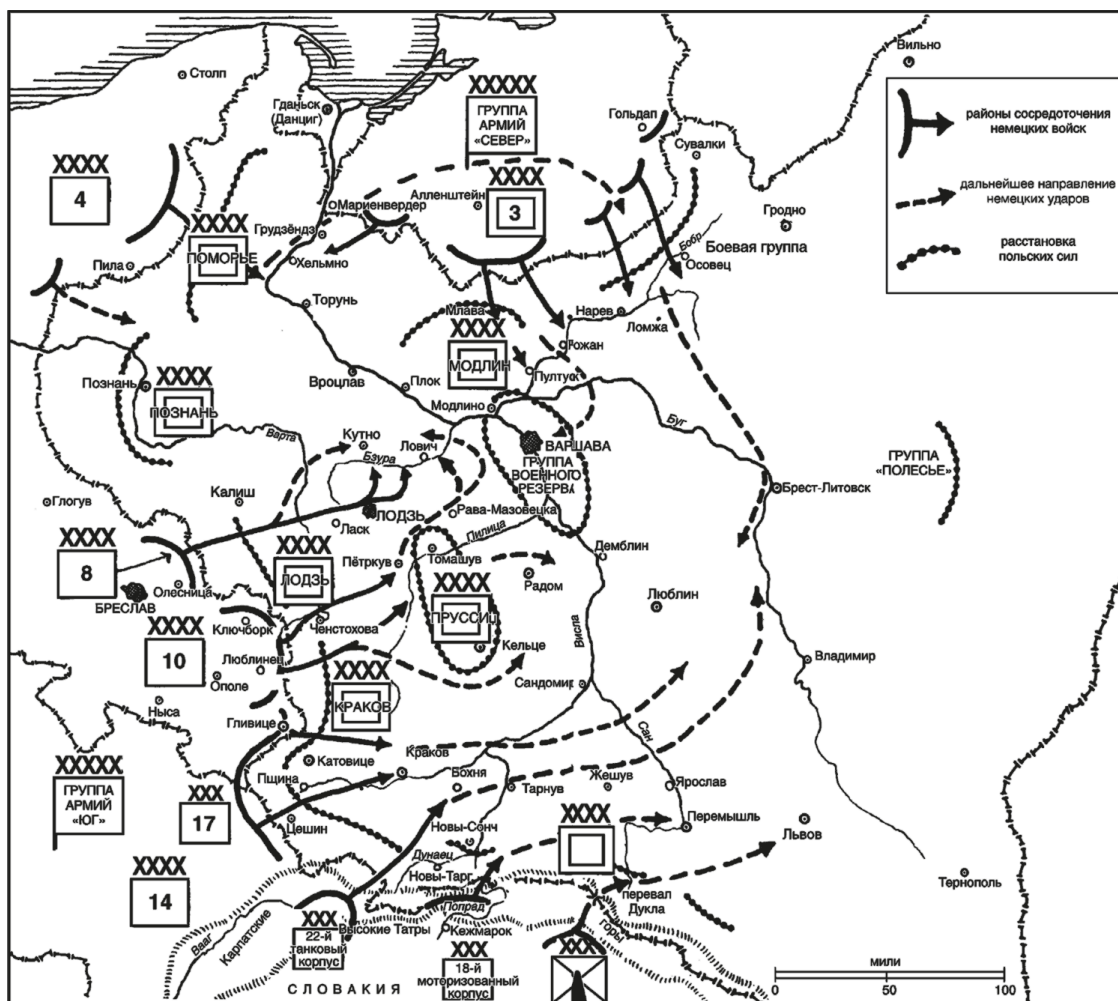
3-я армия (командующий генерал фон Кюхлер) из состава этой группы армий развернулась в Восточной Пруссии, а 4-я армия (командующий генерал-полковник фон Клюге) – в Восточной Померании.

Задача группы армий заключалась в том, чтобы нанести удар через Польский коридор, затем основными силами наступать восточнее Вислы на юго-восток или юг, после чего, форсировав Нарев, ударить в тыл польским войскам, которые, скорее всего, будут оборонять Вислу.

Группа армий «Юг» (командующий генерал-полковник фон Рундштедт, начальник штаба генерал Манштейн) располагала существенно большими силами. В ее состав входило три армии: 14-я (генерал-полковника Листа), 10-я (генерал-полковника Рейхенау) и 8-я (генерал-полковника Бласковица). Всего группа армий насчитывала восемь пехотных и четыре бронетанковых корпуса, в том числе пятнадцать кадровых пехотных дивизий, три горнострелковые дивизии, восемь вновь укомплектованных дивизий, а также значительную часть механизированных соединений: четыре бронетанковые, четыре легкие и две моторизованные пехотные дивизии. Итого тридцать шесть дивизий.

Группа армий осуществила развертывание 14-й армии в промышленной области Верхней Силезии, Восточной Моравии и Западной Словакии; 10-й армии в Верхней Силезии в районе Кройцберга и южнее; 8-й армии в Центральной Силезии восточнее Эльса. Ее задача состояла в том, чтобы разгромить врага в большой излучине Вислы и в Галиции, совершить прорыв к Варшаве крупными моторизованными силами, как можно быстрее на широком фронте захватить переправы через Вислу, а затем в соединении с группой армий «Север» уничтожить остатки польской армии.

² Однако нужно отметить, что на первых этапах часть этих сил оставалась в Северной Африке и на альпийской границе. (Примеч. авт.)

Расстановка немецких и польских сил

Расстановка сил и оперативный план польской армии

В мирное время Польша обладала тридцатью пехотными дивизиями, одиннадцатью кавалерийскими бригадами, одной горнострелковой бригадой и двумя моторизованными (бронетанковыми) бригадами. Кроме того, она располагала несколькими полками пограничных войск, большим количеством батальонов национальной обороны и военно-морскими соединениями, сосредоточенными в районе Гдыня – Хела.

Иными словами, в общей сложности она владела довольно значительными силами. Однако вооружение польской армии в основном относилось еще ко временам Первой мировой войны, а военно-воздушные силы примерно в тысячу самолетов тоже не отвечали современным требованиям.

По расчетам немецкой стороны, Польша должна была удвоить количество дивизий в случае войны, хотя представлялось сомнительным, что у нее имеется необходимое вооружение. По данным фон Типпельскирха в его «Истории Второй мировой войны», до начала военных действий Польша укомплектовала полков ровно на десять резервных дивизий, однако и после этого ей, по-видимому, не хватило времени сформировать из полков дивизии, как было запланировано. Однако в ходе кампании немецкой разведке все же удалось установить ряд польских резервных дивизий.

Польское командование сухопутных сил распределило войска следующим образом.

Вдоль восточнопрусской границы, перед рубежом Бобр – Нарев – Висла были развернуты:

1) Оперативная группа в составе двух дивизий и двух кавалерийских бригад между Сувалками и Ломжей;

2) Модлинская армия в составе четырех дивизий и двух кавалерийских бригад по обе стороны от Млавы.

В коридоре расположилась Поморская армия, включавшая пять дивизий и одну кавалерийскую бригаду.

У германской границы от Варты до словацкой границы сосредоточилось три армии:

1) Познанская армия в составе четырех дивизий и двух кавалерийских бригад в западной части Познанского воеводства;

2) Лодзинская армия в составе четырех дивизий и двух кавалерийских бригад в районе Велюни;

3) Краковская армия в составе шести дивизий, одной кавалерийской и одной моторизованной бригады между Ченстоховой и Новы-Таргом.

За последними двумя армиями стояла Прусская армия в составе шести дивизий и одной кавалерийской бригады в районе Томашув – Кельце.

Наконец, Карпатская армия в эшелонированном построении, составленная в основном из резервных частей и батальонов национальной обороны, должна была прикрывать глубокий фланг вдоль карпатской границы.

Резервная группа (армия генерала Пискора), включавшая три дивизии и одну моторизованную бригаду, оставалась на Висле в районе Модлин – Варшава – Люблин. Кроме того, восточнее Буга уже в ходе кампании была сформирована независимая Полесская группа, вероятно для обороны от нападения со стороны России.

Как оказалось впоследствии, когда началось немецкое наступление, Польша еще не закончила развертывания своих сил, и, видимо, поэтому оно так и не было доведено до конца в соответствии с вышеизложенным планом.

Несколько замечаний о развертывании польских сил

Трудно определить, в чем состояли стратегические цели развертывания польских сил, если только в его основе не лежало желание «закрыть все» и ничего не отдавать добровольно. Обычно такой образ действий приводит к поражению более слабой стороны. Всего через несколько лет Гитлеру пришлось убедиться в этом на собственном опыте, но он не вынес из него никаких уроков.

Итак, сложность стратегического положения Польши, заключавшаяся в слабости польских вооруженных сил, а также в особенностях границы, которые давали Германии возможность наступать с двух, а позднее и с трех сторон одновременно, была совершенно очевидна. И если польское Верховное командование все же отважилось на попытку «удержать все», это показывает только то, как трудно совместить психологические и политические сдержки с твердо установленными военными фактами.

Вероятно, за исключением маршала Пилсудского и еще нескольких трезвомыслящих политиков, никто в Польше не отдавал себе полного отчета, в сколь опасной ситуации оказалась страна в результате необоснованных территориальных претензий к соседним государствам – России и Германии. При этом Польша насчитывала всего лишь 35 миллионов жителей, из которых поляков было только 22 миллиона, а остальные принадлежали к немецкому, украинскому, белорусскому и еврейскому меньшинствам, которые без исключений в той или иной степени подвергались притеснениям.

Кроме того, Польша, полагаясь на французских союзников, в годы военной слабости Германии (и Советского Союза) слишком долго мечтала о возможности атаковать Германское государство. Одни желали бы напасть на изолированную Восточную Пруссию или – в результате пропаганды Польской повстанческой лиги – на немецкую Верхнюю Силезию; другие даже обдумывали поход на Берлин либо по кратчайшему пути через Познань и Франкфурт, либо, после захвата Верхней Силезии, путем наступления на столицу западнее Одера.

Конечно, эти мечты потерпели крах сначала в результате строительства немецких укреплений в Восточной Пруссии и бассейне Одер – Варта, а позднее перевооружения Германии. Но маловероятно, чтобы агрессивные идеи подобного рода полностью исчезли из головы польских политиков и военных, рассчитывавших на одновременное наступление французов на западе. Хотя изложенный выше план развертывания сначала мог иметь оборонительный характер, можно допустить, что его целью также было обеспечить возможность для наступательных действий впоследствии, как только Франция окажет реальную помощь.

Что до остального, то у польского Генштаба не было собственной военной доктрины, которая формируется в результате многолетнего опыта. С одной стороны, поляки по характеру более склонны к нападению, чем к обороне. Можно предположить, что в умах польских солдат все еще бродили, хоть и подсознательно, романтические представления старинных времен. К слову, мне вспоминается виденный как-то портрет маршала Рыдз-Смиглы, изображенного на фоне атакующих кавалерийских эскадронов. С другой стороны, недавно созданную польскую армию обучали французы. От них польские военные едва ли могли почерпнуть умение действовать быстро и гибко в силу того, что с 1918 года французская военная мысль основывалась на опыте позиционной войны.

Таким образом, легко прийти к выводу, что, не считая желания «ничего не отдавать», план развертывания польских войск не имел какой-либо четкой оперативной цели и представлял собой лишь компромисс между захватническими амбициями прошлого и необходимостью обороняться от превосходящих сил противника. В то же время поляки совершили ошибку, посчитав, что немцы будут вести наступление по французскому образцу и вскоре оно выродится в позиционную войну. В этой связи представляет интерес секретное сообщение, которое мы получили незадолго до начала войны, о том, что поляки, возможно, собираются предпринять наступление. Оно исходило из источника, до тех пор считавшегося совершенно надежным, в непосредственном окружении президента Польши или маршала Рыдз-Смиглы, и в нем говорилось, что поляки собираются развернуть войска для наступления и сосредоточить значительные силы в Познанской провинции. Самое примечательное то, что план кампании якобы предложили, если не потребовали, британцы! В тогдашних обстоятельствах мы сочли это предложение весьма неприемлемым. Однако впоследствии оказалось, что поляки действительно собрали сравнительно крупные силы в Познани, хотя сами они придерживались той точки зрения, что с этой стороны менее всего приходилось ожидать германского наступления. Познанской армии суждено было встретить свою гибель в боях на реке Бзуре.

На самом деле у Польши не было недостатка в разумных предложениях. Как пишет полковник Герман Шнейдер в «Милитервиссеншафтлихе рундшау» за 1942 год, генерал Вейган предложил перенести оборону за линию Неман – Бобр – Нарев – Висла – Сан. С оперативной точки зрения это был единственный верный совет, поскольку так устранялась вероятность окружения немецкими войсками, а также за счет препятствий в виде рек значительно облегчалась оборона от немецких танковых соединений. Вдобавок эта линия составляла в длину всего 600 километров в противоположность дуге в 1800 километров, которую описывала польская граница от Сувалок до карпатских перевалов. Разумеется, если бы предложение было принято, это потребовало бы оставить всю Западную Польшу, где сосредото-

чилились самые ценные промышленные и сельскохозяйственные районы страны, и маловероятно, что какое-либо польское правительство смогло бы устоять после такого шага. Также нужно принять во внимание, что столь далекий отход в самом начале военных действий едва ли способствовал бы воинственности французов на западе, и по-прежнему оставалось неясным, не подвигла бы сдача Западной Польши немцам русских к немедленным действиям, чтобы, со своей стороны, обеспечить себе долю в восточных трофеях.

Вследствие этого, как говорит нам полковник Шнейдер, генерал Кутшеба, директор польской военной академии, в меморандуме, который он направил маршалу Рыдз-Смиглы в начале 1938 года, предложил иное решение. Он настаивал, что не может быть и речи о том, чтобы сдать «важнейшую стратегическую область Польши», охватывавшую и промышленные районы Лодзи и Верхней Силезии, и ценные сельскохозяйственные районы в Познани, Кутно и Кельце. Поэтому он предложил план развертывания войск, который, хотя и не предусматривал попыток удержать Польский коридор или Познанскую провинцию, в основном совпадал с тем планом, который и был окончательно принят в 1939 году. Для укрепления польской обороны следовало построить протяженную систему фортификаций южнее восточнопрусской границы, по широкой дуге от Грудзёндза до Познани и вдоль силезской границы от Острова, через Ченстохову до Цешина. В то же время генерал Кутшеба обращал внимание на необходимость подготовки «лазов» для последующего наступления на Восточную и Западную Пруссию и Силезию. Совершенно ясно, что строительство таких протяженных и достаточно мощных укреплений выходило за рамки возможностей Польши. Однако генерал Кутшеба признавал военное превосходство Германии перед Польшей. Также разумно он оценивал и французскую поддержку, поскольку считал, что, даже если Франция окажет военную помощь в максимальном объеме, в первые шесть – восемь недель Польша будет вынуждена обходиться собственными силами. Поэтому он предусматривал «стратегическую оборону» по западному периметру вышеупомянутой «важнейшей области», внутри которой планировалось собрать резервы для последующих решительных операций.

Как уже говорилось, развертывание, выполненное польской армией в 1939 году, весьма походило на план развертывания, рекомендованный генералом. Впрочем, он предлагал сосредоточить главные усилия в районе Торунь – Быдгощ – Гнезно, тогда как в 1939 году было два района такого сосредоточения: один по периметру Восточной Пруссии, другой против Силезии.

Польское развертывание 1939 года, задуманное с целью «прикрыть все», в том числе выступающую вперед Познанскую провинцию, неизбежно влекло за собой поражение ввиду превосходства Германии и ее возможностей к охвату с флангов. Каким же образом должна была действовать Польша, чтобы избежать поражения?

Прежде всего следовало решить, сдавать ли одну только упомянутую генералом Кутшебой «важнейшую стратегическую область» или – в результате окружения со стороны Восточной Пруссии, Силезии и Словакии – вместе с польской армией. Подобный же вопрос я не один раз задавал Гитлеру в 1943–1944 годах, когда он требовал от меня удержать Донбасс, Днепр и другие районы России.

По-моему, ответ на этот вопрос был предельно ясен. Командование Польши должно было строиться на том, чтобы польская армия любой ценой продержалась до того момента, пока наступление западных держав не вынудило бы немцев отвести основную массу войск с Польского театра военных действий. Даже притом что на первый взгляд утрата промышленных областей лишала Польшу способности вести продолжительную войну, существование польской армии как боеспособного соединения все-таки сохраняло возможность отвоевать их в будущем. Ни при каких обстоятельствах польская армия не должна была допустить окружения ее западнее Вислы или на обоих ее берегах.

Суть проблемы для Польши состояла в том, чтобы выиграть время. Очевидно, что решительная оборона могла быть организована только за линией Бобр – Нарев – Висла, хотя на южном фланге можно было выдвинуть фронт вверх до Дунайца с целью удержать центральный промышленный район Польши между Вислой и Саном.

В первую очередь необходимо было устранить всяческую возможность окружения германской армией со стороны Восточной Пруссии и Западной Словакии. Для этого следовало занять на севере линию Бобр – Нарев и вниз вдоль Вислы до Модлинской крепости или Вышеграда. Во всяком случае, эта линия представляла собой сильное естественное препятствие, а бывшие русские укрепления, хотя они и устарели, могли послужить дополнительной поддержкой. Кроме того, если и можно было ожидать немецкого танкового удара из Восточной Пруссии, то едва ли крупными силами.

На юге трудность состояла в том, чтобы предотвратить охват в глубоком польском тылу путем обороны карпатских перевалов. Безусловно, обе эти задачи можно было решить небольшими силами. Развертывание польских соединений в направлении линии Бобр – Нарев было такой же грубой ошибкой, как и выдвижение крупными силами в Польский коридор и выступающую Познанскую провинцию.

После того как северный и южный фланги были бы обеспечены от глубокого охвата, Польша получила бы возможность перейти на западе к маневренной обороне, не забывая о том, что главный немецкий удар следует ожидать со стороны Силезии. Во-первых, потому, что железнодорожная и дорожная сеть позволяла сосредоточить мощные силы здесь быстрее, чем в Померании или тем более в Восточной Пруссии; во-вторых, потому, что удар по Варшаве через Познань мог быть осуществлен только фронтально и, значит, в оперативном смысле был наименее эффективен и в силу этого маловероятен.

Сосредоточение польских сил должно было осуществляться не вблизи границы, как это происходило в 1939 году, но на достаточном удалении от нее, чтобы защитники могли определить направление главных ударов германской армии. Для этого необходимо было оставить минимум сил в коридоре и Познанской области, чтобы собрать основные силы для отражения главного удара со стороны Силезии и, прежде всего, иметь под рукой достаточные стратегические резервы. Если бы Польша обратила внимание на усиление бывших немецких укреплений на Висле между Торунью и Грудзёндзом, а не предавалась слишком долго мечтам о нападении на Германию, она, по крайней мере, могла бы задержать соединение немецких сил, наступающих из Померании и Восточной Пруссии; аналогично, должным образом укрепив Познань, она ограничила бы свободу действий немецких армий в этой провинции.

Кроме того, план использования внутренней линии обороны для нанесения контрударов на севере или юге Западной Польши, как того потребует развитие событий, на практике был едва ли осуществим. Для такого рода операций не хватало места, да и железнодорожная сеть Польши не выдержала бы напряжения. К тому же нужно было учитывать, что немецкая авиация и танковые соединения очень скоро могли воспрепятствовать передвижению крупных польских сил. Поэтому не оставалось ничего иного, как перенести жесткую оборону за линию Бобр – Нарев – Висла – Сан (или, возможно, и Дунаец), а перед ней вести бои только с целью выиграть время, не забывая о том, чтобы с самого начала сосредоточить главные силы против Силезии и одновременно обеспечить эффективную защиту северного и южного флангов.

Никто не сможет утверждать, что любая из этих мер спасла бы Польшу от окончательного поражения, если бы – как и оказалось в действительности – западные державы предоставили ее самой себе. Однако таким путем поляки не допустили бы столь легкого захвата приграничных районов, в результате чего польское командование не смогло ни организовать

сопротивление на Висленской дуге, ни отвести армию за речные рубежи и занять подготовленную оборону.

С первого же дня Польше оставалось только тянуть время. Единственный возможный выход для нее состоял в том, чтобы противостоять немецкому наступлению – в конечном итоге за речными рубежами – до тех пор, пока союзное наступление на западе не вынудит немцев отвести войска. Поэтому польское военное командование должно было без обиняков заявить правительству страны, что вступать в войну с Германией, пока западные державы твердо не гарантируют начать наступление на западе всеми доступными силами сразу же после открытия военных действий, нельзя.

Учитывая, каким решающим влиянием обладал в то время польский главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы, ни одно правительство не пренебрегло бы этим предостережением. Пока позволяло время, оно должно было урегулировать вопрос о Данциге и коридоре, хотя бы ради того, чтобы оттянуть войну с Германией.

В 1940 году наши войска во Франции перехватили письмо, датированное 10 сентября 1939 года, направленное генералом Гамеленом польскому военному атташе в Париже. Очевидно, что это ответ на польский запрос о том, когда они могут ожидать эффективной военной помощи. Генерал Гамелен так отозвался на него для дальнейшей передачи маршалу Рыдз-Смиглы:

«Более половины наших кадровых дивизий на северо-востоке участвуют в военных действиях. После перехода границы немцы оказывают нам упорное сопротивление, несмотря на которое нам удалось продвинуться вперед. Однако мы связаны позиционной войной с противником, хорошо подготовленным к обороне, а я еще не получил всей необходимой артиллерии... С самого начала немецкая авиация взаимодействовала с операциями наземных сил, и у нас создается впечатление, что против нас действует значительная часть люфтваффе.

Таким образом, я досрочно выполнил свое обещание начать наступление главными силами через две недели после первого дня объявления мобилизации во Франции. Большого я сделать не мог».

Из этого вытекает, что Польша действительно имела гарантии французской стороны. Остается вопрос, могло ли польское командование удовлетвориться гарантиями, которые обязывали французов «начать наступление» только по истечении целых двух недель. Так или иначе, произошедшие с тех пор события показали, что это обещание отнюдь не гарантировало Польше ни быстрой, ни эффективной помощи.

Поражение Польши стало неизбежным следствием иллюзий, которые питало варшавское правительство относительно действий союзников, а также переоценки возможностей польской армии вести продолжительное сопротивление.

3. Действия группы армий «Юг»

Когда на рассвете 1 сентября 1939 года наши войска перешли польскую границу, штаб нашей группы армий, разумеется, находился на своем посту в монастыре Святого Креста в Нысе. Монастырь, в котором обучались католические миссионеры, находился за чертой города и представлял собой идеальное помещение для высшего штаба благодаря своей вместительности и уединению, а также простой отделке классов и келий. Спартанское существование его обычных обитателей, которые уступили нам часть построек, накладывало определенный отпечаток и на нашу жизнь, тем более что наш комендант лагеря, хотя и служил раньше в знаменитой мюнхенской пивной «Лебенброй», не выказывал большого желания нас побаловать. Естественно, что мы, как все остальные солдаты, получали ежедневный паек, да и на тушенку, которую нам готовили на обед в полевой кухне, жаловаться не приходилось. Однако мне очень сомнительно, что изо дня в день мы непременно должны были получать на ужин солдатский хлеб и твердую копченую колбасу, которую старшие из нас пережевывали с большим трудом. К счастью, время от времени монахи добавляли к нашему рациону зеленый салат и овощи со своего огорода. Иногда вечерами к командующему группой армий и штабным офицерам присоединялся настоятель и увлекательно рассказывал о самоотверженных трудах миссионеров в далеких краях. Эти рассказы помогали нам не без приятности отвлечься, хоть и ненадолго, от насущных вопросов, которые ставило перед нами ближайшее будущее.

Но 1 сентября положило конец нашим беседам. Отныне все свое время до последней минуты мы отдавали войне. Если в то утро мы так рано оказались на своих рабочих местах, то не потому, что в этом была практическая необходимость, а скорее из чувства, что мы должны быть в полной готовности с того момента, как наши войска придут в соприкосновение с врагом. Ведь мы точно знали, что пройдут многие часы, прежде чем мы услышим важные известия из подчиненных армий. Эти часы знакомы всем, кому приходилось работать в высших штабах, — часы, когда события уже идут своим чередом и можно лишь ждать их развития.

Фронтовой солдат знает, какое невероятное напряжение нарастает перед наступлением, когда на часах командира стрелки размеренно идут вперед вплоть до того мига, когда начинается бросок и напряжение спадает. Но с этой секунды бойца на передовой полностью захватывает бой и заставляет забыть обо всем остальном. В отличие от него у штабного офицера — и чем выше его звание, тем это вернее — в момент атаки начинается период ожидания, наполненного напряжением и тревогой. Вполне справедливо, что подчиненные соединения не любят получать запросы о ходе боя, которые не могут не понимать как признак нервозности. Поэтому лучше просто сидеть и ждать. Кстати, стоит заметить, что поговорка о худых вестях, которые не лежат на месте, редко подходит к военным событиям. Если дела идут хорошо, обычно новости приходят довольно быстро. Если же, наоборот, наступление завязает, фронт окутывает облако молчания либо из-за повреждения линий связи, либо потому что те, кому положено докладывать обстановку, предпочитают выждать, пока не смогут сообщить что-то более ободряющее.

Таким образом, напряжение спадает, только когда поступают первые донесения, будь они хорошие или плохие. А пока они не поступят, мы опять-таки можем только сидеть и ждать. Оправдают ли ожидания войска, на подготовку которых потрачено столько сил и труда, хотя она закончилась слишком быстро? А в особенности оправдают ли крупные танковые соединения, организация и применение которых представляли собой нечто совершенно новое, надежды генерала Гудериана, их создателя, и наши собственные? Смогут ли немецкие штабы, и в первую очередь нашей группы армий, овладеть ситуацией на первых этапах и

довести дело до окончательной победы – уничтожить врага, пока он еще находится западнее Вислы, и тем самым устранить опасность войны на два фронта? Вот вопросы, не дававшие нам покоя в те часы напряжения и неизвестности.

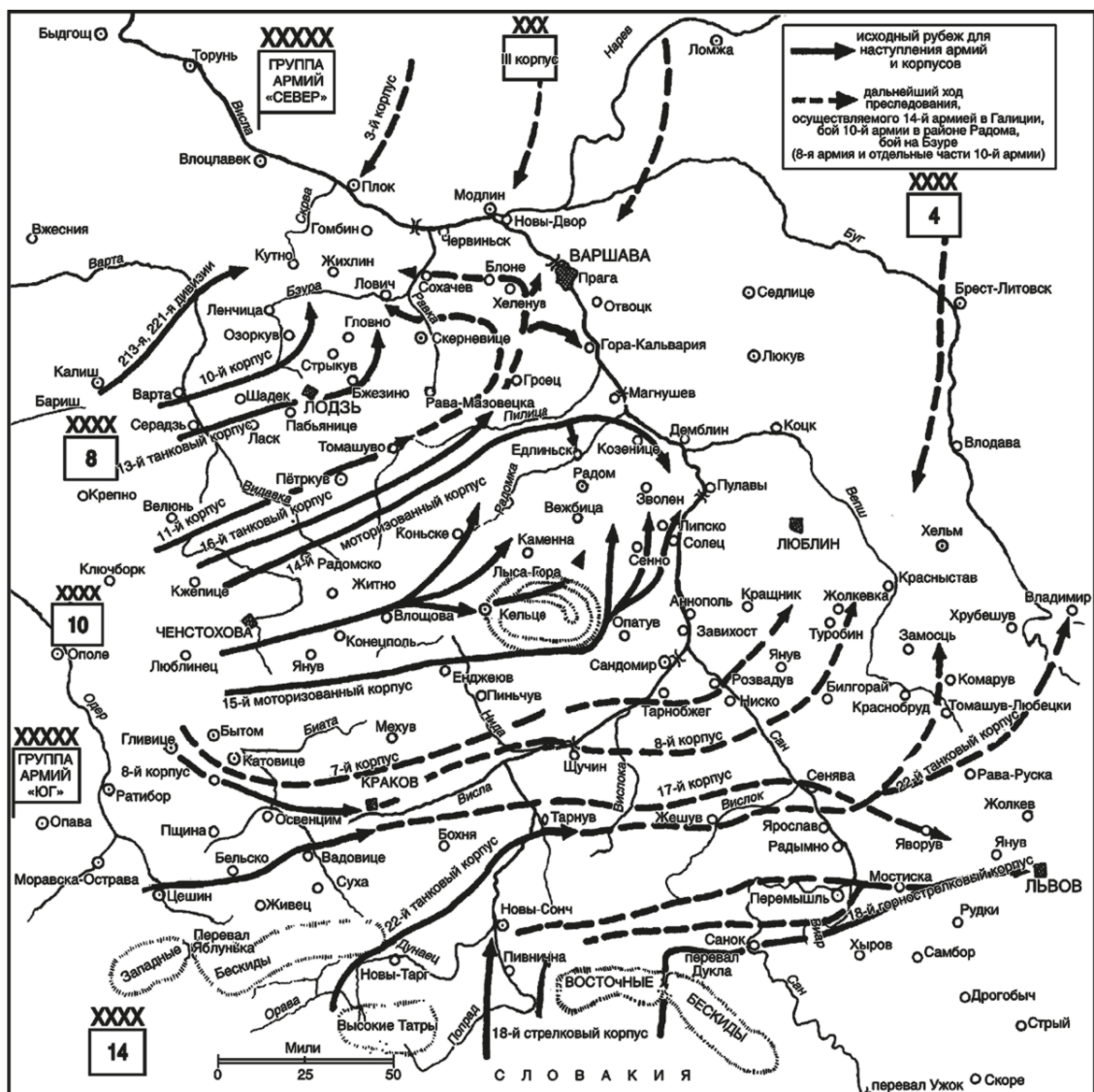
Начальная обстановка

План ОКХ предусматривал крупномасштабный обходной маневр против польской армии со стороны Восточной Пруссии и Силезии, который группа армий «Север» должна была осуществить, переправившись через Вислу после установления связи между Восточной Пруссией и Померанией и изгнания польских войск из коридора, чтобы с тыла атаковать основные силы противника на большой дуге Вислы.

Задача, назначенная группе армий «Юг», состояла в том, чтобы попытаться вынудить противника принять бой еще на Висле и сорвать его попытки отступить за линию Висла – Сан. С этой целью танковые соединения 10-й армии, непосредственно за которыми должны были следовать пехотные дивизии, должны собраться в кулак и опрокинуть войска неприятеля, вероятно сосредоточенные вблизи границы, и, по возможности опередив его, захватить переправы через Вислу от Демблина до Варшавы. Кроме того, 14-я армия, наступающая через Галицию, должна была как можно быстрее достичь и форсировать Сан. В случае, если враг намеревался оказать решительное сопротивление на Сане и Висле, 14-я армия могла немедленно внести беспорядок в неприятельскую оборону на речных рубежах и глубоко в тылу врага соединиться с восточным флангом группы армий «Север», подходящей с севера. Задача 14-й армии облегчалась тем, что ее правый фланг, далеко выдвинутый в Восточную Словакию, непосредственно угрожал глубокому флангу вражеских войск, сконцентрированных в районе Кракова, и тем самым исключала возможность долговременной обороны Галиции.

Таков был замысел, который лег в основу операций группы армий «Юг» в Польше. Она всеми силами стремилась завязать бой с противником и уничтожить его основные силы перед Вислой, но в то же время в любой момент была готова предотвратить попытки врага не вступать в решительный бой, пока он не отойдет за линию Сан – Висла.

Вместо того чтобы описывать каждый день операций, как бы ни был полезен подробный обзор этой «молниеносной» кампании, я предпочел бы ограничиться кратким пересказом ее основных этапов. Эти этапы, отчасти изложенные в хронологическом порядке, отчасти происходившие одновременно, таковы: тяжелые пограничные бои в Галиции и последующее преследование разбитого противника до Львова и за реку Сан силами 14-й армии; прорыв 10-й армии к Висле и сражение с окруженным противником в районе Радома; бой на Бзуре под непосредственным руководством штаба группы армий «Юг», в результате которого 8-я и 10-я армии уничтожили сильнейшую группировку вражеских войск; наступление на Варшаву и заключительные бои, явившиеся результатом частых изменений в договорах между руководителями Германии и Советского Союза, войска которого к тому времени вошли в Восточную Польшу, перейдя польскую границу 17 сентября 1939 года.

Операции группы армий «Юг» в ходе

Наступление 14-й армии в Галиции

Первой задачей 14-й армии было окружение значительных сил неприятеля, которые, как мы полагали, находились в районе Кракова. Армия уже начала маневр широким развертыванием из Силезии через район Моравска – Остравы (Мериш-Острау) в направлении на Карпаты.

В то время как 8-й корпус (командующий генерал Буш, в составе 8-я и 28-я пехотные дивизии и 5-я танковая дивизия) должен был прорваться за сильные пограничные укрепления поляков на востоке Верхней Силезии и затем наступать на Краков по северному берегу Вислы, 17-й корпус (командующий генерал Киниц, в составе 7-я и 44-я пехотные дивизии) подходил к Кракову из Моравии южнее Вислы.

Следующие армейские корпуса получили задание обойти с флангов вражеские силы, ожидавшиеся в районе Кракова:

22-й танковый корпус (командующий генерал фон Клейст, в составе 2-я танковая и 4-я легкая дивизии) должен был наступать на Краков с юга из долины Оравы в Западных Карпатах, а 18-й горнострелковый корпус (командующий генерал Байер, в составе 2-я и 3-я гор-

нострелковые дивизии) должен был прорваться через долину Попрада восточнее Высоких Татр с целью нанести удар через Новы-Сонч (Ной-Зандец) на Бохню (западнее Тарнува) и выйти в тыл противнику в районе Кракова.

Словацкие войска, впоследствии выпущенные ОКХ, должны были наступать далее на восток, через перевал Дукла, хорошо известный еще со времен Первой мировой. 1-я горнострелковая Баварская дивизия, закаленная в боях, и две резервные дивизии получили задание позднее также принять участие в действиях на этом окружающем фланге.

Хотя первые бои 14-й армии – в частности 8-го силезского корпуса за польские пограничные укрепления – шли тяжело, судьбу этих пограничных районов в оперативном отношении уже решил обходной маневр со стороны Карпат. Правда, намеченное окружение группировки противника у Кракова не удалось осуществить в точности, поскольку враг распознал грозящую ему опасность и вовремя оставил Западную Галицию. Однако его главные силы все же были разгромлены в этих первых боях и во время дальнейшего преследования, в ходе которого 22-му танковому корпусу удалось настичь отступающего врага. Правый фланг армии – 18-й горнострелковый корпус и 17-й корпус – продвинулись до Львова и крепости Перемышль, которые оба были взяты. Левый фланг, состоявший из 22-го танкового корпуса, 8-го корпуса и приданного группой армий 7-го корпуса, смог пересечь Сан выше места его впадения в Вислу, и, хотя в последующих боях, местами ожесточенных, неприятель храбро оборонялся, остальные его войска, подошедшие частично из Варшавы или с фронта группы армий «Север», были полностью разбиты. В надлежащее время наша группа армий соединилась с левым флангом группы армий «Север».

К 15 сентября пали Львов и Перемышль и преследование противника в основном было завершено, хотя здесь и восточнее Сана еще продолжались бои на уничтожение остатков польских частей.

Прорыв 10-й армии к Висле и сражение в Радомском котле

В то время как основная задача 14-й армии – помимо уничтожения войск врага, развернутых в Западной Галиции, – состояла в преследовании и захвате отступающего врага с целью любой ценой помешать ему остановиться за Вислой для подхода свежих сил, две армии, наступающие из Силезии, должны были вынудить противника принять решительную битву до выхода к реке. Ключевая роль отводилась более сильной из двух – 10-й армии, которой со своими мощными бронетанковыми соединениями поручалось нанести удар через Вислу, тогда как более слабая 8-я армия должна обеспечить защиту северного фланга операции от вражеских войск, расположенных, по нашим сведениям, в районе Калиш – Лодзь и в Познанской провинции.

10-я армия выступила из Верхней Силезии – левый фланг из района Кройцбурга – четырьмя корпусами. Начиная с правого фланга, это были: 15-й моторизованный корпус (командующий генерал Гот, 2-я и 3-я легкие дивизии), 4-й корпус (командующий генерал фон Шведлер, 4-я и 46-я пехотные дивизии), 16-й танковый корпус (командующий генерал Хепнер, 1-я и 4-я танковые дивизии, 14-я и 31-я пехотные дивизии) и 11-й корпус (командующий генерал Лееб, 18-я и 19-я дивизии). Следом шел 14-й моторизованный корпус (командующий генерал фон Витерсхейм, 13-я и 29-я моторизованные дивизии и 1-я легкая дивизия).

Следом за армией в качестве резерва группы армий шли 7-й корпус (командующий генерал фон Шоберт, в составе 27-я и 68-я пехотные дивизии) и 62-я пехотная дивизия.

8-я армия в составе 13-го корпуса (командующий генерал фон Вейхс, 10-я и 17-я пехотные дивизии и моторизованная дивизия «Лейбштандарт») и 10-го корпуса (командующий генерал Улекс, 24-я и 30-я дивизии) должна была наступать глубокоэшелонированным

построением в направлении Лодзи. За армией также следовали две дивизии (213-я и 221-я) в качестве резерва группы армий.

Сразу после того, как на рассвете 1 сентября 1939 года немецкие армии перешли границу, завязалось яростное сражение, в ходе которого враг был отброшен. В следующие несколько дней перед нами настоятельно встал вопрос, будет ли он по-прежнему пытаться принять решающий бой по эту сторону Вислы, или он поставил себе цель выиграть время, чтобы успеть отвести свои силы за реку. Сначала, во всяком случае, некоторые признаки свидетельствовали о том, что в горной местности Лыса-Гора в районе Кельце, Радома и Лодзи формируются сильные группировки противника.

Однако в первые несколько недель войны решающими для исхода боев стали два фактора, впервые проявившиеся в этой кампании.

Первый из них заключался в том, что вражеский фронт был прорван танковыми соединениями, глубоко проникшими в его тыл, хотя нашим пехотным дивизиям приходилось прикладывать все усилия, чтобы двигаться наравне с ними.

Второй состоял в том, что в результате успешных действий немецких военно-воздушных сил была почти полностью уничтожена авиация противника и парализована транспортная сеть и коммуникации. В силу этих причин полякам не удалось наладить централизованное управление операциями.

Исходя из обстановки, сложившейся со стороны противника, штаб нашей группы армий счел необходимым поставить перед 10-й армией две задачи. Правофланговая группа (в составе 14-го моторизованного корпуса и 4-го корпуса), а также следовавший за нею 17-й корпус (лишь позднее переподчиненный 14-й армии) должны были атаковать и разгромить вражеские группировки, сосредоточенные в районе Радома. На вторую, левофланговую группу, имевшую в составе 16-й танковый корпус, 14-й моторизованный корпус и 11-й корпус, была возложена задача преградить противнику путь к отступлению из района Лодзи к Варшаве, в то время как 8-я армия должна была нанести удар с запада.

В ходе выполнения приказа 10-я армия сумела завязать бой с радомской группировкой врага в лесистой и гористой местности Лыса-Гора, в то время как мобильный 15-й моторизованный корпус выдвинулся между этой группировкой и переправами через Вислу в Опатове и Демблине, а 14-й моторизованный корпус, действовавший в составе левофланговой группы на севере, также преграждал путь на Варшаву. 9 сентября закрылся первый котел этой войны, в который попала вражеская армия. Хотя бои в районе Кельце – Радом продолжались до 12 сентября, поскольку враг стремился прорвать сомкнувшееся вокруг него кольцо, судьба его была решена. В конце сражения в наших руках оказалось 60 тысяч пленных и 130 орудий, а поляки лишились семи дивизий. Даже если бы врагу удалось перейти через Вислу, он не избежал бы этой судьбы, так как в день, когда закончились бои под Радомом, 1-я горнострелковая дивизия 14-й армии уже стояла у врат Львова, а левый фланг армии перешел низовья Сана и потому был в состоянии сорвать оборону противника на Висле.

Между тем 16-й танковый корпус левофланговой группы 10-й армии с боями пробился к переправе через Вислу у Гора-Кальвария южнее Варшавы, а бронетанковая дивизия в составе корпуса вышла на ее юго-западные окраины. Для взятия столь укрепленного города, как Варшава, эти силы были недостаточны, и бронетанковую дивизию пришлось вывести из города. Однако факт остается фактом: путь к столице с запада был для врага отрезан.

Бой на Бзуре

В то время как в районе Радома еще продолжались бои, хотя победа, казалось, уже не за горами, наше внимание было приковано к северному флангу группы армий вследствие инициативы, проявленной здесь противником.

В первые девять дней кампании события происходили настолько гладко и планомерно, что возникало искушение поверить, будто ничто уже не сможет прервать или коренным образом изменить запланированный ход операции. Однако меня не покидало смутное ощущение того, что на северном фланге группы армий что-то готовится. Ведь нам было ясно, что враг собрал в Познанской провинции крупные силы, которые еще не обнаружили себя. В силу этого 8 и 9 сентября я неоднократно указывал начальнику штаба 8-й армии на то, что он должен уделить особое внимание разведке на северном фланге. В ходе обсуждения с командованием сухопутных сил относительно местонахождения познанских группировок 9 сентября мы получили из командования телеграмму о том, что противник отводит эти войска на восток всеми находящимися в его распоряжении транспортными средствами и что, следовательно, можно не опасаться угрозы глубокому флангу 8-й армии. Тем не менее, по нашим расчетам, южнее Вислы, между Лодзью и Варшавой, находилось около десяти дивизий противника.

Следует вспомнить, что группа армий планировала блокировать силами 10-й армии путь к Варшаве для группировки врага, состоявшей из пяти или шести дивизий, расположенных, по нашим сведениям, в районе Лодзи, в то время как 8-я армия получила приказ ударить по ней с запада. Первоначальная задача 8-й армии – защита операции группы армий на северном фланге глубокоэшелонированным построением – естественно, оставалась в силе.

При этом создавалось впечатление, что штаб 8-й армии больше заботился о выполнении первой из упомянутых задач, чем о событиях на севере, так как рано утром 10 сентября оттуда поступило донесение о том, что 30-я дивизия подверглась неожиданному нападению значительно превосходящих сил противника. Ситуация становилась критической, так как попытки армии восстановить положение контратаками терпели неудачи одну за другой. Однако командование армии все же рассчитывало на то, что врага удастся остановить, – безусловно, это были крупные силы, предположительно в основном переброшенные из Познанской провинции, – и с этой целью приказало всем корпусам занять оборону фронтом на север. Тем не менее оно запросило срочно перебросить для подкрепления армии танковый корпус, чтобы предотвратить прорыв врага в южном направлении на Лодзь, которая 9 сентября была занята без боя.

Однако штаб группы армий ни в коей мере не был расположен восстанавливать положение 8-й армии переброской подкреплений на ее фронт. Даже если здесь возник бы местный кризис – пусть даже серьезный, – он не имел бы никакого влияния на ход операции в целом. Напротив, он давал нам шанс превратить его в большую победу ввиду того, что крупные силы противника были задействованы в бою западнее Вислы, а он, если бы мы приняли верные меры, обязательно окончился бы их разгромом.

Поэтому, вместо того чтобы выполнить просьбу 8-й армии о подкреплении в составе танкового корпуса, штаб группы армий начал готовиться к окружению противника. С запада подходили две дивизии, следовавшие за 8-й армией в качестве резерва. Их можно было бросить против западного фланга неприятеля, атакующего 8-ю армию с севера. С той же целью одна легкая дивизия получила приказ выйти из боя в районе Радома, который как раз приближался к концу. В первую очередь штаб группы армий планировал заставить врага вступить в бой перевернутым фронтом. С этой целью штаб отдал 10-й армии приказ развернуть 16-й танковый корпус, находившийся тогда на южной границе Варшавы, и 11-й корпус, следовавший за ним, чтобы с востока вступить в бой, который вела 8-я армия. Задача самой 8-й армии состояла в том, чтобы отражать непрекращающиеся атаки врага, но, как только они начнут ослабевать, перейти в наступление.

Основываясь на тех впечатлениях, которые сложились у генерал-полковника фон Рундштедта и у меня самого при посещении штаба 8-й армии в то время (на одном из них присутствовал и Гитлер), штаб нашей группы армий решил взять на себя непосредственное руко-

водство операцией. Наступление двух корпусов 10-й армии, вступившей в бой с юга и юго-запада, должен был возглавлять сам генерал-полковник фон Рейхенау, в то время как штабу 8-й армии поручалось руководить действиями обоих его корпусов, сражавшихся фронтом к северу, и окружением противника с запада. Наконец, по просьбе нашей группы армий из группы армий «Север», форсировавшей Вислу с севера в тылу врага, был выведен 3-й корпус для завершения охвата. Когда в ходе битвы стало ясно, что крупные соединения противника пытаются отойти вдоль Вислы к Модлинской крепости, штаб группы армий вывел 15-й моторизованный корпус из-под Радома, чтобы отрезать врагу и этот последний путь к спасению.

После тяжелых боев, в которых враг пытался прорваться сначала на юг, затем на юго-восток и, наконец, на восток, 18 сентября его сопротивление было окончательно сломлено. К 20 сентября 10-я армия сообщила о захвате 80 тысяч пленных, 320 орудий, 130 самолетов и 40 танков. 8-я армия сообщила о 90 тысячах пленных и огромном количестве захваченной техники, еще не подсчитанном. Были разгромлены девять вражеских пехотных дивизий, три кавалерийские бригады и части еще десяти дивизий – фактически гораздо больше соединений, чем мы ожидали.

Бой на Бзуре был крупнейшей самостоятельной операцией Польской кампании и явился ее кульминационным, если не решающим моментом.

Говоря в оперативном отношении, решающим было глубокое окружение всех польских сил группой армий «Север» на севере и 14-й армией на юге. Вызван ли этот единственный крупномасштабный контрудар надеждой польского командования изменить исход сражения в Висленской дуге, или он лишь преследовал цель расчистить дорогу к Варшаве для войск противника, находившихся южнее Вислы, – он уже не мог изменить судьбу польской армии.

Пусть даже битва на Бзуре по своим результатам не может сравниться с боями с окруженным противником, которые имели место позже в России, на тот момент она была одним из самых крупных сражений. Это сражение нельзя было спланировать заранее как следствие прорыва через вражеский фронт мощными танковыми соединениями, оно возникло как результат контрударов немецких войск, наносившихся в тот момент, когда враг своими собственными действиями предоставил нам счастливую возможность.

Взятие Варшавы

После сражения на Бзуре и ряда боев в лесистой местности южнее Модлина с разрозненными частями врага, пытавшимися отойти из крепости на Варшаву, наша группа армий получила задание захватить столицу. До сих пор отдельные ее соединения перебрасывались на запад, где, к большому нашему удивлению, французы и британцы лениво взирали на гибель своего польского союзника.

Мы уже доложили ОКХ о том, что подготовку к штурму Варшавы невозможно закончить раньше 25 сентября, поскольку хотели стянуть к нам всю армейскую артиллерию, в том числе артиллерию 14-й армии.

Однако после начала советской интервенции 17 сентября и установления демаркационной линии по Висле Гитлеру не терпелось как можно скорее завладеть Варшавой, и он приказал взять город в последний день месяца. Конечно, в том, что политики ждут от военных победы, нет ничего необычного, но когда они назначают и точную дату победы – это, безусловно, нечто доселе невиданное.

Кроме того, штаб группы армий стремился осуществить наступление с наименьшими потерями в людской силе. По большому счету, единственная причина этого наступления состояла в том, что противник сосредоточил всю армию для обороны города и польский главнокомандующий объявил, что город будет держаться до последнего.

Штаб группы армий ясно понимал, что при сложившихся обстоятельствах внезапное наступление на город не даст ожидаемого результата. Однако он ни в коем случае не собирался вести сражение в самой Варшаве, какие бы причины этого ни требовали, поскольку оно неизбежно привело бы к огромным жертвам как среди наступающих войск, так и среди мирного населения.

Вследствие этого 8-я армия, которой было поручено занять город, получила приказ ограничиться тем, чтобы образовать вокруг крепости плотное непрерывное кольцо войск, примерно совпадающее с линией окружной железной дороги. Тогда город будет вынужден сдаться под воздействием артиллерийского обстрела и бомбардировок с воздуха либо, если не добьются результата, из-за нехватки продовольствия и воды. Кстати, следует упомянуть, что ранее штаб группы армий успешно противостоял желанию Гитлера бомбардировать город с воздуха, поскольку в то время воздушные атаки не имели прямой связи с военными действиями и никак не способствовали бы их успешному проведению. Однако в данном случае те же причины послужили для оправдания бомбардировки.

25 сентября был открыт огонь по внешним фортам и укреплениям, а также важным базам снабжения. В то же время начались локализованные атаки для выхода на намеченную линию осады. 26 сентября мы сбросили листовки с предупреждением о предстоящем обстреле города и призывом к гражданам сдаться. Так как польские войска продолжали упорное сопротивление, вечером того же дня начался настоящий обстрел.

В полдень 27 сентября генерал-полковник фон Рундштедт и я узнали во время посещения 18-й дивизии, которой я раньше командовал, что она только что заняла два форта и враг предложил капитуляцию. Мы немедленно прекратили обстрел.

На следующий день польский главнокомандующий и генерал-полковник Бласковиц, командир нашей 8-й армии, подписали акт о капитуляции. Он предусматривал немедленное оказание помощи гражданскому населению и раненым противника, а также полностью соответствовал военной чести отважного противника, хотя и потерпевшего поражение. Стороны согласились, что у офицеров сохранятся их шпаги, а унтер-офицеры и рядовые будут взяты в плен только на тот срок, который требуется для выполнения необходимых формальностей.

По данным полномочного представителя Польши, в Варшаве сдалось 120 тысяч офицеров и солдат.

Подписывая акт о капитуляции, польский генерал сказал: «Колесо всегда вертится». В конце концов он оказался прав, хотя – что касается дальнейшей судьбы его родины – едва ли в том смысле, какой имел в виду сам.

Завершающие бои восточнее Сана и Вислы

Хотя главная часть вражеских сил, сосредоточенных перед Вислой, была уничтожена в ходе сражения на Бзуре и при взятии Варшавы, в районе действий 14-й армии в Восточной Галиции и на дальнем берегу нижнего течения Сана все еще продолжались многочисленные бои, порой тяжелые, с отдельными группировками врага, которому пока еще удавалось избежать уничтожения. Тем временем корпус 10-й армии также форсировал Вислу у Демблина для наступления на Люблин. В ходе тех боев мы получили внезапный приказ Верховного командования (!) передать Советам Львов, который только что капитулировал перед войсками 14-й армии, и по всему фронту группы армий отойти за демаркационную линию, согласованную Риббентропом в Москве. Она проходила от перевала Ужок до Перемышля и далее вдоль Сана и Вислы до пункта севернее Варшавы. Таким образом, бои, которые группа армий «Юг» вела по ту сторону этих рек, оказались совершенно напрасными и принесли пользу только Советам!

Чтобы отойти через Сан, нам пришлось выйти из боя с вражескими группировками, насчитывавшими две-три дивизии и одну-две кавалерийские бригады. Эти войска проявили непоколебимое мужество, но при этом полное непонимание ситуации в целом и сами перешли в атаку и попытались отрезать нашим 7-му и 8-му корпусам путь отхода к реке. Здесь, только вследствие политических торгов между немецким и советским правительствами, снова прошли тяжелые бои. Об этом лучше всего свидетельствует факт, что 1 октября снова произошло изменение демаркационной линии. На этот раз мы получили приказ опять занять Люблинское воеводство. Поэтому 14-й моторизованный корпус снова форсировал Вислу и принял капитуляцию последней неприятельской группировки, с боями отходившей к реке перед теснившими ее советскими войсками.

Польская кампания была закончена. В ходе кампании группа армий «Юг» захватила 523 236 пленных и 1401 легкое полевое орудие, 7600 пулеметов, 274 самолета, 96 бронемашин и неисчислимо количество другой военной техники. Безусловно, человеческие потери врага были огромны, ибо он сражался с достойной восхищения отвагой и решимостью держаться до конца даже в самом безнадежном положении.

Наша группа армий понесла следующие потери: офицеры: 505 убитыми, 759 ранеными, 42 пропавшими без вести; унтер-офицеры и рядовые: 6049 убитыми, 19 719 ранеными, 4002 пропавшими без вести.

5 октября в Варшаве Гитлер принял парад победы, отдав честь всем стоявшим в городе и окрестностях дивизиям, которые маршировали мимо него по большому проспекту, ведущему от Бельведера к замку. К сожалению, парад окончился неприятным случаем, который лишь ясно показал отношение Гитлера к руководству сухопутных сил.

Было оговорено, что перед обратным полетом в Германию Гитлер встретится с командующими и офицерами войск, принимавших участие в параде, и с этой целью в ангаре накрыли стол, где они должны были отведать супа из полевой кухни. Однако, когда Гитлер вошел в ангар и увидел на столе белую скатерть и букеты осенних цветов, он резко развернулся и вышел к войскам у полевой кухни. Съев несколько ложек супа и поговорив с обступившими его солдатами, он напрямик направился к самолету. Очевидно, таким образом он пытался продемонстрировать свою «преданность народным массам». Однако я сильно сомневаюсь, что наши brave гренадеры действительно одобрили его поступок. Уверен, что они вполне поняли бы, что глава государства после одержанных побед оказал честь всем войскам, почтив посещение их командиров. Он же проявил пренебрежительное отношение к командирам, которое в тот момент не могло не заставить задуматься.

Вскоре Польская кампания получила название блицкриг – «молниеносная война». Действительно, по скорости исполнения и результатам она являлась почти единственной в своем роде, пока немецкое наступление на востоке не привело к подобным же событиям даже в еще большем масштабе.

Однако, чтобы правильно ее оценить, нужно вспомнить сказанное в предыдущей главе о перспективах, открывавшихся в этой войне перед Польшей.

По существу, немцы не могли не победить в этой кампании в силу превосходства и гораздо более благоприятной начальной обстановки, при выполнении двух условий: во-первых, если бы немецкое командование пошло на большой риск на западе, чтобы заручиться необходимым превосходством на востоке; во-вторых, если бы западные державы не воспользовались этим рискованным действием, чтобы оказать Польше своевременную помощь.

Не может быть никаких сомнений в том, что события могли развиваться совсем по-другому, если бы западные державы предприняли наступление на западе как можно раньше. Конечно, это требовало гораздо больше здравого смысла от польского командования, которое, вместо того чтобы с самого начала растрачивать ресурсы в попытке удержать то, что удержать было нельзя, могло бы сосредоточить силы на ключевых участках и систематиче-

ски стараться выиграть время, необходимое для того, чтобы перед Германией встала реальная угроза ведения войны на два фронта. Храбрость, с которой польские войска сражались до конца, уверенно гарантировала им возможность продержаться до того момента, пока союзники выйдут на Рейн и заставят германское командование всерьез задуматься о прекращении Польской кампании.

Таким образом, и на этот раз побежденная сторона внесла свою лепту в победу своего противника, как однажды выразился граф Шлифен. С другой стороны, также нужно признать, что в конечном счете быстротой и полнотой нашего успеха в Польше мы обязаны – наряду с оперативными преимуществами вначале и численным превосходством, достигнутым благодаря большому риску на западе, – более эффективному руководству и более высоким боевым качествам немецких войск.

Важнейшую роль в том, как быстро мы достигли успеха, сыграло нетрадиционное применение крупных, самостоятельно действующих танковых соединений при поддержке авиации, обладающей значительным превосходством. Но что по-настоящему решило дело, помимо стойкости, отваги и преданности немецкого солдата, – это дух, пронизывавший немецких командиров и боевые войска. Конечно, успешное техническое переоснащение произошло в большой степени благодаря стараниям Гитлера, однако техническое превосходство само по себе ни в коей мере не могло гарантировать столь быстрой и окончательной победы.

Но самым важным все же было то, что наш маленький рейхсвер, на который когда-то многие смотрели сверху вниз, возродил великие немецкие традиции в области обучения и руководства войсками, сумев спасти их после поражения в 1918 году. Новая немецкая армия – вермахт, детище того рейхсвера, – нашла способ не дать войне выродиться в позиционную войну – вероятно, единственная, кому это удалось, – или, как выразился генерал Фуллер в отношении последнего этапа Первой мировой войны, в «скобяную торговлю». Немецкому вермахту удалось с помощью новых средств вновь овладеть истинным искусством ведения маневренной войны. Самостоятельность поощрялась вплоть до самого нижнего унтер-офицерского чина или солдата пехоты, чему не было примеров ни в одной другой армии, в этом и лежал секрет нашего успеха. Новая армия с честью выдержала свое первое испытание. Пока еще командование армии могло действовать без вмешательства со стороны. Пока еще командующие сохраняли всю полноту власти. Пока еще войска могли вести действия чисто военного характера, и потому война еще носила рыцарский характер.

15 октября нас посетил полковник Хойзингер из оперативного отдела ОКХ и сообщил приятную новость о том, что и наш штаб в конце месяца переводят на Западный фронт. Наше место должен был занять штаб 8-й армии под началом генерала Бласковица. Вскоре после этого я сам получил приказ явиться 21 октября в ОКХ, располагавшееся в Цоссене, чтобы получить указания о проведении операции на западе.

18-го числа я выехал из Лодзи, чтобы успеть ненадолго навестить семью и тяжело раненного шурина, находившегося в госпитале в Бреслау.

Затем передо мной встала новая задача.

Часть вторая Кампания на западе

Введение

*Зима тревоги нашей позади,
К нам с солнцем Йорка лето возвратилось³.*

Обрадованные тем, что нам удалось избежать неприятной роли оккупационных сил в Польше, 24 октября 1939 года мы с нашим штабом прибыли на Западный фронт, чтобы принять командование недавно сформированной группой армий «А». Передовые дивизии подчиненных нам армий (12-й и 16-й) были расположены вдоль границ Южной Бельгии и Люксембурга, а тыловые части протянулись до правого берега Рейна. Было решено, что штаб группы армий разместится в Кобленце.

Мы своевременно переехали в отель «Ризен-Фюрстен-хоф» у Рейна, который еще в бытность мою кадетом военного училища в близлежащем городке под названием Энгерс я считал верхом элегантности, а его кухню жемчужиной кулинарного искусства. Но теперь ограничения военного времени оставили печать и на этом знаменитом заведении. Наши кабинеты располагались в когда-то очаровательном старинном здании неподалеку от Дойчес-Эк⁴, где до начала войны была расквартирована Кобленцкая дивизия. Прелестные комнаты в стиле рококо стали мрачными и пустыми. Недалеко от здания, на маленькой, окаймленной старыми деревьями площади стоял весьма примечательный обелиск. На нем красовалась помпезная надпись о том, что он был возведен французским комендантом Кобленца в 1812 году в ознаменование переправы через Рейн «великой армии» Наполеона во время ее похода на Россию. Под первой надписью была выбита еще одна примерно с таким смыслом: «Принято к сведению и утверждено», а под ней стояла подпись русского генерала, который стал комендантом Кобленца в 1814 году.

Как жаль, что Гитлер этого не видел!

По моему предложению наша оперативная группа штаба получила ценное пополнение: еще один старый офицер Генштаба, назначенный в оперативный отдел. Это был тогда еще генерал-лейтенант фон Тресков, один из главных участников заговора против Гитлера, покончивший с собой в июле 1944 года. Тресков еще в мирное время работал под моим началом в 1-м управлении Генерального штаба. Это был весьма одаренный офицер и пламенный патриот. Особое обаяние ему придавали находчивость, образованность, манеры истинного джентльмена и умение держаться в любом обществе, и его элегантному, аристократичному виду полностью соответствовала его столь же красивая, сколь и умная жена, дочь бывшего военного министра и начальника Генерального штаба фон Фалькенхайна. В те дни едва ли в берлинских армейских кругах можно было встретить более очаровательную пару, чем чета фон Тресков.

Нас с Тресковым еще со времени совместной работы в оперативном отделе связывали узы взаимного доверия, сродни дружбе. Здесь, в Кобленце, он тоже оказал мне ценную

³ Шекспир У. Ричард III. Перевод М. Лозинского.

⁴ Дойчес-Эк («немецкий угол») – остроконечная площадка в месте слияния Мозеля и Рейна, откуда открывается живописная панорама города и рек.

помощь в борьбе за принятие плана наступления на западе, разработанного нашей группой армий. Когда впоследствии я был назначен командующим танковым корпусом, а затем и армией, я оба раза просил Трескова в начальники моего штаба. Однако мои просьбы отклонялись на весьма оригинальном основании, что мне такой умный человек не нужен. Когда наконец весной 1943 года его предложили на должность начальника штаба моей группы армий, я не мог предпочесть его моему начальнику оперативного отдела генералу Буссе, который был моего возраста и неоднократно доказал свою доблесть в боях, где мы сражались бок о бок. Я упоминаю об этом единственно потому, что некий близкий к Трескову господин распространял слухи о том, что я будто бы отказался от его кандидатуры, потому что он был ненадежным национал-социалистом. Все, кто меня знает, поймут, что я подбирал себе сотрудников не по этому принципу.

Если тем месяцам в Кобленце суждено было стать «зимой тревоги нашей», то это объясняется странной неопределенностью «войны теней» 1939–1940 годов, или «*drôle de guerre*»⁵, как называли ее французы. Нам было бы легче, если бы мы с самого начала могли плотно заняться систематической подготовкой подчиненных нам войск для наступления в будущей весне. Было известно, что Гитлер, к сожалению, собирается начать наступления в конце той же осени, а когда оно оказалось невозможным, то по крайней мере зимой. Каждый раз, когда его «предсказатели погоды», метеорологи люфтваффе, предвещали хорошую погоду, он отдавал сигнал к тому, чтобы войска выдвигались в районы сосредоточения. И каждый раз метеорологам приходилось сдавать свои позиции из-за того, что либо проливные дожди превращали землю в непроходимую трясику, либо внезапный мороз и снегопад ставили под вопрос целесообразность применения танков или самолетов. Вследствие этого нас постоянно бросало между приказами наступать и их отменами – состояние весьма раздражающее как для войск, так и для командиров. В этот период самым очевидным образом проявилось недоверие Гитлера к военным донесениям, не отвечавшим его желаниям. Когда штаб группы армий в очередной раз заявил, что из-за продолжительных дождей в настоящее время начать наступление невозможно, он отправил к нам своего шеф-адъютанта Шмундта с приказом на месте изучить состояние почвы. Для таких дел Тресков оказался идеальным человеком. Он целый день таскал своего бывшего товарища по полку по практически непроходимым дорогам, через размокшие пашни и топкие луга, вверх-вниз по скользким пригоркам, так что вечером, когда они вернулись в штаб, Шмундт еле стоял на ногах от изнеможения. С тех пор Гитлер отказался от этих совершенно неуместных методов проверки наших донесений о погоде.

Больше всего из-за абсурда то и дело меняющихся приказов и постоянно непродуктивного труда страдал, конечно, командующий нашей группой армий генерал-полковник фон Рундштедт, у которого долготерпение вообще не входило в число достоинств. Очень скоро наш штаб наводнил поток бумаг, обычно заливающий штабы боевых частей и соединений во время затишья на войне. Однако благодаря неписаному армейскому закону о том, что генерала, командующего соединением, нельзя загружать мелочами, фон Рундштедт почти не заметил его действия и каждое утро совершал долгие прогулки по набережной Рейна. Поскольку мне тоже нужно было хоть немного двигаться, я часто его встречал. Даже во время стужи, когда Рейн покрылся ледяной коркой, фон Рундштедт по-прежнему надевал только тонкий плащ. В ответ на мое замечание, что так он заболеет и умрет, он только возразил, что у него никогда в жизни не было пальто и, уж конечно, он не собирается покупать его в старости! Так он и не купил себе пальто, ибо даже в преклонном возрасте у старика чувствовалось спартанское воспитание кадетского корпуса. Еще одна привычка фон Рундштедта напоминала мне собственную бытность кадетом. Когда генерал-полковник возвра-

⁵ «Странная война» (фр.).

щался к своему столу и ждал, пока я или кто-то из офицеров штаба явится к нему с докладом, как это происходило каждый день, он убивал время тем, что читал остросюжетный детектив. Подобно многим другим выдающимся людям, он находил удовольствие в подобного рода литературе, но все же несколько стеснялся своего пристрастия и обычно клал раскрытый роман в выдвинутый ящик стола, чтобы быстро задвинуть его, стоило кому-то войти к нему в кабинет. Так же делали и мы, кадеты, когда в часы самостоятельных занятий в нашу комнату заходил воспитатель!

Однако наше недовольство в ту зиму лишь в малой степени объяснялось колебаниями Гитлера и их пагубным воздействием на войска, которые рано или поздно начали бы сомневаться в разумности то отдававшихся, то отменявшихся приказов – не говоря уже о том, что это серьезно нарушало график межвойсковых учений, имевших особое значение для недавно сформированных дивизий.

Истинная причина нашего недовольства – или, говоря точнее, нервозности – заключалась в двух обстоятельствах.

Во-первых, она возникла из того, что я могу назвать только ослаблением власти ОКХ. Оно особенно удручало меня, поскольку я лично на посту первого оберквартирмейстера и помощника Фрича и Бека вплоть до зимы 1937/38 года боролся за то, чтобы в случае войны ОКХ заняло подобающее ему место в рамках определения военного курса в целом.

Во-вторых, штаб группы армий напрасно всю зиму пытался заставить ОКХ принять наш план операций, который – во всяком случае, по нашему мнению – единственный обеспечивает решающую победу на Западе. Только после того, как вмешался Гитлер, план был положен в основу наступления – но только когда уже ОКХ, безусловно вследствие наших настояний, сместило меня с поста начальника штаба группы армий.

Эти два фактора – «ослабление» ОКХ и борьба за план операций – в большой мере составляет подоплеку кампании на Западе, которой посвящена эта часть книги. Ее дальнейший ход уже известен во всех подробностях, и мне нет необходимости снова на нем задерживаться. Я хочу рассказать только о том, чему был свидетелем в качестве командира корпуса.

И тем не менее «зима тревоги нашей» все же сменилась «солнцем»!

4. Ослабление власти командования сухопутных сил

Считается, что отстранение ОКХ и Генерального штаба сухопутных сил от влияния на курс ведения войны на суше произошло в тот момент, когда Гитлер сместил фельдмаршала фон Браухича и взял на себя командование не только вооруженными силами в целом, но и сухопутными. В действительности же, однако, Генеральный штаб был практически, если не формально, лишен влияния еще в те недели, которые последовали непосредственно за Польской кампанией.

После моей поездки в Цоссен 21 октября 1939 года, где я получил «оперативной директивой» «Желтый план» для группы армий «А», как теперь называлась группа армий «Юг», я записал в своем дневнике: «Аккомпанемент Хальдера, Штюльпнагеля и Грейфенберга производит чрезвычайно удручающее впечатление». В то время генерал фон Штюльпнагель был первым оберквартирмейстером и правой рукой Хальдера, начальника Генерального штаба, а полковник Грейфенберг возглавлял оперативное управление ОКХ.

Из высказываний этих трех господ было совершенно ясно, что ОКХ приняло план ведения войны, навязанный Гитлером. Очевидно, что они, как и командующий сухопутными силами, крайне отрицательно относились к мысли о наступлении на западе. Кроме того, по их словам можно было понять, что они считают, что германская армия не сможет одержать решающую победу на западе. Это впечатление подтверждалось и оперативной директивой, которая будет рассмотрена в свое время, и в ходе посещений штаба нашей группы армий командующим сухопутными силами и начальником его Генштаба, несколько раз бывавшими у нас впоследствии.

Теперь стало совершенно ясно, что взгляды на целесообразность и перспективы немецкого наступления на западе могли расходиться – особенно поздней осенью и зимой 1939 года. Меня приводило в ужас, как резко снизился статус сухопутного командования в высшем руководстве вооруженных сил. И это сразу же после того, как оно провело одну из самых блестящих кампаний немецкой истории!

Правда, Гитлер уже однажды не посчитался с мнением ОКХ, во время судетского кризиса. Но тогда на карте стояло нечто совершенно иное – вопрос не о руководстве военными операциями, а о политическом решении. Разногласия Гитлера с ОКХ – главным образом с начальником Генерального штаба Беком – касались не проведения операций сухопутных сил, но вопроса о том, приведут ли действия против Чехословакии к вмешательству западных держав и тем самым к войне на два фронта, вести которую германская армия не смогла бы. Однако в конечном счете решение этого вопроса было делом политического руководства, которое имело возможность принять необходимые политические шаги, чтобы избежать войны на два фронта. Таким образом, хотя командующий сухопутными силами принял на себя тяжелую ответственность, признав тогда главенство политических соображений, он ни в коей мере не отказался от прерогативы осуществлять военное руководство в своей конкретной области.

Во время польского кризиса до нас не доходили сведения о подобном расхождении взглядов между Гитлером и ОКХ. Сказать по правде, я склонен думать, что после того, как в случае с Чехословакией Гитлер оказался прав в политической оценке западных держав, командование надеялось, что то же случится и осенью 1939 года. Как бы то ни было, я полагаю, что во все те решающие дни конца августа ОКХ, как и мы в группе армий «Юг», до последнего считало, что дело снова кончится политическим урегулированием, аналогичным достигнутому в Мюнхене соглашению. Во всяком случае, если не учитывать предложения Гитлера относительно развертывания наших сил в Восточной Пруссии, с которыми командование согласилось, нельзя сказать, что Гитлер вмешивался в ведение операции в Польшу.

Однако теперь создалось совершенно иное положение. Конечно, с тем, что вопрос продолжения войны после разгрома Польши был вопросом военного курса в целом и в конечном итоге должен был решаться Гитлером, как главой государства и Верховным главнокомандующим вооруженными силами, спорить не приходилось. Но вопрос заключался в наступлении сухопутных сил на запад, его решение должно было целиком зависеть от того, будут ли готовы эти силы справиться с поставленной задачей, а также как и когда. По этим трем пунктам главенство командования сухопутных сил было неоспоримо.

И тем не менее по всем трем пунктам Гитлер поставил командование сухопутных сил перед свершившимся фактом, когда 27 сентября – без предварительной консультации с командующим сухопутными силами – сообщил командующим всех трех родов войск о том, что намерен той же осенью предпринять наступление на западе, нарушив этим нейтралитет Голландии, Бельгии и Люксембурга. Спустя некоторое время его решение выразилось в директиве ОКВ от 9 октября 1939 года.

По получении оперативной директивы «Желтый план» на основе высказываний трех вышеупомянутых офицеров я пришел к выводу, что ОКХ подчинилось этому *capitis diminutio*⁶. Оно отдало директиву о наступлении, которое по-прежнему не одобряло и в успехе которого сомневалось, по крайней мере в том, что он будет решительным. Учитывая соотношение сил на Западном фронте, приходилось согласиться с тем, что сомнения были небеспочвенны.

Поэтому я мог только заключить, что на этот раз ОКХ отказалось от притязаний на руководство в качестве органа, ответственного за ведение войны на суше, и смирилось с ролью чисто технического, исполнительного органа. Случилось то, что мы с генерал-полковником Беком когда-то старались предотвратить нашими рекомендациями о разумном распределении ответственности во время войны. Мы призывали создать единую инстанцию, которая действовала бы в качестве консультанта по вопросам ведения войны при главе государства и объединила бы руководство всеми операциями на суше и вооруженными силами в целом, – во всяком случае, на время, необходимое для одержания победы на континенте, либо командующий сухопутными силами должен был взять на себя руководство вооруженными силами в целом, либо начальник имперского Генерального штаба, ответственный за операции вооруженных сил в целом, должен был одновременно руководить действиями сухопутных сил. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы два разных Генштаба – вооруженных сил и сухопутных сил – имели влияние на руководство последними.

Именно это, казалось, и произошло. Гитлер со своим ОКВ решали не только какие операции следует проводить сухопутным силам, но также когда и как. ОКХ оставалось только разрабатывать соответствующие приказы независимо от его согласия или несогласия с тем, что от него требовали. Командующий сухопутными силами был низведен с поста военного советника главы государства до уровня подчиненного командира, обязанного лишь беспрекословно подчиняться. Вскоре, как только ОКВ создало театр военных действий в Норвегии, это стало совершенно ясно.

Почему ОКХ было подобным образом отодвинуто на задний план – ответ на этот вопрос можно найти как в личных взаимоотношениях, так и в том, как решался вопрос о продолжении войны после разгрома Польши.

Гитлер – фон Браухич – Гальдер

Главная причина вышеописанных событий заключалась в личности Гитлера, в его ненасытной жажде власти и огромном самомнении, которое породили его бесспорные

⁶ Понижение статуса (*лат.*).

успехи и поддерживало лизоблюдство партийных боссов и некоторых лиц из ближайшего окружения. В отношении несогласных военных деятелей ему весьма способствовало то, что он был не только главой государства, но и Верховным главнокомандующим вооруженными силами, значит, их непосредственным начальником. Вдобавок он обладал особым талантом вдруг обрушить на своих военных сотрудников мощь экономических и политических аргументов, которые они не могли сразу же опровергнуть, поскольку государственному деятелю во всяком случае положено лучше разбираться в убедительности этих аргументов.

Однако в конечном итоге именно жажда власти Гитлера заставила его узурпировать роль высшего военачальника вдобавок к роли главы государства и политического вождя. В этой связи весьма примечателен один разговор, который состоялся у нас в 1943 году. Это был один из тех многих случаев, когда я пытался склонить Гитлера к разумной организации командования – иными словами, отдать руководство военными операциями в руки облеченного полнотой ответственности начальника Генерального штаба. В том разговоре Гитлер с жаром отрицал, что желает «играть в полководца», хотя, несомненно, его привлекала слава, связанная с этим. Напротив, утверждал он, по-настоящему решающее значение имеет то, чтобы он, и только он обладал властью и авторитетом добиваться исполнения своей воли. Он верил только во власть, а свою волю считал ее воплощением. Кроме того, есть основания предполагать, что после Польской кампании Гитлер опасался, что заслуги генералов могут нанести урон его авторитету в глазах народа, и поэтому он с самого начала так диктаторски отнесся к ОКХ в вопросе о ведении кампании на западе.

Такому человеку, неразборчивому в средствах, обладающему выдающимся умом и неукротимой волей, были вынуждены противостоять генералы фон Браухич и Гальдер. Он не только был всенародно признанным главой государства, но и занимал высшее положение в военной иерархии.

Поистине, борьба велась неравными силами, даже если бы оппонентами Гитлера в армии были другие люди.

Будущий фельдмаршал фон Браухич был очень способным офицером. Хотя он не достигал уровня таких генералов, как Арон фон Фрич, Бек, фон Рундштедт, фон Бок и Риттер фон Лееб, по положению он, несомненно, шел непосредственно за ними и, как показали события, тоже обладал всеми качествами, необходимыми для командующего сухопутными силами.

Что касается характера фон Браухича, то его поведение отличалось безупречностью. Не стал бы я отрицать и его силу воли, даже если, по моему опыту, она чаще негативно выражалась в некоторой негибкости, чем в конструктивной решимости. Он предпочитал выслушивать чужие решения, а не принимать их и добиваться их исполнения самому. Фактически он зачастую уклонялся от принятия решения, надеясь избежать борьбы, к которой не чувствовал себя готовым. Много раз фон Браухич упорно отстаивал интересы армии – например, когда добивался, чтобы Гитлер публично реабилитировал генерал-полковника фон Фрича, хотя хорошо понимал, что этим навлекает на себя немилость Гитлера в дальнейшем. Его смелость проявилась в приказе по войскам, который он отдал в связи со смертью фон Фрича. Однако в глубине души борцом он не был. Он никогда не относился к тем людям, которые умели добиться своего одной силой характера. Между прочим, генерал-полковник Бек однажды с горечью посетовал мне на то, как вяло фон Браухич отстаивал точку зрения ОКХ во время чешского кризиса и предоставил ему, Беку, выпутываться из трудного положения в полном одиночестве. С другой стороны, когда такие люди, как бывший посол в Риме фон Хассель, упрекают фон Браухича за нерешительность в вопросе о насильственном свержении Гитлера, они забывают о том, какая существенная разница между заговором, который подготавливает государственный деятель за письменным столом, уже не взваливая на свои плечи никакой ответственности (как герр фон Хассель), и участием руководителя армии в

государственном перевороте, который в мирное время может повлечь за собой гражданскую войну, а в военное – отдать победу внешнему врагу.

Фельдмаршал фон Браухич, элегантный мужчина с печатью аристократизма, всегда вел себя исключительно как достойный человек. Он отличался вежливостью, обходительностью и даже обаянием, хотя его любезность не всегда производила впечатление внутренней теплоты. Насколько ему не хватало напора, который внушает уважение противнику или, по крайней мере, заставляет его действовать осторожно, настолько же он не производил впечатления волевой и творческой личности. В общем, от него веяло холодной сдержанностью. Он часто казался немного замкнутым и определенно был довольно щепетилён. Эти качества завоевали поддержку ближайших подчинённых, которые уважали в нём «джентльмена», но их было недостаточно, чтобы обеспечить ему полное доверие войск, которым пользовался, например, барон фон Фрич, да и на людей такого типа, как Гитлер, они не производили впечатления. Правда, генерал фон Зеэкт был ещё холоднее в обращении, до такой степени, что казался неприступным. Но все чувствовали преисполнявший его внутренний огонь и железную волю, делавшую его вождем. Ни одним из этих свойств не обладал фон Браухич, и он не отличался воинской отвагой фон Фрича, которая завоевывала сердца солдат.

Что касается отношений фон Браухича с Гитлером, я убежден, что борьба с человеком этой непреклонной воли морально истощила фельдмаршала. Характер, происхождение и воспитание не позволяли ему в спорах с Гитлером прибегать к тому же оружию, которое Гитлер, будучи главой государства, использовал без всяких зазрений совести. Браухич подавлял раздражение и гнев, тем более что в полемике он не был достойным соперником Гитлеру. И так это продолжалось до тех пор, пока болезнь сердца не заставила его уйти в отставку, которая пришлась Гитлеру как раз ко времени.

Справедливости ради нужно добавить, что с самого начала Браухич находился в гораздо менее выгодном положении по отношению к Гитлеру, чем его предшественник. Прежде всего, после ухода Бломберга с поста главнокомандующего вооружёнными силами, Гитлер стал не только руководителем государства, но верховным военачальником. Военный министр Бломберг нанес армии окончательный удар, когда предложил Гитлеру самому принять командование вооружёнными силами – хотя, конечно, можно было говорить, что Гитлер все равно пришел бы к этому решению, с подачи Бломберга или нет.

Прежде всего, к тому моменту, как фон Браухич вступил в должность, Гитлер занял совсем иную позицию по отношению к армии и, в частности, к ОКХ, чем в предшествовавшие годы. Бесспорно то, что сразу после прихода к власти Гитлер ещё оказывал уважение руководителям армии и ценил их профессиональные способности. Это отношение он до конца сохранил к фельдмаршалу фон Рундштедту, хотя за время войны дважды снимал его с руководящего поста.

Два фактора в особенности привели к тому, что Гитлер изменил отношение к армии в последние мирные годы.

Во-первых, он отдавал себе отчет, что под командованием генерал-полковника барона фон Фрича (как и фон Браухича) армия не отступала от традиционных понятий простоты и благородства, а также солдатского понимания чести. Хотя Гитлер не мог упрекнуть армию в нелояльности к государству, было очевидно, что она не собирается выбросить за борт свои военные принципы в обмен на нацистскую «идеологию». Также очевидно было и то, что именно поэтому армия снискала популярность среди народа. Вначале Гитлер не желал прислушиваться к клеветническим обвинениям, которые распространяли против военных руководителей различные источники в партии, но в конце концов травля армии, развязанная главным образом такими личностями, как Геринг, Гиммлер и Геббельс, принесла плоды. Результаты этих подстрекательств стали ясны весной 1939 года из обращения Геринга к группе высокопоставленных военачальников якобы в качестве «старшего офицера воору-

женных сил». В своей речи он бесцеремонно упрекнул армию, противопоставив ее двум остальным родам войск, в том, что она погрязла в старых традициях и не соответствует национал-социалистическому строю. Такой речи генерал-полковник фон Браухич, присутствовавший при этом, никак не мог стерпеть.

Вторая причина натянутых отношений Гитлера с ОКХ состояла в том, что позднее он называл «вечной генеральской нерешительностью».

Под этим он подразумевал два фактора. Во-первых, он имел в виду упорное стремление ОКХ сдерживать чрезмерные темпы перевооружения, поскольку их постоянное ускорение отрицательно сказывалось на качестве войск. Во-вторых, Гитлер утверждал, что всех своих успехов во внешней политике он добился вопреки сопротивлению генералов, которые раз от раза слишком осторожничали. Ответить на это можно тем, что генерал-полковник фон Фрич – и ОКХ в его лице – не возражал против планов Гитлера ни по введению всеобщей воинской повинности, ни по оккупации Рейнской области⁷. Также не возражал и генерал Бек (тогда фон Браухича не было в Берлине), когда Гитлер решил вторгнуться в Австрию.

Именно военный министр Бломберг сначала возражал против введения всеобщей воинской повинности по внешнеполитическим соображениям, от которых позднее отказался. И именно Бломберг во время занятия Рейнской области рекомендовал Гитлеру – без ведома ОКХ – увести немецкие гарнизоны с левого берега Рейна, когда французы объявили частичную мобилизацию. Тот факт, что Гитлер едва не последовал этому совету и что его переубедило лишь замечание министра иностранных дел фон Нейрата о том, что не время терять выдержку, мог еще больше усугубить, как постоянное напоминание о минуте своей слабости, неприязнь Гитлера к высшему офицерству. И если в годы перевооружения ОКХ не раз предупреждало его, что армия по-прежнему отнюдь не готова к войне, то этим оно лишь выполняло свой долг. Официально Гитлер всегда соглашался с этой точкой зрения, хотя она могла лишь усилить его антипатию к ОКХ.

Впервые внешняя политика Гитлера столкнулась с официальным противодействием на том совещании с министром иностранных дел и главами трех родов войск 5 ноября 1937 года, на котором Гитлер огласил свои намерения относительно Чехословакии. То, что он встретил сопротивление министра иностранных дел фон Нейрата, военного министра фон Бломберга и командующего сухопутными силами барона фон Фрича, определенно подвигло его к тому, чтобы он при первом удобном случае избавился от этих провозвестников беды.

В наше время многие считают, что согласие генералитета с отставкой генерал-полковника фон Фрича показало Гитлеру, что отныне он может обходиться с ОКХ как ему вздумается. Не стану утверждать, что он именно тогда пришел к такому выводу. Если и так, то он явно заблуждался насчет мотивов, которыми руководствовались генералы. Их отношение отнюдь не являлось признаком слабости, но происходило из незнания истинных обстоятельств, их неспособности как честных солдат поверить в то, что руководители государства способны на столь подлые интриги, и практической невозможности в тогдашних условиях совершить государственный переворот.

Наконец, нет никаких сомнений в том, что, говоря с Гитлером, вышеупомянутые партийные деятели без умолку бубнили о «вечной генеральской нерешительности».

Поэтому ясно, что в отношениях с Гитлером фон Браухич с самого начала очутился в чрезвычайно трудном положении. К тому же, вступая в должность, он прислушался к дурному совету и пошел на уступки касательно кадровых перестановок, в частности на одну совершенно неоправданную отставку нескольких генералов, имевших блестящий послужной список, и назначение брата генерала Кейтеля начальником Управления личного состава сухопутных сил. Для фон Браухича этот шаг оказался роковым.

⁷ Генерал Хосебах. Между армией и Гитлером. (Примеч. авт.)

Сокрушительный удар по ОКХ был нанесен во время судетского кризиса, когда благодаря уступчивости западных держав Гитлер оказался прав, вопреки всем опасениям и возражениям армии. То, что фон Браухич пожертвовал из-за этого своим начальником штаба, естественно, лишь еще больше ослабило его авторитет в глазах Гитлера.

Второй личностью в ОКХ, которой приходилось иметь дело с Гитлером после отставки Бека, был генерал-полковник Гальдер, по своей профессиональной квалификации равный фельдмаршалу Браухичу. Во всяком случае, они оба сотрудничали в духе полного доверия, и я склонен думать, что фон Браухич соглашался с рекомендациями Гальдера по убеждению. Как большинство офицеров, начавших карьеру в баварском Генеральном штабе, Гальдер прекрасно разбирался в разнообразных функциях штаба и в придачу был неутомимым работником. Слова Мольтке о том, что «гений – это усердие», вполне могли быть его девизом. Но все-таки этого человека не озарял священный огонь, который, как говорят, воодушевляет истинного полководца. Хотя о свойственном ему большом чувстве ответственности говорит то, что, готовясь к Русской кампании, он поручил «набросать» план операции первому оберквартирмейстеру генералу Паулюсу на основании данных, предоставленных начштабами групп армий, факт остается фактом: главная концепция плана кампании должна вырваться в голове того человека, кому придется ею руководить.

Внешней выправке Гальдера не хватало элегантности фон Браухича. Его замечания отличались неподкупной объективностью, и я лично слышал, как он с полной откровенностью критиковал Гитлера. Тогда же мы были свидетелями того, как горячо он отстаивал интересы армии и как переживал вместе с ней, когда ей навязывались неверные решения.

К сожалению, объективность и сдержанность сами по себе не внушали Гитлеру большого уважения, да и любовь к армии оставляла его совершенно равнодушным.

По моему мнению, в конце концов Гальдера погубила двойственность его убеждений. Перенимая должность у Бека, он уже был известен как заклятый противник Гитлера. По словам Вальтера Гёрлица в книге «Германский Генеральный штаб», Гальдер, вступая в должность, сказал фон Браухичу, что согласился на нее только ради того, чтобы бороться с Гитлером. Ему приписывают многочисленные планы свержения Гитлера, хотя трудно сказать, какой исход ждал их в действительности.

С другой стороны, Гальдер был начальником германского, а потом и гитлеровского Генерального штаба, после того как Гитлер принял командование сухопутными силами. Быть может, политическому деятелю и пристало играть двойственную роль ответственного советника и заговорщика, но солдаты обычно не годятся для подобных дел. Прежде всего, по немецким традициям немыслимо, чтобы начальник Генштаба не состоял в доверительных отношениях со своим командующим. Даже если, в свете действий Гитлера, допустить, что начальнику Генштаба позволительно подготавливать свержение главы государства и Верховного главнокомандующего в мирное время, то во время войны двойственная роль начальника Генштаба и заговорщика неизбежно создавала неразрешимую дилемму. В качестве начальника Генштаба Гальдер должен был все силы отдавать на победу армии, за руководство которой он нес ответственность вместе с другими лицами, то есть работать над успешным осуществлением военных операций его командующего. Однако во второй своей роли он не мог желать этой победы. Нет ни малейшего сомнения, что, когда Гальдер встал перед этим трудным выбором, он предпочел исполнить воинский долг и сделал все, что было в его силах, чтобы верно послужить германской армии в ее нелегкой борьбе. В то же время его другая роль требовала, чтобы он любой ценой оставался на своем посту, с тем чтобы, как он надеялся, когда-нибудь получить возможность свергнуть Гитлера. Но для этого он вынужден был покориться решениям последнего в том, что касалось ведения войны, даже если не был с ними согласен. Прежде всего, он оставался на своем посту потому, что надеялся таким способом, как никаким другим, защитить армию от последствий военных оши-

бок Гитлера. Но за это ему пришлось расплатиться выполнением приказов, с которыми по военным убеждениям он не мог согласиться. Это противоречие не могло не истощить его внутренние ресурсы и в конце концов привело его к провалу. Ясно одно: генерал-полковник Гальдер так долго держался за свою должность начальника Генерального штаба не в своих личных интересах, а ради того, что стояло на карте.

Я попытался набросать портреты двух человек, при которых осенью 1939 года достиг своей кульминации процесс, который можно назвать только упадком ОКХ. Из сказанного мною ясно, почему оба этих, бесспорно, блестящих офицера негодились в соперники такому человеку, как Гитлер. Наряду с этим то, что низведение ОКХ до роли чисто исполнительного органа фактически произошло после его триумфов в Польше, также было вызвано расхождением во взглядах Гитлера и ОКХ на дальнейшее ведение войны.

До и сразу после начала войны Германия, что вполне естественно, готовилась к обороне на западе. Кто бы мог предвидеть, что западные державы так постыдно бросят Польшу на произвол судьбы, после того как дали ей гарантии помощи? Их слабое наступление вдоль Саара на передовую полосу линии Зигфрида, после чего они тут же отошли на территорию Франции, нельзя было посчитать даже подготовкой для какого-либо крупного наступления в дальнейшем.

Пока были основания ждать этого наступления, оставалось только выжидать, удастся ли остановить его на линии Зигфрида или – в случае, если бы оно велось в направлении Рура через Люксембург и Бельгию, – нанести контрудар, как только из Польши освободятся необходимые силы. Однако бездействие западных держав создало совершенно иную ситуацию. Даже если учесть французские методы ведения войны и время, необходимое британцам для начала действий, нельзя было ожидать, что после разгрома Польши и освобождения всей германской армии для Западного фронта западные державы перейдут в наступление в ближайшем будущем. Судьба Польши решилась не позднее 18 сентября, когда закончился бой на Бзуре. Значит, не позже этого срока Гитлер и командующий сухопутными силами должны были обменяться мнениями по поводу ведения дальнейших действий на западе. И все же, судя по опубликованным к настоящему моменту книгам (особенно книгам генерала фон Лоссберга, в то время начальника оперативного управления ОКВ, и министерского советника Грейнера, ведавшего журналом боевых действий ОКХ), такого обмена не произошло.

Можно предположить, что реакция на блестящие военные успехи в Польше и неожиданное бездействие западных держав категорически разнилась у Гитлера и руководителей ОКХ. То, что англо-французские силы не предприняли наступления, Гитлер явно истолковал как признак слабости, позволяющей ему в свою очередь занять наступательную позицию на западе. К тому же польские события убедили его в том, что отныне для германской армии нет невыполнимых задач. Как станет понятно ниже, ОКХ отнюдь не разделяло этих взглядов. С другой стороны, позиция западных держав позволяла сделать вывод, что они вступили в войну только ради сохранения лица и потому с ними возможно договориться. Кроме того, генерал Гальдер, возможно, питал надежду подготовить почву для такой договоренности устранением Гитлера, и, следовательно, германское наступление на западе в тот момент было совершенно ни к чему.

Так или иначе, ОКХ могло быть уверено, что до той поры, даже после падения Польши, Гитлер не рассматривал мысли о наступлении на западе. Зимой 1939/40 года я получил тому неопровержимое доказательство. В очередной раз, когда Гитлер отдал приказ о готовности к выдвижению войск в районы сосредоточения, ко мне явился начальник штаба воздушного флота, назначенного для поддержки группы армий «А», генерал Шперрле и сообщил, что его соединения не смогут взлететь с размытых водой аэродромов. На это я возразил, что у люфтваффе было несколько месяцев на постройку взлетно-посадочных полос с твер-

дым покрытием, но Шперрле заверил меня, что Гитлер еще раньше категорически запретил любые работы по подготовке к будущему наступлению. В той же связи можно отметить, что производство боеприпасов не достигало уровня, необходимого для наступления на западе.

Очевидно, ОКХ ошибочно оценило умонастроение Гитлера, когда сочло его неизменным. Грейнер отмечает, что во вторую половину сентября, когда события в Польше подходили к концу, ОКХ поручило подготовить документ о дальнейшем ведении войны на западе генералу Генриху фон Штюльпнагелю. Он приходил к выводу, что до 1942 года германская армия не будет располагать достаточной материально-технической базой для прорыва линии Мажино. Он не рассматривал возможности обойти ее через Бельгию и Голландию, так как правительство Германии лишь недавно заверило эти страны, что не нарушит их нейтралитета. В свете этого документа и предыдущей позиции Гитлера ОКХ, по всей видимости, пришло к выводу, что курс действий на западе по-прежнему будет носить оборонительный характер. В соответствии с этим по окончании Польской кампании оно приказало усилить оборонительные позиции сухопутных сил на западе, явно без предварительного согласования с Гитлером.

В совершенно новой обстановке, создавшейся вследствие окончательного разгрома Польши, такой образ действий был равносильен передаче Гитлеру инициативы в отношении всех будущих планов. Безусловно, для военных руководителей это был неверный путь, если они желали сохранить влияние на дальнейший ход войны, какую бы форму она ни приняла. Кроме того, выводы фон Штюльпнагеля нельзя было рассматривать как решение проблемы будущего военного курса Германии. Если бы мы стали дожидаться 1942 года, чтобы прорвать линию Мажино, западные державы, по всей вероятности, ликвидировали бы отставание в производстве оружия. Кроме того, успешный прорыв за линию Мажино невозможно было бы развить в решающую операцию. Против как минимум ста дивизий противника, которыми он обладал еще с 1939 года, этот способ не годился для достижения окончательного успеха. Даже если бы враг действительно выделил значительные силы на защиту линии Мажино, у него все же остался бы стратегический резерв в 40–60 дивизий, достаточный для того, чтобы немедленно остановить прорыв укрепления даже широким фронтом. Боевые действия, без всякого сомнения, выродились бы в окопную войну без убедительного результата. Германская стратегия не могла ставить перед собой такую цель.

Конечно, нельзя предполагать, что генерал-полковник фон Браухич и его начальник Генерального штаба ожидали добиться чего-то исключительно оборонительными действиями. И все же они сначала надеялись либо на соглашение с западными державами, либо на то, что те в конце концов сами перейдут в наступление. К сожалению, в первом случае они не обладали полномочиями принимать решения, а надежда на наступление, как покажет время, была пустой. Фактически с военной точки зрения весна 1940 года была не только самым ранним сроком, но и самым поздним, когда Германия могла надеяться на проведение успешного наступления на западе.

По словам Грейнера, Гитлера не ставили в известность о меморандуме Штюльпнагеля, но он наверняка знал, что ОКХ намерено и дальше придерживаться на западе оборонительного курса. Вместо своевременного обсуждения будущего ведения войны, которое должно было состояться не позднее середины сентября, Гитлер вдруг поставил командующего сухопутными силами перед фактом своего решения от 27 сентября и последовавшей 9 октября директивы ОКВ вооруженных сил. Без каких-либо предварительных консультаций с командующим он не только приказал перейти к наступательным действиям на западе, но и решил, как и когда вести эти действия. Все эти вопросы никоим образом нельзя было решать без участия командующего сухопутными силами. Гитлер требовал начать наступление как можно раньше, во всяком случае до конца осени. По словам генерала фон Лосс-берга, первоначально он определил срок 15 октября. Это значило, что танковые части и авиацию нужно

перебросить из Польши не позже завершения боя на Бзуре. Больше того, Гитлер указал, как, по его мнению, будет проходить наступательная операция, а именно в обход линии Мажино через Бельгию и Голландию.

Командующему сухопутными силами оставалось только взять на себя техническое исполнение операции, по поводу которой намеренно не было выслушано его мнение и решительного успеха которой он никак не мог гарантировать, во всяком случае осенью 1939 года.

Те, кому кажется удивительным, как командующий сухопутными силами мог согласиться с таким *capitis diminutio*, уступив планам Гитлера, вероятно, смогут найти правильный ответ в книге Грейнера «Руководство вооруженными силами Германии». Он полагает, что фон Браухич понимал, что едва ли добьется чего-то прямым сопротивлением. Он рассчитывал, что если вначале он для вида согласится с Гитлером, то потом сможет отговорить его от плана. Кстати, того же взгляда придерживается и генерал фон Лоссберг, основываясь на личном знакомстве с Гитлером и его тогдашней позиции. Кроме того, фон Браухич мог рассчитывать, что, когда настанет срок, неблагоприятная погода сделает невозможным наступление поздней осенью или зимой. Если, таким образом, решение вопроса было бы отсрочено до следующей весны, то, возможно, нашлись бы способы и средства прекратить войну путем политического компромисса.

Если командующий сухопутными силами и начальник Генштаба действительно придерживались этого мнения, то относительно погоды, безусловно, оказались правы.

Однако попытки «отговорить» Гитлера от такого принципиального решения, даже если переговорщиком выступил бы генерал фон Рейхенау, которого в свое время отправило с этой миссией ОКХ, по-моему, были безнадежны. Оставалась только надежда, что ОКХ предложит другое, лучшее решение, убедительное для Гитлера.

Что касается возможности на том этапе закончить войну мирными переговорами, то она так и не представилась. Мирное предложение, направленное Гитлером западным державам после кампании в Польше, встретило категорический отказ. Кроме того, Гитлер, скорее всего, не согласился бы с разумным урегулированием польского вопроса, которое позволило бы достигнуть понимания с Западом. Так или иначе, подобное урегулирование было практически немыслимо после того, как Советская Россия поглотила восточную половину Польши. Также весьма сомнительным представляется то, что в то время Германии удалось бы добиться почетного мира без Гитлера. Как можно было его свергнуть? Если в октябре 1939 года генерал Гальдер и планировал новую военную акцию против Берлина, то я могу лишь сказать, что в войсках он нашел бы еще меньше сторонников, чем осенью 1938-го.

Начать с того, что генерал-полковник фон Браухич поддержал план Гитлера, и ОКХ составило оперативную директиву «Желтый план» в соответствии с установленными Гитлером принципами. Правда, 27 октября командующий сухопутными силами при поддержке своего начальника штаба попытался убедить Гитлера, исходя из соображений военного характера, отложить наступление до более благоприятного времени, по всей видимости до весны 1940 года. По словам Грейнера, несколькими днями раньше то же рекомендовал Гитлеру генерал фон Рейхенау – вероятно, по просьбе фон Браухича. Хотя Гитлер не отверг все без исключения представленные ему аргументы, он оставил в силе дату начала наступления, назначенную им еще 22 октября, а именно 12 ноября.

5 ноября фон Браухич снова сделал попытку переубедить Гитлера. Это был день, когда – при условии, что наступление действительно начнется 12 ноября, – следовало отдать приказ по войскам о выдвижении к районам сосредоточения.

Хотя разговор проходил с глазу на глаз (Кейтель был приглашен ближе к концу), его подробности стали известны, а в результате произошло то, что я бы назвал разрывом между Гитлером и генералами. Как узнал Грейнер от Кейтеля, фон Браухич прочел Гитлеру меморандум, где излагались все причины возражения против осеннего наступления.

Помимо некоторых бесспорных фактов, как, например, состояние погоды и неподготовленность вновь созданных соединений, он выдвинул один довод, который привел Гитлера в бешенство. Это была критика действий немецких войск в Польской кампании. Фон Браухич выразил мнение, что пехота не проявила такого воинственного духа, как в 1914 году, и что дисциплина и стойкость боевых частей в связи с чрезмерными темпами перевооружения не всегда отвечали требованиям. Если бы фон Браухич обращался к высшему офицерству, они разделили бы его точку зрения. Конечно, он был не прав, обвиняя пехоту в отсутствии воинственного духа в отличие от 1914-го – по крайней мере, в том обобщенном виде, в каком фон Браухич высказался. Его довод продиктован непониманием того, как изменилось пехотное наступление за истекшие годы. Принципы наступления 1914 года отныне стали немыслимы. С другой стороны, нельзя было отрицать, что – как это бывает с необстрелянными войсками в начале любой войны – отдельные части иногда проявляли признаки нервозности, особенно в боях в населенных пунктах. И более того, штабы нескольких высших соединений были вынуждены принимать крутые меры против нарушителей дисциплины. Это неудивительно, учитывая, что всего за несколько лет рейхсвер увеличился со 100 тысяч человек до миллионной армии, причем большинство солдат встали под знамена лишь в ходе всеобщей мобилизации. Но в свете польских побед не было достаточных оснований прийти к выводу, что армия не способна вести наступление на западе. Если бы только генерал-полковник фон Браухич ограничился подчеркиванием того факта, что вновь сформированные дивизии в силу недостаточной подготовки и сплоченности пока еще не готовы идти в бой и что наступление нельзя осуществлять одними лишь опытными дивизиями, его заявление было бы не менее убедительно, чем довод о неблагоприятном времени года. Однако вышеупомянутое обобщение меньше всего следовало выдвигать в качестве аргумента в разговоре с Гитлером, видевшим себя создателем того самого нового вермахта, чьи боевые качества теперь ставились под вопрос. Фактически Гитлер был прав в том смысле, что без его политической смелости в упорном осуществлении перевооружения, без возрождения воинского духа, вызванного к жизни национал-социализмом в тех слоях общества, откуда его изгнали во времена Веймарской республики, эта армия никогда не достигла бы той мощи, которой обладала в 1939 году. Но Гитлер упускал из внимания тот факт, что успехи прежней армии полностью соответствовали его собственным успехам. Ибо, если бы офицеры и унтер-офицеры, вышедшие из прежнего рейхсвера, не отдали все свои силы на его планировку и материальную подготовку, Гитлер никогда не получил бы вооруженных сил, которые считал своим «созданием», и не смог бы одержать победы в Польше.

Приводя подобные возражения в присутствии Гитлера, диктатора с давно раздутым самомнением, фон Браухич добился ровно противоположного тому, на что рассчитывал. Отметив все деловые доводы фон Браухича, Гитлер рассердился на критику, направленную, как он решил, против его заслуг, и резко оборвал разговор. Он настаивал на дате начала операции 12 ноября.

К счастью, тут вмешался бог погоды и заставил отложить начало наступления – что до конца января повторится еще пятнадцать раз.

Поэтому, хотя ОКХ в конечном счете и оказалось правым в споре с Гитлером относительно возможной даты начала операций, в результате вспыхнул кризис руководства, последствия которого со всей страшной очевидностью проявятся в дальнейшем ходе войны. Его немедленным следствием стало то, что Гитлер и фон Браухич перестали встречаться.

Начальник оперативного управления Генерального штаба, будущий генерал Хойзингер, 18 января 1940 года сказал мне, что фон Браухич не виделся с Гитлером с 5 ноября – неприемлемая ситуация для сложившегося состояния дел. Одним из последствий разрыва была речь, с которой Гитлер 23 ноября обратился к собравшимся в рейхсканцелярии командующим и начальникам штабов всех групп армий, армий и корпусов. Считаю излишним

вдаваться в ее подробности, так как она хорошо известна из других публикаций. Главными пунктами его речи были подчеркнутая им непоколебимость решения как можно раньше начать наступление на западе, а также сомнения, уже тогда высказанные им, относительно того, как долго государство будет избавлено от угрозы нападения в тылу с востока.

Что касается объяснения принципиальной необходимости начать наступление на западе, то Гитлер представил обдуманые и, по-моему, убедительные доводы, не считая вопроса о сроке. В остальном его речь представляла собой сплошные нападки не только на ОКХ, но и в общем на генералов сухопутных сил, которых он обвинил в том, что они постоянно строят препоны его инициативе. В этом отношении его речь была самой предвзятой из тех, что мне доводилось слышать от Гитлера. Командующий сухопутными силами сделал единственно возможный выбор и подал в отставку. Гитлер отказался ее принять, хотя понятно, что таким образом кризис не мог разрешиться. ОКХ все так же находилось в том прискорбном положении, когда оно вынуждено было готовиться к наступлению, которого не одобряло. Советы командующего по вопросам общего ведения войны по-прежнему отвергались, а сам он был низведен до положения генерала-исполнителя.

Если разобраться, почему между главой государства и руководителями сухопутных сил возникли подобные отношения, то решающую роль в этом сыграли жажда власти и растущее самодовольство Гитлера, разжигаемые интригами всяческих герингов и гиммлеров. Однако нужно все-таки сказать, что ОКХ само в немалой степени приложило руку к обострению отношений с Гитлером своим подходом к проблеме ведения войны после окончания Польской кампании.

Решив и дальше занимать на западе оборонительные позиции, ОКХ отдало инициативу в руки Гитлера, хотя, безусловно, именно ОКХ должно было в первую очередь давать главе государства рекомендации, тем более после того, как армия при эффективной поддержке авиации так быстро разгромила Польшу.

Осенью 1939 года ОКХ, разумеется, имело полное право придерживаться той точки зрения, что неблагоприятное время года и неподготовленность новых соединений на тот момент делали наступление нежелательным. Но ни простое утверждение этого факта, ни меры, принятые для усиления оборонительных позиций на западе, не давали убедительного ответа на вопрос, как успешно завершить войну в военном смысле. ОКХ должно было ответить на него, если хотело и дальше влиять на стратегию ведения войны в целом.

Конечно, командующий сухопутными силами был уполномочен рекомендовать курс на политическое урегулирование с западными державами. Но что, если перспективы урегулирования так и не возникнут? Человеку такого типа, как Гитлер, было особенно необходимо – даже если наступление на западе казалось в то время нецелесообразным, – чтобы ОКХ тогда же указало способы завершения войны в военном смысле.

В связи с этим после завершения Польской кампании встала необходимость ответить на три вопроса.

Во-первых, можно ли довести войну до благоприятного окончания, если придерживаться оборонительной тактики, или этой цели можно достигнуть только путем победоносного наступления германских войск на западе?

Во-вторых, если наступление необходимо, когда следует начинать его с перспективой на решительный успех?

В-третьих, как его следует вести, дабы обеспечить окончательную победу на континенте?

Ответ на первый вопрос открывал две возможности.

Первая состояла в том, чтобы после падения Польши Германия достигла соглашения с западными державами. ОКХ не могло не относиться к этому скептически, отчасти в силу национального британского характера, который практически не оставлял шансов на уступки

со стороны Великобритании, а отчасти потому, что после разгрома Польши Гитлер не был готов разумно урегулировать вопрос о немецко-польской границе в духе компромисса. В конце концов ради того, чтобы достичь согласия с западными державами, Гитлеру пришлось бы восстановить Польшу в прежних границах, а это было невозможно после передачи ее восточной части Советскому Союзу. Этот свершившийся факт не смогло бы устранить никакое иное немецкое правительство даже после свержения Гитлера.

Вторая возможность успешно завершить войну при сохранении оборонительной позиции на западе могла представиться в том случае, если бы в конце концов западные державы решили предпринять наступление. Тогда для Германии открылась бы перспектива нанести контрудар и одержать победу на западе. Та же мысль высказывается в книге «Беседы с Гальдером», где процитированы его слова об «ответной операции». Однако, как говорит генерал Хойзингер, ОКХ лишь гораздо позже стало рассматривать подобный вариант – точнее, примерно в декабре, а не в период с сентября по октябрь, столь важный для его положения.

Бесспорно, мысль об ответной операции была очень заманчива, поскольку возложить на плечи противника тяжелое бремя наступления на линию Зигфрида или бесчестие нарушителя нейтралитета Люксембурга, Бельгии и, быть может, даже Голландии казалось весьма соблазнительным. Но не самообман ли это, выдающий желаемое за действительное, во всяком случае в том, что касалось ближайшего будущего? Можно ли думать, что западные державы, не посмеявшие начать наступление в тот момент, когда основная часть германских войск была связана в Польше, отважатся на него теперь, когда им противостоят все вооруженные силы Германии? Я не считаю сейчас, как не считал и тогда, что для ответной операции германской армии существовали какие-либо основания.

Это мнение нашло убедительное подтверждение в «военном плане», составленном в то время по приказу главнокомандующего союзными войсками генерала Гамелена. Основные мысли этого документа, позднее попавшего в руки немецких войск, таковы:

до весны 1941 года вооруженные силы союзников не успеют накопить достаточную материальную силу для агрессии против Германии с запада. Чтобы достигнуть численного превосходства сухопутных сил, нужно будет заручиться поддержкой новых союзников;

британцы не готовы принять участие в крупномасштабном наступлении до 1941 года, если не произойдет частичного краха Германии. (Это замечание, явно выразившее надежду на революцию, показывает, чего нам приходилось ждать в случае государственного переворота);

главная задача западных держав в 1940 году заключается в обеспечении целостности французской территории и, разумеется, незамедлительной помощи Бельгии и Голландии в случае немецкого нападения;

кроме того, следует приложить все усилия для создания дальнейших театров военных действий с целью истощения Германии. Называются северные государства и – при условии нейтралитета Италии – балканские. Естественно, продолжатся попытки привлечь на сторону союзников Бельгию и Голландию;

и наконец, союзники постараются лишить Германию жизненно важных поставок как за счет вышеупомянутого создания новых театров военных действий, так и за счет смыкания блокады путем нажима на нейтральные страны.

Из этого «военного плана» со всей очевидностью следует, что западные державы собирались вести войну на истощение – на стольких театрах военных действий, на скольких будет возможно – до тех пор, когда не достигнут явного превосходства, позволяющего им начать наступление на западе, но никак не раньше 1941 года.

Хотя в то время ОКХ еще не могло знать об этом плане союзников, было вполне понятно, что западные державы постараются затянуть войну согласно вышеуказанным установкам.

Ввиду кровопролития, которое повлечет за собой наступление на линию Зигфрида, ОКХ едва ли могло основывать свои решения на надежде, что народы Франции и Великобритании устанут от этой «странной войны». Германия ни в коем случае не могла дожидаться, пока враг будет накапливать вооружение (а в свете позиции Рузвельта нужно учитывать помощь со стороны США), пока не получит превосходство на суше, на море и в воздухе. Тем меньше Германия могла позволить себе это, притом что у нее за спиной стоял Советский Союз. После того как на этот раз он получил от Гитлера все, на что рассчитывал, у него не осталось общих с рейхом жизненных интересов, и чем сильнее становились западные державы, тем более рискованным становилось положение Германии.

Следовательно, в отношении военного руководства после Польской кампании дело обстояло следующим образом: на первый из указанных выше трех вопросов – то есть можно ли довести войну до успешного завершения, придерживаясь оборонительной тактики на западе, – следовало ответить отрицательно, если только политическое руководство не достигнет компромисса с западными державами. Право командующего сухопутными силами рекомендовать Гитлеру политический компромисс не подлежит никакому сомнению, хотя бы только из-за риска для армии в случае продолжения войны. Естественно, это потребовало бы временно занять выжидательную позицию на Западном фронте. Однако, независимо от этого, направлять Гитлера по военным вопросам было и обязанностью, и правом военачальников. Они должны были сказать ему, какие меры военного характера нужно предпринять, если нельзя разрешить конфликт политическими методами!

Иными словами, ОКХ должно было представить Гитлеру альтернативный военный план на тот случай, если бы достижение политического компромисса с западными державами, на который в первую очередь, очевидно, надеялся даже Гитлер, оказалось невозможным. Не нужно было ни думать, будто Гитлер по-прежнему будет отказываться от наступления на западе после разгрома Польши, ни ждать, пока он сам примет решение о дальнейших военных действиях.

Рекомендации военных по ведению операций ни в коей мере не могли сводиться к сохранению оборонительных позиций на западе, за исключением того случая, если бы удалось поставить Великобританию на колени путем воздушной и подводной войны, но для этого допущения не было никаких реальных оснований.

Поэтому с военной точки зрения, при условии, что политическое согласие оказалось бы недостижимым, можно было рекомендовать только наступательные действия на западе. Больше того, дав эту рекомендацию, командование сухопутных сил должно было обеспечить себе инициативу в принятии решения об их сроках и методах.

Что касается сроков, то ОКХ придерживалось одного мнения со всеми командующими Западного фронта: начало наступления поздней осенью или зимой не принесет решительного успеха.

Ключевой причиной было время года. Осень и зима не позволят вооруженным силам Германии в полной мере применить два своих главных козыря – танки и авиацию. Кроме того, малая продолжительность светового дня в это время года фактически исключает возможность добиться тактического успеха в течение одного дня, тем самым снижая скорость проведения операции.

Другая причина заключалась в недостаточном уровне подготовки новых соединений, сформированных в начале войны. Осенью 1939 года единственными по-настоящему годными к бою войсками были кадровые дивизии. Все остальные не имели достаточного опыта в огневой подготовке, не могли еще слаженно действовать в качестве составных частей более крупных соединений, а также не обладали необходимой сплоченностью. К тому же еще не закончилось переоснащение бронетанковых соединений после Польской кампании. Если начало наступления на западе планировалось на осень 1939 года, то нужно было раньше

освободить находившиеся в Польше механизированные дивизии, но этот довод не приходил в голову Гитлера. Кроме того, и в авиации имелись свои серьезные недостатки.

Таким образом, было ясно, что наступление на западе до весны 1940 года неоправданно. То, что это давало время для политического решения конфликта, было благоприятно с точки зрения армии, хотя Гитлер не разделял ее после того, как в начале октября его мирное предложение было отвергнуто.

Поскольку вопрос методов, а именно стратегической подготовки наступления на западе, является темой следующей главы, здесь мне нет смысла вдаваться в подробности.

Могу лишь предварительно заметить следующее. План наступления, выдвинутый Гитлером 9 октября, был полумерой. Вместо того чтобы поставить целью окончательный успех на континенте, он – во всяком случае, вначале – преследовал лишь предварительную цель.

Это-то и давало ОКХ возможность донести до Гитлера, что его военные советники могут предложить кое-что получше половинчатого решения, ради которого не стоило и рисковать. Конечно, только при условии, что ОКХ само верило в возможность достижения решительного успеха на континенте.

До сих пор неизвестно, что заставило руководителей ОКХ занимать столь уклончивую позицию по вопросу о дальнейшем ведении операций на западе в те важнейшие недели после окончания Польской кампании и отдать инициативу в принятии решений военного характера в руки Гитлера. Возможно, ими двигало вполне понятное желание вынудить его к поискам политического компромисса. Возможно также, что оно справедливо не желало снова нарушать бельгийский нейтралитет со всеми вытекающими последствиями. Однако в то время у стороннего наблюдателя создалось бы впечатление, что руководители ОКХ вообще считают решительный успех немецкого наступления по меньшей мере сомнительным.

Как бы то ни было, ОКХ предоставило Гитлеру самому принимать решения в военной области. Подчиняясь и дальше воле Гитлера и отдавая оперативную директиву, с которой внутренне оно было не согласно, ОКХ, как руководящий орган, практически сняло с себя ответственность за ведение сухопутных операций.

Когда вскоре после этого выдвинутые штабом группы армий «А» оперативные предложения дали ОКХ возможность вернуть себе потерянные позиции, оно снова ее упустило.

Когда успех наступления на западе, благодаря тем же предложениям, превзошел даже первоначальные ожидания Гитлера, тот вообще перестал считаться с ОКХ сухопутных сил даже в вопросах общевойсковой тактики.

Гитлер взял на себя функции, с которыми, как считал Шлифен, в наш век лучше всего справляется триумвират из короля, государственного деятеля и полководца. Наконец, Гитлер узурпировал и роль полководца. Но правда ли, что на его голову пала «капля Самуилова еля», которую Шлифен считал необходимой по крайней мере для одного из членов триумвирата?

5. Споры вокруг оперативного плана

Только после окончания войны широкой публике стало известно что-то о подоплеке плана, который заменил первоначально изданную ОКХ оперативную директиву «Желтый план» от 19 и 29 октября 1939 года в качестве основы нашего наступления на западе. Именно по этому плану мы одержали столь быструю и убедительную победу над англо-французскими армиями и вооруженными силами Бельгии и Голландии. Первым раскрыл историю возникновения этого «нового» плана, вероятно, Лиддел-Гарт, связавший его с моим именем согласно заявлениям фельдмаршала фон Рундштедта и генерала Блюментритта, нашего начальника оперативного отдела в вышеупомянутый период.

Поскольку в этом вопросе меня можно считать главным генератором, мне кажется правильным на основании имеющихся у меня данных попытаться показать, как возник план, тем более что впоследствии он сыграл определенную роль. В конце концов, в основе плана лежат мои мысли, так как я составил все памятные записки для ОКХ, с помощью которых мы стремились к тому, чтобы план операции базировался на единственно верных, по нашему мнению, принципах, гарантирующих решительный успех на западе. Наконец, именно я — уже после ухода с должности начальника штаба группы армий — имел возможность лично изложить Гитлеру мысли по поводу некоторых действий, которых наш штаб так долго ждал от ОКХ. Всего через несколько дней ОКХ издало новую оперативную директиву, основанную на наших рекомендациях!

В то же время я хочу подчеркнуть, что мой командующий генерал-полковник фон Рундштедт, как и мои сотрудники Блюментритт и Тресков, всецело согласились с моими взглядами, а фон Рундштедт скрепил их своей подписью. Без его санкции мы бы ни при каких обстоятельствах не продолжили попыток повлиять на мнение командования, неоднократно направляя ему меморандумы.

Военный историк или штудирующий военную историю офицер может счесть полезным изучение интеллектуальной борьбы за оперативный план во всех ее подробностях. Но в рамках этой книги я ограничусь тем, что для начала опишу план, разработанный ОКХ, и поясню, что я считал недостатками стратегической концепции командования (или, точнее, Гитлера). Затем путем сопоставления с планом ОКХ остановлюсь на главных тезисах, которые группа армий положила в основу своих стратегических соображений. Наконец, я кратко покажу, как после долгого ряда неудач первоначальный оперативный план был исправлен — безусловно, по указанию Гитлера — в соответствии с предложениями нашего штаба.

План ОКХ (Гитлера)

Если меня попросят охарактеризовать в свете оперативных директив, изданных ОКХ, основные стратегические установки, которых оно (и Гитлер) собиралось придерживаться на западе, я бы определил их следующим образом.

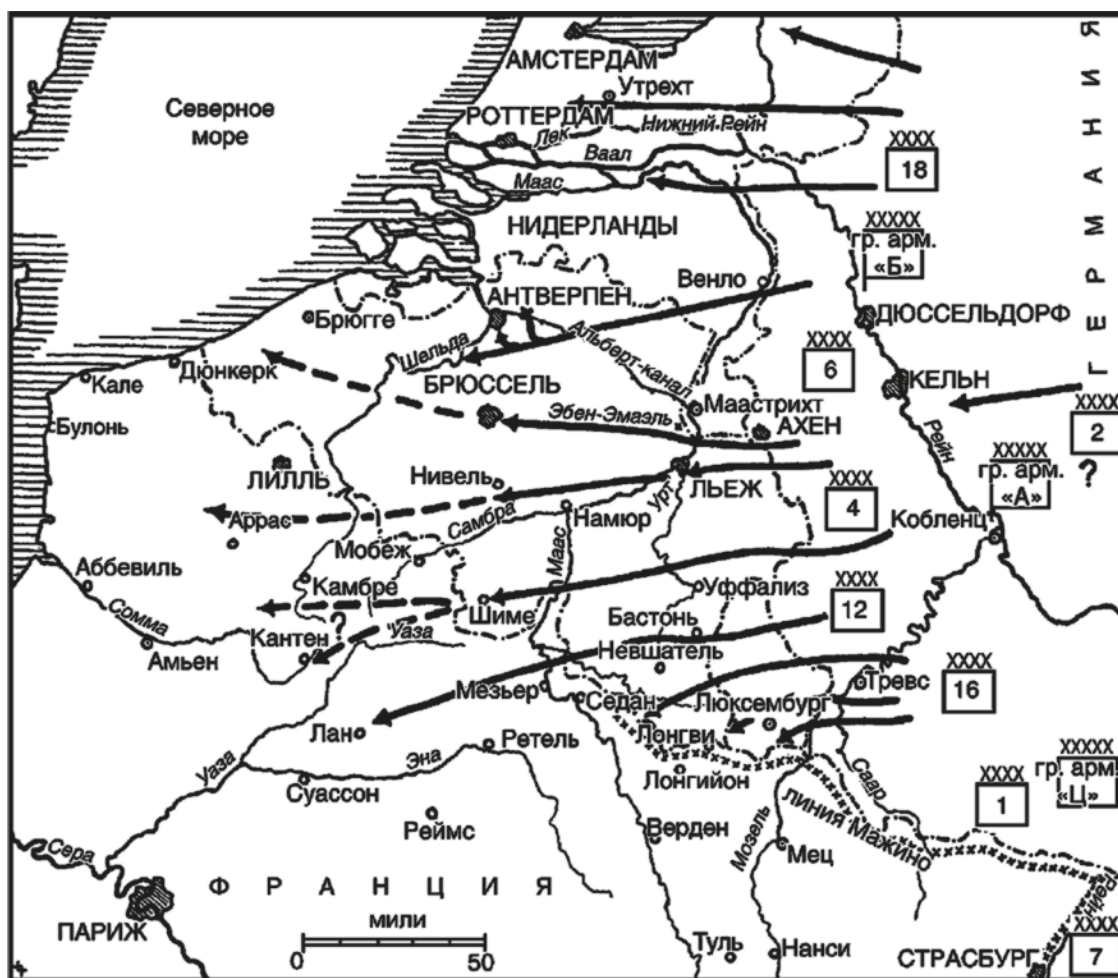
В соответствии с директивой Гитлера от 9 октября ОКХ предлагало направить усиленный правый фланг немецких армий через Голландию в Северную Бельгию и разбить ожидавшиеся там англо-французские силы вместе с бельгийскими и голландскими армиями. Иными словами, достижение решающего успеха осуществлялось прежде всего мощным ударом правого фланга. Этот ударный фланг состоял из армейской группы «Н» (армейская группа — *Armee-Abteilung* — представляет собой небольшую армию из двух-трех армейских корпусов) и группы армий «Б» (командующий генерал-полковник фон Бок) и сосредотачивался на Нижнем Рейне и Северном Эйфеле. В состав группы армий «Б» входили три подчиненные армии. Всего северный фланг насчитывал тридцать пехотных дивизий и большую

часть подвижных соединений (девять бронетанковых и четыре пехотные дивизии). В целом на Западном фронте находилось 102 немецких дивизии, следовательно, группировка северного фланга составляла почти половину от их общего числа.

В то время как задачей армейской группы «Н» было выведение Голландии из войны, трем армиям группы армий «Б» предстояло нанести удар в направлении Северной Бельгии, пройдя севернее и южнее Льежа. Здесь решающую роль при попытке смять позиции врага должны были сыграть крупные танковые соединения.

29 октября эта первая оперативная директива была исправлена с тем, чтобы на первом этапе оставить Голландию в стороне. Возможно, это было сделано из-за возражений ОКХ.

Теперь группа армий «Б» должна была наступать по обе стороны от Льежа двумя армиями в первом эшелоне (4-й и 6-й) и двумя армиями во втором (18-й и 2-й). Однако позже Голландия снова была включена в район проведения операции, на этот раз задачу по ее выведению получила 18-я армия.

План немецкого наступления на западе по замыслу ОКХ

Решительный удар группы армий «Б» должна была прикрывать на южном фланге группа армий «А». Группе, состоявшей из двух армий (12-й и 16-й) и в целом насчитывавшей двадцать две дивизии (при этом ни одной механизированной), поручалось наступать через Южную Бельгию и Люксембург после сосредоточения на Южном Эйфеле и Хунсрюке. 12-я армия должна была следовать левее группы армий «Б», организуя по ходу систему эшелонированной обороны с целью обеспечения защиты от противника дальнейшего продвижение группы армий «Б».

16-я армия должна была пройти Люксембург и повернуть на юг для защиты глубокого фланга всей операции, заняв оборонительную позицию, проходящую в непосредственной близости от линии Мажино, севернее ее западного края между Сааром и Маасом, восточнее Седана.

На группу армий «Ц» в составе двух армий и восемнадцати пехотных дивизий была возложена задача по удерживанию линии Зигфрида от люксембургской границы до Швейцарии. В качестве резерва сухопутных сил оставались семнадцать пехотных и две мобильные дивизии.

Цель этой операции определялась в первом пункте оперативной директивы ОКХ от 19 октября в разделе «Общие намерения» (в исполнение директивы ОКВ, изданной по указанию Гитлера 9 октября). Она состояла в том, чтобы «разгромить по возможности наибольшие соединения французской и союзнических армий и одновременно занять возможно большую территорию Голландии, Бельгии и Северной Франции как базу для успешного ведения воздушных и морских операций против Великобритании и широкой полосы обеспечения для Рурского района».

Во втором пункте оперативной директивы указывалось, что ближайшей целью наступления обеих групп армий, которое должно было координироваться под руководством командующего сухопутными силами фон Браухича, было: «При ликвидации вооруженных сил Голландии разгромить возможно больше соединений бельгийской армии в районе пограничных укреплений и быстрым сосредоточением крупных танковых сил создать основу для немедленного продолжения наступления усиленным правым флангом и быстрой оккупации бельгийского побережья».

В упомянутых выше изменениях директивы от 29 октября ОКХ несколько расширяло задачу группы армий «Б», изменив формулировку «Общих намерений». Теперь они состояли в «захвате и уничтожении по возможности наибольших частей французской армии в Северной Франции и Бельгии, создав тем самым благоприятные условия для продолжения войны против Великобритании и Франции на суше и в воздухе».

В пункте «Боевой состав и задачи» ОКХ назначало группе армий «Б» следующую цель: «Уничтожить группировки союзных сил севернее Соммы и выйти на побережье Ла-Манша».

Роль группы армий «А», прикрывающей действия группы армий «Б», в основном оставалась оборонительной, но была расширена с тем, чтобы ее правофланговая армия (12-я) форсировала Маас в районе Фюме и южнее, а затем направилась через французскую укрепленную пограничную зону в общем направлении Лана.

Оперативные намерения обеих директив лучше всего выражаются следующим образом: мощный прямой удар правофлангового кулака должен был разбить части англо-французских армий, по нашим расчетам находившиеся в Бельгии, в то время как его прикрывал левофланговый (более слабый) кулак. Целью операции в территориальном отношении было побережье Ла-Манша. Что последует за первым ударом, нам не было сообщено.

Возражения

Примечательно, что моя первая реакция на план, изложенный в этих двух оперативных директивах, была скорее эмоциональной, чем сознательной. Мне показалось, что стратегические замыслы ОКХ в основном повторяют знаменитый план Шлифена 1914 года. Я посчитал унижительным, если не сказать больше, что наше поколение не могло придумать ничего лучшего, чем скопировать старый рецепт, пускай даже его автор такой человек, как Шлифен. Чего можно добиться, действуя по старому военному плану, который наши противники уже отрепетировали и к повторению которого обязательно подготовятся, приняв все меры предосторожности? Ведь любой военный специалист ясно понимал, что немцы еще

меньше хотят – или могут – наступать на линию Мажино в 1939 году, чем на укрепления Верден – Туль – Нанси – Эпиналь в 1914-м.

Однако этой первой довольно эмоциональной реакцией я был несправедлив к ОКХ. Во-первых, потому, что план исходил от Гитлера, во-вторых, потому, что в действительности он отнюдь не повторял план Шлифена. Распространенное мнение о похожести двух планов верно только в двух отношениях – а именно что и в 1939 году, как и в 1914-м, главные силы немецкого наступления сосредотачивались на северном фланге. Кроме того, оба плана подразумевали поход через Бельгию. В остальном планы 1914 и 1939 годов значительно различались.

Прежде всего, обстановка была совершенно иная. В 1914 году еще было можно рассчитывать – как это и сделал Шлифен – на оперативную внезапность. Во всяком случае, это относилось к сосредоточению немецких сил на крайнем правом фланге, если и не к наступлению через Бельгию. В 1939 году скрыть от противника подобные намерения Гитлера было невозможно.

Кроме того, в 1914 году были основания надеяться – как надеялся Шлифен – на то, что французы окажут нам «услугу», начав преждевременное наступление на Лотарингию. В 1939 году на такой вариант рассчитывать не приходилось. Враг немедленно бросит крупные силы навстречу нашим наступающим через Бельгию и Голландию войскам, и с ними – в отличие от 1914 года – нам придется вести главным образом фронтальные бои. Вместо преждевременной инициативы в центре фронта французы, скорее всего, нанесут мощный ответный удар по южному флангу наших главных сил во время их продвижения через Бельгию. Иными словами, план Шлифена просто нельзя было повторить.

К тому же я вскоре понял, что ни ОКХ, ни Гитлер не собирались копировать план Шлифена во всей полноте его замысла. Шлифен составил свой план в расчете на полный и окончательный разгром всей французской армии. Его целью было обойти врага с северного фланга широкой правой дугой, а затем, очистив всю Северную Францию, наступать западнее Парижа и преследовать неприятельскую армию до фронта, проходившего от Меца через Вогезы до швейцарской границы, и в конце концов заставить его капитулировать. Чтобы добиться этого, он пошел на риск начальных неудач в Эльзасе, в то же время надеясь, что враг началом своего наступления в Лотарингии сам поспособствует полному успеху обходной операции германской армии.

С другой стороны, оперативный план 1939 года не содержал четкого намерения довести кампанию до победного конца. Очевидно, что его цель состояла в частной победе (разгром сил союзников в Северной Бельгии) и территориальном выигрыше (овладение побережьем Ла-Манша в качестве плацдарма для дальнейших операций).

Может быть, когда генерал-полковник фон Браухич и его начальник штаба составляли оперативную директиву в 1939 году, они вспомнили слова Мольтке, написавшего во введении к трудам Генштаба о войне 1870–1871 годов: «Ни один оперативный план не может с уверенностью предвидеть ход кампании после первого столкновения с основными силами врага. Только дилетант может полагать, что развитие операции последовательно и во всех подробностях исполняет принятый план вплоть до его заранее продуманного окончания».

Если этот тезис действительно лежал в основе плана ОКХ, значит, оно оставило за собой право решать, когда и какими средствами продолжать наступление сразу по достижении первых его целей – частной победы на правом фланге в Северной Бельгии и овладения побережьем Ла-Манша.

Однако, судя по услышанному при получении оперативной директивы в Цоссене, я мог лишь предположить, что ОКХ считало возможность достижения решительных успехов на Французском театре военных действий маловероятной, если не призрачной. Мое впечатление впоследствии подтвердилось во время многих посещений нашего штаба командую-

щим сухопутными силами и его начальником штаба, которые никогда всерьез не рассматривали наши постоянные утверждения о том, что нужно стремиться к полной победе. Также я сомневаюсь, что в то время Гитлер сам верил в возможность полного устранения Франции из войны в ходе предполагаемой операции. Вероятно, больше всего его заботило воспоминание о том, что после неудачи нашего наступления в 1914 году мы оказались в ситуации, когда у нас отсутствовала даже необходимая база для подводной войны против Великобритании. Вот почему он теперь придавал такую важность получению этой базы – другими словами, овладению побережьем Ла-Манша.

Теперь было совершенно ясно, что операцию, нацеленную на полный разгром Франции, нельзя было выполнить одним ударом, как планировал Шлифен. Как я уже объяснял выше, больше не существовало необходимых условий. Однако если предполагалось – как только будет одержана частная победа, обозначенная ОКХ, – продолжать операцию с целью полного устранения Франции как противника, то первоначальную операцию нужно было хотя бы связать с этой конечной целью! Во-первых, она должна была стремиться к полному уничтожению северного фланга противника с целью установления решительного превосходства для следующего хода, который должен будет разгромить остальные силы западных держав во Франции. Во-вторых, одновременно она должна была создать благоприятную оперативную обстановку для начала этого второго удара.

По моему мнению, составленный вышеуказанным образом план операции не давал никаких гарантий выполнения этих двух существенных требований.

После вторжения в Бельгию ударная группа немецких войск – группа армий «Б», насчитывавшая в целом сорок три дивизии, – столкнулась бы с двадцатью бельгийскими, а после вступления в войну Голландии еще с десятью дивизиями. Как бы эти силы ни уступали германским в количественном отношении, мощные укрепления (по обе стороны от Льежа и вдоль Альберт-канала) и естественные препятствия (в Бельгии Альберт-канал, доходящий до крепости Антверпена, и укрепленный рубеж реки Маас с опорным пунктом в Намюре; в Голландии многочисленные водные пути) создавали для них благоприятные перспективы сопротивления. К тому же через несколько дней к этим силам подошли бы англо-французские армии (в том числе все их танковые и моторизованные дивизии), уже сосредоточенные на франко-бельгийской границе на случай германского вторжения.

Следовательно, немецкий ударный фланг не смог бы, как в 1914 году, добиться оперативной внезапности крупномасштабным обходным маневром. С подходом англо-французских сил ему пришлось бы сражаться с не менее сильным противником и притом атаковать его в лоб. Успех этого первого удара, таким образом, должен быть достигнут тактическими методами, поскольку стратегический план наступления его не предусматривал.

Если бы враг эффективно руководил своими силами, то смог бы добиться успеха и избежать в Бельгии немедленного поражения. Даже если ему не удалось бы удержать укрепленную линию Антверпен – Льеж – Маас (или Семуа), все же следовало предполагать, что он прорвется за нижнюю Сомму, сохранив в достаточной степени боевой порядок. Там он мог бы собрать мощные резервы для создания нового фронта. К тому времени немецкое наступление уже начало бы терять наступательный порыв, и группа армий «А» в силу имеющихся у нее войск и их расположения не смогла бы помешать врагу создать оборонительный рубеж от конечного пункта линии Мажино восточнее Седана до нижней Соммы. Так германская армия попала бы в ситуацию, аналогичную ситуации 1914 года по окончании осенних боев. Ее единственное преимущество заключалось бы в обладании более широким плацдармом вдоль побережья Ла-Манша. Следовательно, мы не достигли бы ни ликвидации вражеских сил в Бельгии – что было необходимо для создания достаточного превосходства на решающем этапе, – ни обеспечения благоприятной оперативной обстановки для конечных боев. Операция, спланированная ОКХ, принесла бы лишь частную победу, и ничего больше.

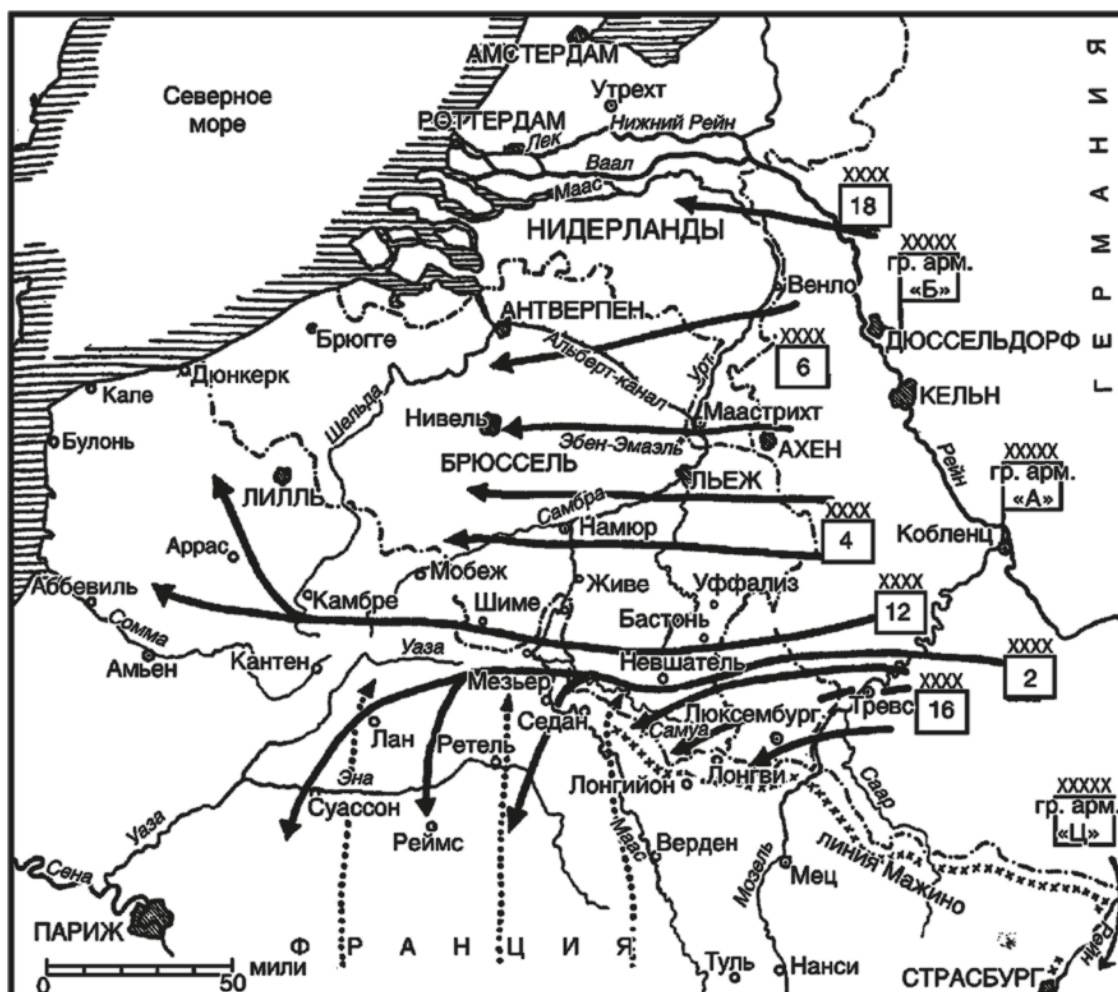
Будущее показало, что в 1940 году в Бельгии противник был опрокинут широким фронтом благодаря умелому руководству группы армий «Б», в результате вынудив к капитуляции бельгийские и датские армии. Но как бы мы ни верили в немецкое командование и ударную силу наших танков, эти успехи нельзя было считать следствием заранее разработанного плана. При более эффективном руководстве у противной стороны история могла бы иметь совсем другой конец.

Сокрушительное поражение, которое понес враг в Северной Бельгии, почти наверняка объяснялось тем, что в результате внесенных в оперативный план изменений танковые соединения группы армий «А» смогли отрезать его от коммуникаций и оттеснить от Соммы.

Наконец, было еще одно обстоятельство, не учтенное в плане ОКХ, – возможности для маневра, которыми мог бы воспользоваться смелый и решительный полководец противника. Мы не имели права предполагать, что враг не располагает подобным руководством, тем более что генерал Гамелен пользовался у нас хорошей репутацией. Он произвел превосходное впечатление на генерала Бека, который посетил его перед войной. Смелый командующий вражескими войсками мог бы остановить намеченное продвижение немецких армий по Бельгии и одновременно перейти в крупномасштабное контрнаступление против южного фланга немецких сил, действовавших на северном фланге. Даже если бы в Бельгию были переброшены силы, предназначенные для поддержки бельгийцев и голландцев, пятьдесят или шестьдесят дивизий для этого контрудара нашлось бы на линии Мажино, которая легко могла без них обойтись. Чем дальше бы продвигалась группа армий «Б» в направлении Ла-Манша и устья Соммы, тем более действенный удар могло бы нанести вражеское командование по глубокому флангу немецких сил с северной стороны. Нельзя утверждать, что у группы армий «А» с ее двадцатью двумя дивизиями хватило бы сил, чтобы отразить его. Как бы ни обстояло дело, подобное развитие операций едва ли в стратегическом смысле могло привести к окончательной победе на Западном театре военных действий.

План группы армий «А»

Возражения, изложенные выше по мере того, как они возникали у меня при изучении оперативной директивы ОКХ, послужили основой для предложений, которые мы представили в ряде меморандумов, стремясь убедить руководителей вооруженных сил в нашей правоте. Поскольку эти предложения, естественно, до некоторой степени повторяли друг друга, я лишь подведу им итог, в то же время пояснив, в чем они противоречили оперативным замыслам ОКХ:

План немецкого наступления на западе, предложенный группой армий «А»

1. Целью наступления на западе, утверждал я, должно быть одержание решительной победы на суше. Попытки достичь частных целей, намеченных в оперативных директивах ОКХ, не оправдывают риска ни с политической точки зрения (нарушение нейтралитета трех стран), ни с военной. Наступательная мощь германской армии является нашим самым веским козырем на континенте, и растрачивать его на полумеры недопустимо, хотя бы только из-за Советского Союза.

2. Главный удар нашего наступления должна наносить группа армий «А», а не группа армий «Б». Группа армий «Б» будет наносить предполагаемый удар по подготовленному к нему противнику, причем в основном фронтально. Даже если бы сначала удар достиг определенного успеха, на Сомме он может потерпеть неудачу.

Настоящие шансы имела группа армий «А», они состояли во внезапном ударе через Арденны, где враг наверняка не ожидает появления танков в силу особенностей рельефа местности, в направлении низовий Соммы, с тем чтобы перед Соммой отрезать вражеские силы, переброшенные в Бельгию. Только таким способом было возможно разгромить весь северный фланг неприятеля в Бельгии, подготавливая почву для одержания окончательной победы во Франции.

3. Группе армий «А» не только выпал главный шанс, в ее же действиях заключалась и главная опасность для немецкого наступления.

Если враг будет действовать правильно, то он постарается избежать неблагоприятного для него столкновения в Бельгии, возможно, отходом за Сомму. Одновременно он развернет все имеющиеся в его распоряжении силы для большого контрнаступления против нашего

южного фланга с целью окружения основного корпуса германской армии в Бельгии или на подступах к Нижнему Рейну. Можно было не верить в подобное смелое решение французского Верховного командования, против которого наверняка возражали бы французские союзники, все же эту возможность не стоило сбрасывать со счетов.

Если бы наше наступление через Северную Бельгию было остановлено на нижней Сомме, противнику с имеющимися у него резервами, по крайней мере, удалось бы создать сплошной оборонительный фронт. Он мог бы начинаться у северо-западного окончания линии Мажино восточнее Седана и затем вплоть до Ла-Манша по течению Эны и Соммы.

Чтобы предотвратить этот вариант, нужно было разгромить все силы противника, сосредотачивающиеся на нашем южном фланге, еще до их укомплектования, либо на обоих берегах Мааса, либо между Маасом и Уазой. В первую очередь нужно было прорвать вражеский фронт на этом участке с целью дальнейшего обхода линии Мажино.

4. Группа армий «А», на чью долю выпала главная тяжесть операции (даже если вначале ввиду доступного места группа армий «Б» могла собрать больше дивизий), должна получить не две армии, а три.

Одна армия продвинется через Южную Бельгию и Маас, как намечено, но затем нанесет удар в направлении нижней Соммы, чтобы выйти в тыл неприятельским войскам, действующим против группы армий «Б».

Вторая армия должна быть брошена в юго-западном направлении с задачей обеспечить оборону и разгромить все силы противника, сконцентрированные западнее Мааса для контрнаступления на наш южный фланг.

Третья армия, как намечено, должна прикрывать глубокий фланг всей операции севернее линии Мажино между Сьерком и Музоном (восточнее Седана).

Для переноса направления главного удара с группы армий «Б» на группу армий «А» мы запросили:

1) одну дополнительную армию (которая должна находиться в нашем распоряжении с самого начала, даже если ее невозможно будет ввести в строй до начала наступления);

2) крупные бронетанковые соединения.

Таковы в общих чертах основные положения, многократно повторенные в меморандумах, направляемых ОКХ нашей группой армий «А».

Борьба за план группы армий «А»

Естественно, что в октябре 1939 года заранее подготовленный план операций не очутился вдруг у меня в руках. Простому смертному, прежде чем он добьется своей цели, всегда приходится трудиться не покладая рук. Произведение искусства не может выйти из его головы в готовом виде, как Афина Паллада из головы Зевса.

И все-таки уже первые предложения группы армий, направленные в ОКХ (датированные 31 октября 1939 года) по поводу ведения операций в случае немецкого наступления, содержали основные принципы «нового плана».

Говоря точнее, разговор идет о двух документах. Первый – письмо командующего группой армий командующему сухопутными силами по принципиальному вопросу проведения немецкого наступления в сложившейся на тот момент обстановке.

Для начала фон Рундштедт подчеркнул, что наступление, планируемое в соответствии с оперативными директивами от 19 и 29 октября, не могло оказать решающего влияния на ход войны. Соотношение сил Германии и ее противников не давало оснований рассчитывать на полную и окончательную победу, а кроме того, операция ввиду фронтального характера не позволит ударить во фланг и тыл противника. Вероятно, ее итогом станет фронтальный

бой на Сомме. В то же время фон Рундштедт указывал на трудности, мешающие эффективному применению наших двух козырей – танков и авиации – в осенне-зимний период.

Тем не менее наступление все же должно проводиться, если его успех создаст необходимые предпосылки для начала действий нашего флота и авиации против Великобритании. Опыт Первой мировой войны показал, что недостаточно владеть лишь частью берега Ла-Манша: для этого мы должны контролировать все побережье Северной Франции до самой Атлантики.

Растратить наступательный потенциал германской армии на частную победу, имея в тылу Советский Союз, было недопустимо. Этот потенциал являлся решающим фактором на континенте, и только наличие готовой к наступлению армии гарантировало Германии дружественные отношения с Советским Союзом.

Пока же наступательный потенциал нашей армии заключался исключительно в кадровых дивизиях, и это положение сохранится до тех пор, пока вновь сформированные соединения не достигнут необходимого уровня подготовки и сплоченности. Однако же нельзя осуществить наступление, ставящее целью одержание решительного успеха, одними кадровыми дивизиями.

Возможно, западные державы сами предпримут наступление под воздействием нашей авиации на Великобританию, хотя даже в том случае, если бы Великобритания потребовала этого наступления, оставались сомнения, что боевой дух французов не спасует перед человеческими жертвами, которые оно повлечет за собой. По нашему мнению, желательно было предоставить врагу самому взять на себя бремя нападения на укрепленные позиции и позор нарушения бельгийского (и голландского) нейтралитета. В то же время нельзя было ждать до бесконечности, пока Великобритания восполнит пробелы в вооружении и производстве самолетов.

С военной точки зрения войну против Великобритании можно выиграть только на море и в воздухе. На суше ее можно только проиграть, если растратить ударную силу армии в боях, не имеющих решающего значения.

Таким образом, письмо фон Рундштедта, по сути, предостерегало от преждевременного начала немецкого наступления – то есть в осенние или зимние месяцы. В этом отношении взгляды группы армий «А» и ОКХ совпадали. Однако они расходились в отношении методов проведения наступления, и командующий группой армий официально высказался против такого осуществления операций, какое предусматривалось в директивах ОКХ, а именно без гарантии окончательного успеха.

Второе письмо, направленное в ОКХ штабом группы армий «А» 31 октября, дополняло оценку фон Рундштедта некоторыми рекомендациями о том, как, по нашему мнению, следовало вести наступление. В этом документе, уже содержавшем основные положения «нового плана», подчеркивалась необходимость:

- 1) переноса главного направления удара операции в целом на южный фланг;
- 2) применения крупных моторизованных соединений с тем, чтобы они нанесли удар с юга в тыл союзных войск, находящихся в Северной Бельгии;
- 3) подключения дополнительной армии, которая возьмет на себя задачу по контрудару в случае крупномасштабного контрнаступления против нашего южного фланга.

Вряд ли можно было ждать какого-либо отклика на письмо к 3 ноября, когда нас посетил командующий сухопутными силами и его начальник штаба, хотя это посещение все же дало мне возможность по распоряжению генерал-полковника фон Рундштедта изложить наши соображения им лично. Однако генерал-полковник фон Браухич отказал мне в просьбе предоставить нам дополнительные силы (еще одну армию и крупные танковые соединения), заявив: «Если бы я только мог их выделить». Так мы со всей очевидностью поняли, что он по-прежнему категорически отвергает нашу точку зрения. Несмотря на это, он все-таки

пообещал выделить нам из резервов командования сухопутных сил бронетанковую дивизию и два моторизованных полка.

К сожалению, наши гости не менее ясно дали нам понять, что сильно сомневаются насчет запланированного наступления на западе, особенно в том, что касается шансов одержать решительную победу. Естественно, они попросили наших командующих армиями и корпусами доложить о состоянии их соединений на тот момент, но по тому, как они отнеслись к жалобам, конечно многочисленным, на недостаточную подготовку вновь сформированных дивизий, создавалось впечатление, что сами они не придавали большого значения предстоящей операции.

Чтобы сгладить это впечатление, генерал-полковник фон Рундштедт несколько дней спустя лично обратился к генералам группы армий. Охарактеризовав оперативный замысел штаба, он показал, что в действительности есть все шансы добиться решающей победы на западе, хотя предпринимать наступление до начала весны нецелесообразно.

6 ноября, отвечая на запрос ОКХ по поводу наших намерений в рамках исполнения директив, мы снова высказали наши рекомендации, но не получили ответа.

Все это время гитлеровские «предсказатели погоды», метеорологи министерства авиации, весело скакали вверх-вниз по своим лестницам. Каждый раз, как они предсказывали хотя бы краткий период хорошей погоды, Гитлер отдавал приказ о выдвижении войск в районы сосредоточения. Но каждый раз метеорологам приходилось отказываться от своих слов, и наступление отменяли.

12 ноября мы получили телеграмму следующего содержания, которая застала нас врасплох:

«По приказу фюрера сформировать третью группу подвижных войск на южном фланге 12-й армии или в районе, назначенном 16-й армии, с тем чтобы она наступала в направлении Седана и восточнее его, используя преимущество безлесной местности по обе стороны от Арлона, Тинтиньи и Флоранвиля. Состав группы: штаб 19-го корпуса, 2-я и 10-я танковые дивизии, одна моторизованная дивизия, «Лейбштандарт» и полк «Великая Германия».

В задачу группы входит:

1) разгромить подвижные силы противника, переброшенные в Южную Бельгию, и тем самым облегчить задачу 12-й и 16-й армий;

2) используя фактор внезапности, овладеть западным берегом Мааса в районе Седана или на юго-востоке от него и создать тем самым благоприятные условия для последующих этапов операции, в особенности в случае, если бронетанковые части, действующие в составе 6-й и 4-й армий, не одержат успеха на своих участках».

Вслед за телеграммой последовало соответствующее дополнение к оперативной директиве ОКХ. Из текста сообщения становилось ясно, что передача 19-го корпуса группе армий «А» сделана по приказу Гитлера. Что заставило его так поступить? Быть может, эта мысль родилась у него после имевшего место незадолго до того доклада командующего 16-й армией генерала Буша. Генерал был знаком с моими взглядами и мог упомянуть о нашем желании получить бронетанковые части для быстрого наступления через Арденны. Также возможно, что Гитлер сам пришел к этому решению. Он умел разглядеть тактические возможности и подолгу стоял над картами. Он мог понять, что проще всего форсировать Маас у Седана, тогда как выше танковые соединения 4-й армии столкнутся при переправе с большими трудностями. Он, вполне вероятно, увидел, что переправа через Маас у Седана создает благоприятные условия (в том смысле, что оно открывало возможности для южного фланга группы армий «А») и хотел угнаться сразу за всем. Все же на практике, как бы мы ни радовались получению танкового корпуса, это привело бы к рассредоточению наших бронетанковых сил. Поэтому командующий 19-м танковым корпусом генерал Гудериан сначала весьма отрицательно отнесся к новой роли своего соединения, поскольку все-

гда утверждал, что танки нужно применять таким образом, чтобы наносить мощный удар одновременно на одном участке. Только после того, как я объяснил ему оперативные соображения нашей группы армий, стремящейся сместить основную тяжесть всего наступления на южный фланг, и обратил его внимание на заманчивую перспективу выйти к дельте Соммы в тылу врага, Гудериан превратился в горячего приверженца нашего плана. В конечном счете именно его пыл вдохновил наши бронетанковые части на стремительный бросок к побережью Ла-Манша в тыл врага. Для меня, разумеется, было большим облегчением узнать, что Гудериан счел осуществимой мою мысль о прорыве значительными танковыми силами через столь труднопроходимую местность, как Арденны.

Если вернуться к передаче нам 19-го танкового корпуса, то нет сомнений, что Гитлер видел в ней лишь тактическую меру, облегчавшую переправу через Маас для группы армий «Б».

Да и в дополнении к директиве ОКХ ни словом не упоминалось о новых целях. Оно не содержало ни единого намека на осуществление или хотя бы подготовку к одержанию окончательной победы за счет охвата сил противника группой армий «А» в направлении устья Соммы.

21 ноября командующий сухопутными силами и начальник Генерального штаба снова посетили нас в Кобленце. Помимо командующих армиями в составе группы армий «А», на совещании также присутствовали командующий группой армий «Б» генерал-полковник фон Бок и его командующие армиями.

В силу одного обстоятельства этот случай заслуживает отдельного упоминания. Фон Браухич пожелал выслушать соображения командующих армиями и группами армий, а также узнать, какие они распоряжения отдали в исполнение директивы ОКХ. Однако, когда пришла наша очередь, он предложил высказаться только командующим армиями. По-видимому, он хотел устранить всякую возможность того, что группа армий «А» огласит свои разногласия с оперативной директивой.

Поэтому нам не осталось иного выбора, кроме как передать руководителям ОКХ еще один подготовленный нами меморандум с соображениями относительно того, как следует проводить операцию.

Как и в двух предыдущих обращениях в командование от 31 октября и 6 ноября, а также в четырех последующих, от 30 ноября, 6 декабря, 18 декабря и 12 января, в нем излагались принципиальные положения, на которых основывался план операции группы армий «А» в целом. Все меморандумы, по существу, развивали те же концепции, что уже были изложены выше, поэтому воздержусь от их повторения.

Между тем Гитлер, по-видимому, обдумывал вопрос о действиях 19-го танкового корпуса на участке группы армий «А», а также о том, как ввести дополнительные силы для ее поддержки в том случае, если удар танковых сил в составе группы армий «Б» все же не достигнет ожидаемого быстрого результата. Как говорит Грейнер, заведовавший журналом боевых действий ОКВ, примерно в середине ноября Гитлер запросил ОКХ, можно ли усилить танковые соединения Гудериана и каким способом, если возникнет такая необходимость. Также Грейнер сообщает, что около 20 ноября Гитлер отдал в ОКХ распоряжение о том, чтобы оно подготовилось к быстрому переносу главного направления удара с группы армий «Б» на группу армий «А» в случае, если последняя «достигнет более быстрого и далекого результата».

Видимо, действуя в соответствии с этим указанием, в конце ноября ОКХ перебросило 14-й моторизованный корпус из пункта восточнее Рейна за район сосредоточения группы армий «А». Тем не менее корпус продолжал оставаться в резерве, притом что ОКХ оставило за собой право решать в соответствии с ситуацией, куда он будет передан: группе армий «А» или группе армий «Б».

Неясно, сам ли Гитлер пришел к мысли перенести направление главного удара на группу армий «А», или к тому времени ему уже стали известны наши взгляды.

24 ноября, на следующий день после того, как в Берлине он обратился с речью к руководителям трех родов войск, Гитлер принял у себя генерал-полковника фон Рундштедта и генералов Буша и Гудериана. Во время обратной поездки в Кобленц я узнал от Буша, что Гитлер проявил большой интерес к точке зрения группы армий «А». Если это так, то я думаю, что его, видимо, больше всего интересовало усиление бронетанковых соединений нашей группы армий с целью прорвать рубеж у Мааса в районе Седана для облегчения задачи группы армий «Б». Мне кажется маловероятным, что фон Рундштедт воспользовался этим случаем и представил Гитлеру наш предварительный план, тем более что фон Брау-хич в тот момент занимал весьма шаткие позиции.

Что касается утверждения Грейнера о том, что Гитлер уже в конце октября узнал о нашем плане от своего адъютанта Шмундта, это вызывает сомнения, по крайней мере в том, что касается даты. Правда, Шмундт действительно приезжал к нам по указанию Гитлера, чтобы удостовериться, действительно ли плохая погода и состояние местности препятствуют началу наступления, как о том говорилось в наших докладах. В тот раз полковник Блюментритт, наш начальник оперативного отдела, и генерал-лейтенант фон Тресков конфиденциально сообщили Шмундту, что группа армий представила ОКХ план наступления, который она считает более эффективным.

Через несколько дней Блюментритт с моего согласия (очень неохотного, хотя и с одобрения фон Рундштедта) послал полковнику Шмундту копию моего последнего меморандума. Передал ли тот его Гитлеру или хотя бы Йодлю, мне неизвестно. Во всяком случае, когда Гитлер вызвал меня 17 февраля 1940 года, чтобы выслушать мои соображения относительно наступления на западе, он ничем не дал мне понять, что видел хотя бы один из наших меморандумов, отправленных в ОКХ.

Возможно, что целью Гитлера в конце ноября было обеспечение возможности перенести направление главного удара из района группы армий «Б» в район группы армий «А» уже после начала операции. Тем не менее это ни в коей мере не означало отклонения от тогдашнего плана или принятия наших оперативных предложений. Несмотря на то что 14-й моторизованный корпус был переброшен за район сосредоточения нашей группы армий, оперативная директива полностью оставалась в силе. Как и раньше, успех должен был достигаться прежде всего за счет массированного удара группы армий «Б» через Северную Бельгию, тогда как за группой армий «А» по-прежнему оставалась ее защитная роль. Единственное различие заключалось в том, что Гитлер хотел иметь возможность перенести направление главного удара на более позднем этапе, если группа армий «Б» не добьется ожидаемого успеха либо если группа армий «А» достигнет более быстрого результата.

Это ясно следовало из ответа генерала Гальдера на новый меморандум, отправленный мною 20 ноября. Кстати сказать, первого ответа на наши обращения.

Суть наших замечаний состояла в том, что наконец, по всей видимости, наметилась новая цель наступления, а именно в районе действий группы армий «А», которое при условии успешного прорыва через Арденны повлечет за собой расширение масштаба операций, как мы и предлагали.

В своем ответе генерал Гальдер, признавая, что наши взгляды в большой мере совпадают с мнением ОКХ, все же утверждал, что приказ командования относительно 19-го и 14-го корпусов не определяет новое направление главного удара, а только предусматривает возможность его создания, если возникнет такая необходимость. «В результате влияния не зависящих от нас сил, – говорил далее он, – вопрос направления главного удара превратился из вопроса планирования в вопрос руководства операцией во время ее проведения».

Из вышесказанного можно сделать два вывода. Во-первых, что в намерения Гитлера входило оставить за собой право принимать ключевые решения также и во время фактического осуществления операции. Во-вторых, что он хотел поставить направление главного удара в зависимость от развития наступления и что, во всяком случае пока, он либо не знал, либо не собирался принимать план нашей группы армий.

Последнее впечатление подкрепил ответ генерала Гальдера, с которым мы имели телефонный разговор 15 декабря.

6 декабря я отправил ему еще одно личное письмо, в котором вновь перечислил все обстоятельства, говорившие в пользу нашего оперативного плана. В этом письме «новый план», по сути, излагался уже во всей его полноте. Не получив ответа Гальдера до 15 декабря, я позвонил генералу Штюльпнагелю, первому оберквартирмейстеру, и спросил его, собирается ли ОКХ и дальше игнорировать наши предложения. После этого состоялся вышеупомянутый телефонный разговор с Гальдером. Он заверил меня, что руководство полностью согласно с нами, но имеет строгий приказ о нанесении главного удара группой армий «Б» или, в качестве альтернативы, о возможности изменения его направления в ходе операции.

Искренне ли соглашалось с нами ОКХ или только на словах, в любом случае мысль о переносе направления главного удара в район действия группы армий «А» только после начала наступления была совершенно несовместима с нашими оперативными замыслами.

Кажется, это Наполеон сказал: «On s'engage partout et on voit»⁸. Для французов его изречение стало почти аксиомой, особенно после того, как оглушительно провалилась их лотарингская инициатива 1914 года. С этой же аксиомой, безусловно, могло согласиться Верховное командование союзных войск в 1940 году. Поскольку оно хотело возложить на нас тяжесть начала наступления, то было совершенно право, когда бездействовало, выжидая. Оно должно было избегать решительного сражения в Бельгии, чтобы затем насколько возможно крупными силами нанести контрудар по южному флангу наших наступающих войск.

Но в нашем случае и речи не могло быть о том, чтобы дожидаться удобного момента, когда мы сможем выложить наши козыри, так как оперативный план группы армий «А» основывался на факторе внезапности. Едва ли противник мог ожидать со стороны Арденн удара столь мощных бронетанковых сил, которые приведут за собой целую армию. Однако это наступление достигнет своей цели – низовой Соммы – только в том случае, если удастся опрокинуть силы неприятеля, переброшенные в Бельгию. Мы должны были переправиться через Маас одновременно с остатками этих сил, чтобы впоследствии зайти в тыл вражеским войскам, расположенным против группы армий «Б» в Северной Бельгии.

Подобным же образом попытка разгромить крупные вражеские резервы на нашем южном фланге – например, между Маасом и Уазой, – прежде чем они завершат развертывание, и создать тем самым благоприятные исходные условия для «второго действия», то есть уничтожения остальных сил противника, могла удалиться только в том случае, если бы мы обладали достаточными силами для сохранения инициативы.

Выжидать, в какую сторону «прыгнет кошка», чтобы потом выбрать направление главного удара, практически означало отказ от возможности уничтожить вражеские силы в Северной Бельгии, обойдя их с юга. В то же время это значило позволить противнику развернуть свои силы для такого контрудара по нашему южному флангу, который предоставлял ему шансы на победу. Хотя Верховное командование противника этим шансом так и не воспользовалось.

А по поводу того, чтобы оттягивать с переброской в группу армий «А» дополнительных сил и поставить выбор направления главного удара в зависимость от того, удастся ли нам действовать внезапно и недостаточными силами, можно лишь процитировать слова

⁸ Всюду завязать бой, а там посмотрим (*фр.*).

Мольтке о том, что «ошибку, допущенную на первых этапах развертывания, нельзя исправить».

Следовательно, непозволительно было ждать, как будет развиваться наше наступление, сокрушит ли противника в Бельгии массированный удар группы армий «Б» или пробьется ли к Седану одинокий 19-й танковый корпус. Если будет принят план группы армий «А», то мы с самого начала должны получить необходимые танковые соединения и три армии, даже если третью армию нельзя будет ввести в действие до тех пор, пока в ходе наступления для нее не появится оперативный простор. Вот почему в моем меморандуме от 6 декабря я запросил не две армии в составе двадцати двух пехотных дивизий и только одного танкового корпуса, а три армии в составе сорока дивизий и двух мобильных корпусов. (Между прочим, именно столько нам и выделили после того, как вмешался Гитлер и наш план был принят.)

И потому нам пришлось продолжать борьбу. Теперь мы больше всего были озабочены тем, чтобы с первого же этапа операции не только перед 19-м танковым корпусом, но и перед 14-м моторизованным корпусом была поставлена задача нанести удар через Арденны, форсировать Маас у Седана и двигаться дальше в направлении нижней Соммы. Кроме того, необходимо было, чтобы нам с самого начала передали третью запрошенную нами армию, которая нанесла бы контрудар по противнику в случае развертывания вражеских войск на нашем южном фланге западнее Мааса.

Если бы мы могли заставить ОКХ выполнить оба наших требования – даже если бы оно в целом не согласилось с нашим планом, – наступление неизбежно пошло бы по тем рельсам, которые ведут к окончательной победе, чего мы и добивались.

Конечно, и наш оперативный план – по словам Мольтке – не мог предопределить ход кампании после первого столкновения с основными силами противника, и меньше всего в том случае, если бы из-за недостатка сил операция захлебнулась еще на начальном этапе.

Но там же Мольтке говорит, что военачальник должен смотреть дальше первого столкновения и «не упускать из виду конечную цель». Этой целью, как мы ее себе представляли, могла быть только окончательная победа на Европейском континенте. Именно эту цель и должно ставить перед собой немецкое наступление с начала и до конца, даже если для ее достижения нужно действовать в два отдельных этапа.

Процитированное выше правило Наполеона, к которому в конечном итоге и сводились сомнения Гитлера по поводу направления главного удара, в другой обстановке могло бы дать прекрасные результаты. А для нас оно означало целиться слишком близко, даже не рассчитывая на окончательную победу.

18 декабря, после того как мое письмо начальнику штаба от 6 декабря не произвело желаемого результата, я представил фон Рундштедту «проект оперативной директивы» о наступлении на западе, основанный на нашей оперативной концепции. Он должен был послужить ему в качестве основы для доклада командующему сухопутными силами и, если тот его одобрит, Гитлеру. Беседа с фон Браухичем состоялась 22 декабря, но с Гитлером фон Рундштедт не встречался. Также письменную копию вышеуказанного проекта мы направили в ОКХ, так как я надеялся, что в такой четкой форме наши соображения скорее убедят оперативное управление ОКВ, чем чисто теоретические рассуждения, имевшие место до сих пор. Только после войны мне стало известно, что оперативное управление так и не получило от Гальдера ни одного из наших меморандумов.

Из-за погоды во второй половине декабря о наступлении не могло быть и речи. Так или иначе, нам представлялось желательным, чтобы прошло некоторое время, прежде чем мы возобновим попытки изменить оперативный план, тем более что мы уже предоставили командованию достаточно пищи для размышлений. Поэтому я смог поехать домой на Рождество. Во время возвращения в Кобленц из Лигница я заехал в ОКХ в Цоссене, чтобы узнать,

что там думают о нашем проекте. Генерал Штюльпнагель снова заверил меня, что ОКХ во многом согласно с нами, но связано приказом Гитлера о том, чтобы решение о направлении главного удара оставалось открытым.

По-прежнему было неясно, говорил ли командующий сухопутными силами о наших рекомендациях Гитлеру. Это казалось маловероятным, так как генерал-лейтенант Хойзингер, тогдашний начальник 1-го отдела оперативного управления, сказал, что фон Браухич не был у Гитлера с 5 ноября.

После Нового года гитлеровские «предсказатели погоды» снова оживились. Мороз при ясном небе обещал период хорошей погоды, которая позволит задействовать авиацию, хотя холод, сопровождавшийся снегопадом, после чего Эйфель и Арденны оказались под толстым слоем снега, ни в коей мере не благоприятствовал танкам. Во всяком случае, Гитлер снова отдал приказ, который заставил войска двинуться к районам сосредоточения для начала наступления.

Невзирая на это, 12 января мы послали в ОКХ еще один меморандум, озаглавленный «Наступление на западе». В нем снова, уже в который раз, излагалось мнение о необходимости того, чтобы наступление имело целью решительную победу. Хотя в тот момент мысль об изменении оперативной директивы была исключена, мы рассчитывали, что наши взгляды все же будут приняты во внимание после фактического начала операции. Во всяком случае, приказ о начале наступления отменялся уже столько раз, что мы имели разумные основания надеяться на его отмену и на этот раз, что дало бы время внести в план коренные изменения.

Однако для этого нам нужно было устранить камень преткновения, который до сих пор мешал принятию нашего плана. В чем он заключался? Согласно тому, что мы слышали в ОКХ, дело было в Гитлере. ОКХ неоднократно подчеркивало, что, хотя оно в большой мере и согласно с нами, его связывает приказ Гитлера, требующий не определять главное направление удара до того, как начнется операция. Но докладывало ли ОКХ Гитлеру о нашем плане, который так сильно расходился с его вариантом? Может быть, Гитлера удастся убедить, если представить ему план, преследующий не только частные цели, но и такую возможность, какой ни он, ни главы ОКХ фактически никогда всерьез не рассматривали, – возможность окончательной победы на западе?

Чтобы покончить с этим вопросом раз и навсегда, мы сопроводили меморандум письмом генерал-полковника фон Рундштедта, которое оканчивалось следующим предложением:

«В связи с тем, что группе армий стало известно, что фюрер и Верховный главнокомандующий взяли на себя руководство всей операцией, оставив за собой право принимать решение о направлении главного удара (то есть лишив ОКХ свободы самостоятельно принимать решения по оперативным вопросам), я прошу передать этот меморандум лично фюреру.
Фон Рундштедт».

Это требование, с которым я предложил обратиться в командование и которое генерал с готовностью скрепил своей подписью, в какой-то степени противоречило армейским традициям Германии, предписывавшим, что только командующий сухопутными силами или его начальник штаба имеет право давать обращения с рекомендациями к Верховному главнокомандующему.

Однако, если ОКХ действительно было согласно с нашим мнением, ничто не мешало ему принять наш оперативный план и передать его Гитлеру от своего имени. Таким образом командование получило бы возможность произвести на него впечатление и, быть может, реабилитироваться в его глазах в качестве высшей инстанции по всем вопросам, касающимся операций сухопутных сил. Никто не был бы рад этому больше меня, поскольку я, будучи

на посту заместителя начальника Генштаба, вместе с генерал-полковником фон Фричем и генералом Беком с таким трудом добивался того, чтобы ОКХ вернуло свое положение⁹.

Если, с другой стороны, ОКХ уже сделало неудачную попытку убедить Гитлера принять предложения, совпадающие с нашими, то представление плана по инициативе генерал-полковника фон Рундштедта, о котором Гитлер был столь высокого мнения, значительно укрепило бы позиции ОКХ.

Не исключено, что Гитлера еще можно было бы отговорить от того, чтобы ставить направление главного удара в зависимость от хода операций, а это – по крайней мере, именно так внушало нам ОКХ – было главным препятствием, мешавшим принятию нашего плана.

Ответ, который мы получили на меморандум, нас разочаровал. В нем говорилось, что мы ошибочно предполагали, будто ОКХ стремится только к частным целям, поскольку остальные цели будут поставлены своевременно. Приняты меры к тому, чтобы передать группе армий «А» дополнительные силы и один штаб армии, но фактические сроки остаются на усмотрение командующего сухопутными силами. Также было сказано, что командующий сухопутными силами в основном согласен с положениями нашего меморандума, но возможности доложить его Гитлеру не представилось.

Это уверение в согласии командующего все же не могло скрыть от нас его нежелание отстаивать перед Гитлером рекомендованные нами коренные изменения оперативного плана.

Напротив, оперативная директива оставалась в силе в неизменном виде. Исход сражения в Бельгии должен был решать фронтальный удар группы армий «Б», на участке действий которой, по крайней мере на первом этапе операции, должны были сосредоточиться главные усилия.

Группа армий «А» по-прежнему должна была прикрывать эту операцию. Ее задача никак не была расширена в отношении удара в направлении нижней Соммы и обхода с тыла вражеских войск, фронтально остановленных в Северной Бельгии группой армий «Б».

Перераспределение главного усилия немецкого наступления по-прежнему находилось в зависимости от хода операции. Группа армий «А» не получила бронетанковых соединений, включение которых в ее состав с самого начала операции, согласно нашему плану, позволило бы захватить противника врасплох в Южной Бельгии и обойти его с тыла в направлении устья Соммы. Также группа армий не была уверена в получении дополнительной армии, необходимой для контратаки с целью прикрытия нашего удара по перешедшему в контрнаступление противнику.

Иными словами, мы упорствовали в той самой неисправимой «ошибке на первых этапах развертывания». Лица, облеченные властью, не желали сделать шаг, который генерал Йодль в феврале 1940 года назвал «окольной дорожкой, на которой можно попасться в руки бога войны».

Не вполне сознавая это, Верховные командования Германии и союзников пришли к общему выводу, что безопаснее атаковать друг друга в лоб в Северной Бельгии, чем ввязываться в рискованную операцию – с немецкой стороны в случае принятия плана группы армий «А», а со стороны союзников в случае уклонения от решающего боя в Бельгии для нанесения мощного удара по южному флангу немецкого наступления.

⁹ То, что наш штаб группы армий никогда не претендовал на признание нашего авторства новой стратегической концепции, следует из того, что оно стало известно только после войны из разговоров Лиддел-Гарта с фон Рундштедтом и Блюментриттом. (Примеч. авт.)

Тем временем произошло событие, в котором впоследствии многие увидели решающий фактор, повлиявший на принципиальные изменения, произведенные позднее в плане операции в соответствии с рекомендациями группы армий «А».

Начальник оперативного отдела штаба 7-й воздушной дивизии случайно совершил посадку на бельгийской территории, в результате чего по крайней мере часть оперативной директивы, предназначавшейся 1-му воздушному флоту, попала в руки бельгийцев. Нельзя было не учитывать той возможности, что бельгийцы сообщат западным державам о существующем оперативном плане.

По существу, эта неприятность не привела к изменению оперативного плана, хотя, возможно, позднее склонила Гитлера и ОКХ к тому, чтобы они приняли во внимание предложения нашей группы армий. Совещание, проведенное командующим сухопутными силами 25 января в Бад-Годесберге, куда были приглашены генералы, командующие группами армий «А» и «Б» и подчиненными армиями, показало, что принципиальная позиция ОКХ осталась неизменной. Хотя совещание состоялось значительное время спустя после упомянутого инцидента, задачи групп армий и армий не изменились. Была лишь несколько расширена роль группы армий «Б», которая теперь предусматривала оккупацию 18-й армией всей территории Голландии, а не только, как намечалось раньше, ее частей, расположенных вне так называемой «Голландской крепости». Что касалось группы армий «А», все осталось по-прежнему. Хотя мы добились, чтобы в район действий нашей группы армий перевели штаб 2-й армии, она, как и 14-й моторизованный корпус, оставалась в распоряжении ОКХ. Несмотря на мое сообщение, по распоряжению моего начальника, о том, что удар одного 19-го танкового корпуса через Арденны сейчас, когда враг собрал значительные силы (2-ю французскую армию) на Маасе, не принесет нам успеха в Седане, фон Браухич все еще отказывался включить его в состав нашей группы армий. Из этого явствовало, что Верховное командование по-прежнему настроено не менять направления главного удара, пока не станет ясен дальнейший ход операции. Это же доказало, что факт попадания оперативной директивы к бельгийцам никак не повлиял на мнение высшего руководства.

Тем не менее через пять дней после этих заявлений, сделанных 25 января, штаб группы армий направил в ОКХ еще один меморандум на основе сведений о противнике, предоставленных между тем разведкой. Мы указали, что теперь необходимо учитывать возможность присутствия в Южной Бельгии мощных французских сил, в особенности механизированных частей. В таких обстоятельствах бессмысленно было надеяться, что один 19-й танковый корпус будет в состоянии преодолеть вражескую группировку или форсировать реку.

Наше мнение подтвердилось на учениях, проводившихся в Кобленце 7 февраля, когда мы проверяли способность к наступлению 19-го танкового корпуса и двух армий нашей группы. Учения ясно показали, насколько проблематично изолированное применение 19-го корпуса. У меня создалось впечатление, что генерал Гальдер, присутствовавший на учениях в качестве наблюдателя, наконец-то начал понимать нашу правоту.

Между тем в моей собственной судьбе наступил неожиданный поворот. 27 января меня уведомили о назначении командиром 38-го корпуса, который должен быть сформирован в тылу. От генерал-полковника фон Рундштедта я узнал, что командующий сухопутными силами конфиденциально сообщил ему об этом уже на совещании 25 января. Причина была в том, что меня нельзя было и дальше обходить при назначениях командиров в новые корпуса, поскольку генерал Рейнхардт, уступавший мне по выслуге лет, тоже получил корпус. Хотя в моем назначении не было ничего, что отличало бы его от обычного продвижения по службе, все же эта смена начальника штаба группы армий в тот момент, когда предстояло масштабное наступление, казалась очень странной. В конце концов, были и другие способы решить вопрос о выслуге лет, послуживший для нее предлогом. Поэтому вряд ли можно

сомневаться, что мой перевод объяснялся желанием ОКХ отделаться от назойливого раздражителя, который осмелился составить план операции, идущий вразрез с их планом.

По окончании упомянутых учений, в проведении которых я участвовал, фон Рундштедт перед всеми присутствующими поблагодарил меня за мою деятельность на должности начальника штаба нашей группы армий. Он подобрал такие слова, в которых отразились доброта и благородство этого талантливого военачальника. Кроме того, для меня большим удовлетворением стало то, что генералы Буш и Лист, командующие двумя армиями в составе нашей группы, а также генерал Гудериан не просто сожалели о моем уходе, но искренне были им огорчены.

9 февраля я выехал из Кобленца в Лигниц.

Однако мои верные сотрудники полковник Блюментритт и генерал-лейтенант фон Тресков не собирались отступать и считали, что моя отставка означает конец борьбы за наш оперативный план.

Я думаю, именно Тресков побудил своего друга Шмундта, шеф-адъютанта Гитлера, найти для меня возможность лично доложить Гитлеру о наших соображениях по поводу организации наступления на западе.

Так или иначе, 17 февраля я был вызван в Берлин для представления Гитлеру вместе с другими вновь назначенными командирами корпусов. После беседы был дан обед, во время которого, как обычно, главным образом, говорил Гитлер. Он выказал удивительную осведомленность в области технических нововведений как у нас, так и в государствах противников, а донесение о нападении британского эсминца на транспортное судно «Альтмарк» в норвежских территориальных водах вдохновило его на пространную речь о неспособности малых государств соблюдать нейтралитет.

Когда после обеда мы прощались с Гитлером, он пригласил меня к себе в кабинет, где предложил вкратце изложить свои соображения по поводу проведения операции на западе. Мне не ясно до конца, успел ли Шмундт доложить ему о нашем плане, и если так, то в каких подробностях. Во всяком случае, он удивительно быстро схватывал те взгляды, которые наша группа армий отстаивала в течение вот уже многих прошедших месяцев, и полностью согласился с моими доводами.

Сразу же после этого разговора я составил следующую записку для сведения штаба группы армий «А»:

«Во время представления фюреру в качестве командующего 38-м корпусом 17 февраля 1940 года бывший начальник штаба группы армий «А» имел возможность представить точку зрения группы армий на проведение операции на западе. Суть его заявлений заключается в следующем:

1. Целью наступления должен быть решительный успех на суше. В политическом и военном отношении риск слишком высок для частных целей, определенных существующей оперативной директивой, то есть разгром по возможности наибольших соединений противника в Бельгии и захват части побережья Ла-Манша. Целью должна быть окончательная победа на суше.

Следовательно, действия должны быть нацелены на то, чтобы одержать решительную победу во Франции и сломить сопротивление французской армии.

2. Для этого, вопреки положениям оперативной директивы, необходимо, чтобы с самого начала главный удар безусловно наносился южным флангом, то есть силами группы армий «А», а не группы армий «Б», кроме того, вопрос о нем не может оставаться открытым. По существующему плану в лучшем случае можно лишь нанести фронтальный удар по англо-французским силам во время их продвижения в Бельгии и отбросить их к Сомме, после чего операция может остановиться.

Если перенести направление главного удара на действующую на юге группу армий «А», перед которой стоит задача наступления через Южную Бельгию и Маас в направлении нижней Соммы, то значительные силы противника, находящиеся в Северной Бельгии, должны быть, после того как их отбросит фронтальный удар группы армий «Б», отрезаны и уничтожены. Осуществить это возможно только в том случае, если группа армий «А» быстро продвинется к нижней Сомме. В этом заключается первый этап кампании. Второй состоит в охвате французской армии крупными силами с правого фланга.

3. Для выполнения этой задачи группе армий «А» требуется три армии. Поэтому необходимо ввести в ее северный фланг дополнительную армию.

2-я армия, находящаяся на крайнем северном фланге группы армий, имеет задачу форсировать Маас в направлении нижней Соммы и отрезать силы противника, отступающего перед группой армий «Б». Южнее ее еще одна армия (12-я) должна переправиться через Маас по обе стороны от Седана, а затем повернуть на юго-запад и контрударом отразить возможную попытку французских войск развернуться для контрнаступления западнее Мааса.

На третью армию (16-ю) первоначально возлагается задача по прикрытию южного фланга операции между Маасом и Мозелем.

Необходимо, чтобы авиация как можно раньше разбила разворачивающиеся французские войска, так как французы могут попытаться осуществить крупномасштабное контрнаступление западнее или по обе стороны Мааса, возможно, до Мозеля.

4. Форсирование Мааса у Седана изолированным 19-м танковым корпусом является полумерой. Если в Южной Бельгии противник выведет нам навстречу крупные моторизованные соединения, то сил корпуса будет недостаточно, чтобы быстро разбить их и форсировать рубеж Мааса. И напротив, если враг ограничится удержанием Мааса значительными силами, которыми располагает там в настоящий момент, корпус не сможет форсировать реку один.

В случае, если моторизованные войска возглавят наступление, то для этого не менее двух корпусов должны одновременно переправиться через Маас в районе Шарлевиля и Седана, независимо от продвижения танковых соединений в направлении на Маас у Живе силами 4-й армии. Таким образом, 14-й корпус должен с самого начала действовать совместно с корпусом Гудериана; ставить вопрос о его применении совместно с группой армий «А» или группой армий «Б» в зависимости от развития событий недопустимо».

Фюрер выразил согласие с изложенными мыслями. Вскоре после этого была издана новая и окончательная оперативная директива.

К сожалению, с тех пор я не имел доступа к этому варианту директивы. Могу сказать только, что Гитлер отдал приказ о ее составлении 20 февраля.

По сути, она отвечала требованиям, принятие которых я так долго отстаивал, и предусматривала следующее:

1. Два танковых корпуса (19-й под командованием генерала Гудериана и 14-й под командованием генерала фон Витерсхейма) возглавят продвижение через Маас между Шарлевилем и Седаном. Оба корпуса вошли в состав недавно созданной «танковой группы» во главе с генералом фон Клейстом.

2. Окончательное назначение штаба 2-й армии (ранее в составе группы армий «Б») в группу армий «А» и передача необходимых сил. Это давало возможность немедленно ввести армию в прорыв, как только позволит полоса наступления группы армий после разворота 16-й армии на юг.

3. Подчинение 4-й армии (ранее в составе группы армий «Б») группе армий «А» для обеспечения ей возможности маневра в направлении нижней Соммы. (Группа армий «А» последовательно настаивала на том, чтобы ей передали по крайней мере расположенные на южном фланге корпуса этой армии для расширения полосы наступления. Грейнер оши-

бочно относит время этого изменения в боевом составе еще к ноябрю. Оно было произведено только в рамках новой оперативной директивы.)

Новые распоряжения ОКХ свидетельствовали о его полном согласии с точкой зрения штаба группы армий. Направление главного удара операции в целом было перенесено на южный фланг по всей ширине района, расположенного севернее линии Мажино, а также с учетом существующей там сети дорог. В то же время группа армий «Б» с ее тремя армиями оставалась достаточно сильной для успешного, как нам известно сейчас, выполнения своей задачи в Северной Бельгии и Голландии.

Группа армий «А», с другой стороны, теперь получила возможность заставить врага врасплох внезапным ударом через Арденны и Маас в направлении нижней Соммы. Так она могла отрезать действующим в Бельгии вражеским силам путь отхода за реку. Кроме того, она могла нанести эффективный контрудар по крупным силам противника в случае, если бы они перешли в контрнаступление против южного фланга немецких войск.

Что касается осуществления немецкой наступательной операции в мае 1940 года, я хотел бы сказать следующее.

Наступление группы армий «Б» благодаря превосходству немецких войск и особенно бронетанковых частей имело более убедительный успех, чем можно было ожидать ввиду наличия мощных бельгийских укреплений и необходимости атаковать фронтально.

Тем не менее по-настоящему решающее значение для полного разгрома союзных сил в Северной Бельгии имел внезапный прорыв через Арденны и Маас к устью Соммы и, в конечном итоге, портов Ла-Манша. Не считая энергичного руководства войсками со стороны генерал-полковника фон Рундштедта, этим успехом, как мне кажется, мы главным образом обязаны неистовому рвению, с которым генерал Гудериан проводил в жизнь оперативные принципы группы армий.

Успех в Северной Бельгии оказался не таким полным, как мог быть. По данным, которые приводит Черчилль, противнику удалось вывезти из Дюнкерка 338 226 человек (из них 26 176 французов), хотя он и потерял все свое тяжелое вооружение и технику. Этой успешной эвакуацией противник обязан вмешательству Гитлера, который дважды останавливал продвижение наших бронетанковых частей: первый раз на подступах к побережью, второй — перед Дюнкерком.

Для обоснования последнего приказа, который фактически построил золотой мост через Ла-Манш для британской армии, приводятся три разные причины. Первая причина в том, что Гитлер хотел приберечь немецкие танки для второго этапа французской кампании, поскольку Кейтель, как говорят, сказал ему, что местность вокруг Дюнкерка труднопроходима для танков. Другая причина в том, что Геринг заверил Гитлера, что авиация вполне способна без посторонней помощи помешать британцам ускользнуть из Дюнкерка. Учитывая, как жаждал Геринг престижа и его склонность к хвастовству, подобное его высказывание представляется мне весьма вероятным. С военной точки зрения оба этих довода были ошибочны.

Третья причина состояла в том, что Гитлер — как якобы известно из его разговора с фон Рундштедтом — сознательно позволил британцам эвакуироваться, потому что, по его мнению, это могло способствовать достижению договоренности с Великобританией.

Как бы там ни было на самом деле, Дюнкерк — одна из самых больших ошибок Гитлера. Она помешала ему осуществить вторжение в Великобританию и впоследствии дала британцам возможность вести войну в Африке и Италии.

Хотя Гитлер и согласился с замыслом командования группы армий «А», позволившим отрезать неприятельские войска в Северной Бельгии ударом через Арденны к морю

и довести их до самых врат Дюнкерка, все же он не полностью принял другую мысль об одновременном создании предпосылок для перехода ко второй фазе. То есть немецкое командование удовлетворялось тем, что обеспечило защиту механизированных соединений группы армий «А», наступающих в направлении моря, от контрудара по обе стороны Мааса путем распределения следующих за ними дивизий вдоль подвергавшегося опасности южного фланга. Очевидно, идею о том, чтобы отразить контрнаступление, в случае если оно будет предпринято крупными силами противника, незамедлительным ударом на юг западнее Мааса и затем окончательно разорвать фронт противника между Маасом и Уазой, сочли слишком рискованной.

Как выяснилось позднее, во время кампании в России, Гитлер обладал определенным инстинктом при решении оперативных вопросов, но ему не хватало тщательной подготовки военачальника, которая позволяет идти на большой риск в ходе операции, ибо он знает, что риск оправдан. Так и в данном случае Гитлер сделал выбор в пользу безопасных действий по прикрытию, а не смелого решения, предложенного группой армий «А». Ему повезло, поскольку командование противника не рискнуло перейти в крупномасштабное контрнаступление, хотя фактически оно могло сосредоточить около пятидесяти дивизий по обе стороны Мааса – а возможно, до самого Мозеля, – даже если бы для этого пришлось временно оставить территорию Голландии и Бельгии, за исключением укрепленных районов.

Итак, после завершения первой фазы немецкого наступления оба противника снова оказались лицом друг к другу на сплошном фронте вдоль линии Мажино до Кариньяна и далее вдоль Эны и нижней Соммы. Ближайшей задачей немецких войск было снова прорвать этот фронт. То, что вторая фаза немецкого наступления в такой короткий срок привела к полной капитуляции врага, главным образом объясняется тем, что он не смог, после своих потерь в Северной Бельгии, заполнить весь свой фронт от швейцарской границы до моря. Другая причина состояла в том, что боевой дух французской армии уже находился в упадке – не говоря уже о том, что противник не обладал танковыми войсками, сравнимыми по боевым качествам с немецкими соединениями. Если бы главнокомандующий союзными войсками действовал так, как ожидал от него штаб группы армий «А», он принял бы решение о крупномасштабном наступлении по обе стороны Мааса. Однако, согласно плану группы армий «А», наступление было бы разбито еще на подходе. Если бы при одновременном окружении противника в Северной Бельгии группа армий «Б» нанесла удар через нижнюю Сомму с целью окружения остатков французских сил по образцу плана Шлифена, мы закончили бы сражение за линией Мажино с перевернутыми фронтами.

Ввиду того, что, не считая британской эвакуации из Дюнкерка, мы одержали блестящую победу на Французском театре военных действий, вышеизложенные соображения могут показаться излишними. Возможно, они нужны хотя бы для того, чтобы показать, что и при более энергичных и целесообразных действиях врага «новый» план все же привел бы кампанию к победному концу – даже с учетом возможных критических моментов между Маасом и Мозелем на первом этапе операции.

6. Командующий 38-м армейским корпусом

Сторонний наблюдатель

Роль, которую мне предстояло сыграть в осуществлении наступления на западе, была настолько незначительна, что в этих воспоминаниях можно было бы о ней и не упоминать.

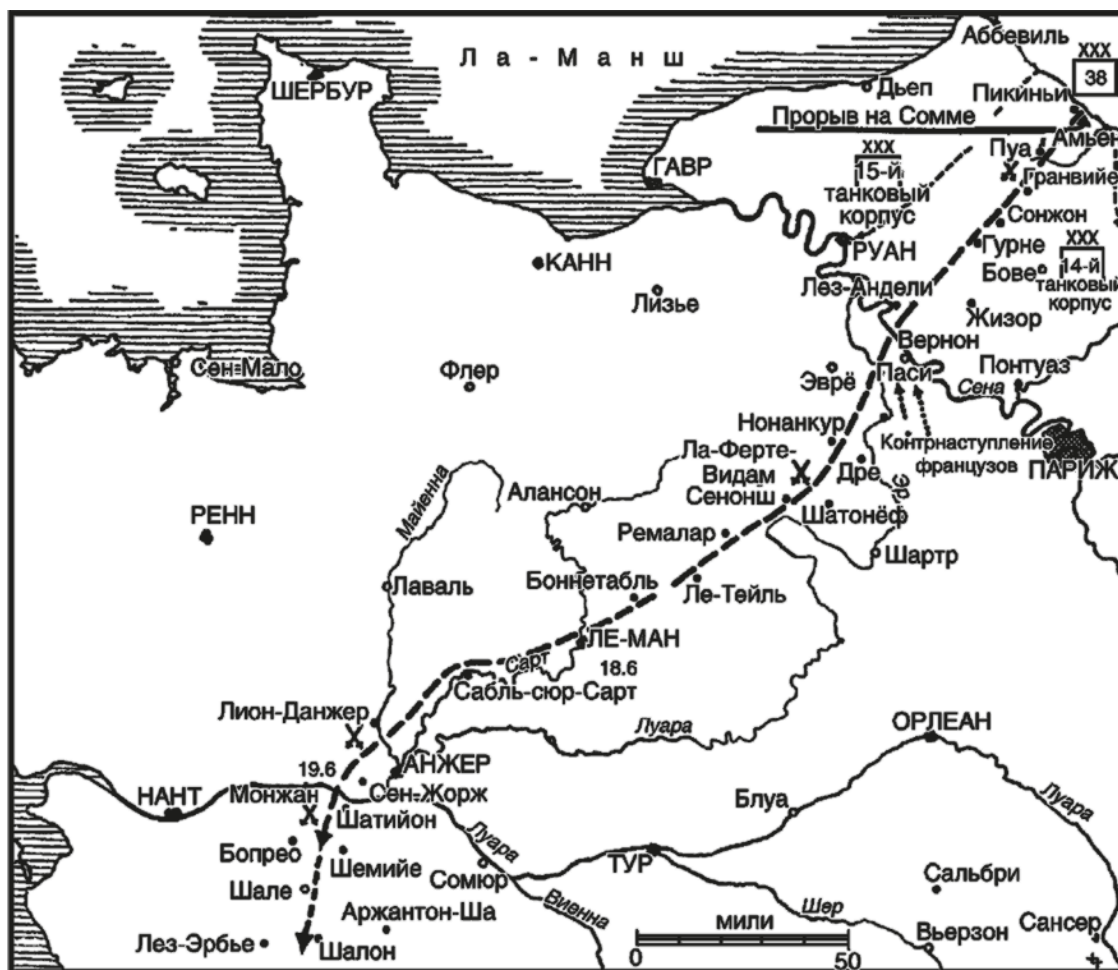
Я делаю это, прежде всего затем, чтобы отдать долг благодарности отваге и выдающимся подвигам войск, служивших под моим началом. Другая причина в том, что действия 38-го корпуса после успешного прорыва немецких сил на Сомме послужат иллюстрацией преследования, которое продолжалось через Сену до самой Луары и не давало противнику ни минуты передышки вплоть до его окончательного разгрома.

В те месяцы, когда другие разрабатывали планы, за которые я боролся, передо мной стояла скромная задача наблюдать за тем, как формируется штаб моего корпуса и вспомогательный полк связи в Штеттине. Время от времени я получал указание проинспектировать процесс формирования новых дивизий в Померании и Познани.

10 мая 1940 года в Лигнице, куда я ненадолго приехал, по радио узнал о начале немецкого наступления. Излишне говорить, что в несколько следующих дней все мои пожелания и пламенные надежды были с нашими войсками, наступавшими через Арденны. Сумеют ли они пройти через Люксембург и прорвать бельгийскую оборону по обе стороны от Бастони, прежде чем туда подойдут крупные французские силы? Удастся ли сохранить наступательный порыв танков в ходе переправы через Маас у Седана и создания основы для окружения северного фланга противника?

Читателю нетрудно понять, что я не чувствовал особой признательности к инстанции, отправившей меня в глубокий тыл в то самое время, когда на западе начал осуществляться план, за который я так долго и упорно боролся.

Вечером 10 мая поступил приказ штабу 38-го корпуса выдвигаться в Брауншвейг. Оттуда следующий перевод привел нас в Дюссельдорф, где мы поступили в распоряжение группы армий «Б». Следующие несколько дней мне нечем было заняться, кроме как слоняться по округе, осматривая мощные бельгийские позиции, взятые первым же штурмом на Маасе у Маастрихта и Альберт-канала, а также отвечающий всем современным требованиям форт Эбен-Эмаэль, захваченный внезапным ударом и по-прежнему обстреливавшийся дальноточными бельгийскими батареями. Кроме того, я бывал в штабах группы армий «Б» и 6-й армии, чтобы узнать о ходе операции. Насколько я понял, они еще не составили ясного представления о намерениях врага. Этого представления, видимо, не было и у ОКХ, поскольку оно продолжало хранить молчание по поводу своих замыслов и ограничилось тем, что удлинило границу между двумя группами армий на северо-запад.

Продвижение 38-го корпуса от Соммы до Луары

16 мая штаб нашего корпуса вошел в состав группы армий «А», а на следующий день я прибыл в Бастонь для доклада своему бывшему командиру генерал-полковнику фон Рундштедту. Он, так же как и мой преемник, генерал фон Зоденштерн, и остальной персонал штаба, радушно встретил меня, и там я наконец-то узнал, как прошло наступление через Арденны и Маас. Наш корпус должен был перейти под начало 12-й армии, которая продолжит наступать на запад в направлении нижней Соммы, в то время как новая 2-я армия будет введена между 12-й и 16-й армиями фронтом на юго-запад.

Сразу же по прибытии в штаб 12-й армии я на собственном опыте испытал вмешательство Гитлера в руководство военными операциями. Действуя по указанию Гитлера, ОКХ отдало приказ о том, что танковая группа Клейста не должна продвигаться дальше Уазы, 12-я армия должна развернуться на юго-запад и перейти в оборону. 2-й армии предписывалось войти между 4-й и 12-й армиями и продолжать дальнейшее наступление на запад. Приказ объяснялся тем, что фюрер стремился любой ценой избежать пусть даже временной неудачи, которая могла бы поддержать уже упавший дух французского народа. Он опасался этой неудачи в том случае, если 12-я армия продолжит запланированное наступление на запад в направлении нижней Соммы и западнее Мааса с юга во фланг ей ударит французское контрнаступление.

Иными словами, пропагандистские интересы политического деятеля уже начинали вмешиваться в дела Верховного главнокомандующего. С одной стороны, было ясно, что, останавливая танковую группу Клейста на Уазе, мы рисковали упустить шанс разгромить силы противника в Северной Бельгии, которым танковая группа должна была выйти в тыл.

В то же время приказ 12-й армии перейти в оборону фронтом на юго-запад означал отказ от инициативы в районе между Маасом и Уазой. Фактически же не было оснований ожидать крупномасштабного контрнаступления французов на этом участке. Как представлялось группе армий «А», противнику требовалось еще не меньше недели, чтобы сосредоточить необходимые для контрнаступления силы, – и это притом что у него вообще были такие намерения. А между тем именно та мысль, что наше наступление должно прикрывать южный фланг войск, прорывающихся к нижней Сомме, являлась одним из ключевых пунктов, с которыми наша группа армий неоднократно обращалась к ОКХ зимой.

Теперь стало очевидно, что Гитлер, не обладая достаточной смелостью взять на себя временный риск на южном фланге немецкого наступления, уже претендует на право самостоятельно руководить операциями сухопутных сил, вмешиваясь даже в частности.

Однако, если в тот момент он мотивировал вмешательство призраком даже временной неудачи, быть может, это объясняется тем, что ОКХ – вопреки прежним рекомендациям группы армий – не ввело 2-ю армию в прорыв, как только первые немецкие части форсировали Маас. Она могла войти либо между 4-й и 12-й армиями, чтобы продолжить наступление на нижнюю Сомму, либо между 12-й и 16-й армиями для наступления на юго-запад между Маасом и Уазой. Причиной этого упущения не могла быть недостаточная ширина фронта для введения новых дивизий, так как прежде всего было необходимо вовремя назначить армейский штаб для противоположных по направлению ударов. Тогда, после расширения района операций, своевременно появилось бы место для введения новых дивизий.

Этот пример еще раз служит иллюстрацией того, что никакой оперативный план не может быть полностью реализован так, как его представляют себе авторы, даже если для отступления от плана нет убедительных оснований.

Хотя на этот раз вмешательство Гитлера не нанесло серьезного ущерба операции (как произошло впоследствии, когда танковая группа Клейста была остановлена перед Дюнкерком), оборонительная задача, поставленная им перед 12-й армией, еще позволила врагу создать на реке Эне новый фронт, который пришлось снова взламывать ценой тяжелых боев на второй фазе Французской кампании. Возможность окончательно разорвать французскую оборону на этом решающем участке фронта путем дальнейшего наступления была напрасно потеряна. А ведь именно это – наряду с окружением северного фланга противника – было одним из краеугольных камней наших оперативных предложений ОКХ с учетом неизбежного перехода ко второй фазе немецкого наступления.

Тем временем наш штаб был переведен в Клерф, живописный городок в Люксембурге. После этого мы перестали быть наблюдателями и получили задачу руководить несколькими дивизиями, следовавшими в арьергарде 2-й армии. Малоинтересная задача, особенно в тот момент, когда наметился решительный разгром северного фланга неприятеля.

Примерно тогда же я получил известие о том, что мой шурин Эгберт фон Лёш, командир эскадрильи пикирующих бомбардировщиков, пропал без вести под Брюсселем. Эгберт, один из младших братьев моей жены, несколько лет прожил с нами в Дрездене и Магдебурге, когда еще ходил в школу. Моя жена всегда любила его больше других братьев, он стал дорог нам, как сын, а теперь его молодая жена жила с нами в Лигнице. Последовали долгие недели, когда она, ее мать и моя жена мучились тревогой и неизвестностью, так как о судьбе экипажа и самолета Эгберта не было никаких известий. Какая-то доля уверенности была только в том, что он был сбит, когда эскадрилья Эгберта повела атаку. Только после окончания Французской кампании я смог как следует разобраться в этом деле, и после долгих поисков обломки самолета обнаружили в окрестностях Брюсселя. Опрос жителей ближайшей деревушки показал, что самолет был подбит прямым попаданием зенитной артиллерии при входе в пике. Двум членам экипажа удалось выпрыгнуть с парашютом, но обоих застрелили

бельгийские солдаты, одного еще в воздухе, другого после приземления. Мой шурин и еще один член экипажа разбились вместе с самолетом.

25 мая мой штаб получил приказ сменить штаб 14-го танкового корпуса, который генерал фон Клейст оставил вместе с 9-й танковой и 2-й моторизованной дивизиями для защиты своего тыла на нижней Сомме, на участке Аббевиль – Амьен. Мы заступили 27 мая.

На тот момент на нижней Сомме еще не было устойчивого фронта. 2-я моторизованная дивизия 14-го танкового корпуса (которую должна была сменить 57-я пехотная дивизия) удерживала плацдарм в районе Аббевиля на левом – или южном – берегу реки. 9-я танковая дивизия выполняла ту же задачу в Амьене. В районе между городами находились только патрули.

До тех пор и врагу не удавалось стянуть достаточно сил для формирования нового фронта вдоль нижней Соммы. По всей видимости, напротив нашего Амьенского плацдарма стояла французская колониальная дивизия и сколько британских частей, а напротив Аббевильского плацдарма – британская дивизия.

Наша задача заключалась в том, чтобы удержать оба плацдарма. Первоначально 9-я танковая дивизия и 2-я моторизованная дивизия, которая должна была быть смещена в Аббевиле, оставались севернее Соммы в качестве подвижного резерва. Однако вскоре после этого их вполне разумно подтянули к побережью Ла-Манша для участия в боях.

Генерал фон Витерсхейм, командующий 14-м танковым корпусом, сказал мне при передаче приказа, что не ожидает со стороны врага никаких крупных операций. Через час после его отъезда поступило донесение о яростных атаках противника на обоих плацдармах и появлении на обоих участках вражеских танков. Однако во второй половине дня обе атаки были отбиты, после того как под Амьеном наши войска подбили несколько тяжелых французских танков, а под Аббевилем – тридцать легких и средних британских танков. Девять из последних подбил артиллерист по фамилии Брингфорт. Он был первым рядовым, которого я представил к Рыцарскому кресту.

Тем не менее я считал эти атаки явным доказательством того, что враг либо надеялся отправить поддержку своему упорно теснимому северному флангу, либо собирался создать новый фронт на нижней Сомме. Это ставило перед нами тот же вопрос, о котором я говорил выше в связи с приказом Гитлера по 12-й армии. Следует ли нам по-прежнему оставаться на нижней Сомме в обороне или попытаться удержать инициативу?

Оборонительная тактика, которой, по-видимому, было приказано придерживаться 14-му танковому корпусу, неизбежно позволила бы противнику создать новую сильную линию обороны вдоль нижнего течения Соммы. Более того, проблематичной была сама возможность удержать Амьенский и Аббевильский плацдармы после того, как противник стянет туда свежие силы. Две механизированные дивизии, предварительно оставленные в резерве севернее Соммы, совершенно не годились для боя на плацдармах, поскольку их нельзя было ни ввести туда для укрепления обороны плацдармов, ни использовать для контрудара до того, как противник сровняет плацдармы с землей, уничтожит находящиеся внутри дивизии и перейдет через Сомму.

Тогда же я пришел к выводу – и несколько раз представлял его генералу фон Клюге, командующему 4-й армией, в состав которой мы тогда входили, – что мы должны обеими механизированными дивизиями (либо двумя сменившими их пехотными дивизиями) внезапно форсировать реку между двумя плацдармами и нанести удары с флангов по наступающим на плацдармы силам противника. Я имел в виду маневренный бой южнее реки – то есть перед ней – до тех пор, пока не закончится сражение в Северной Бельгии и северный фланг немецких войск не сможет развернуться и перейти через Сомму. Мы должны поставить себе целью удержать открытый участок и не дать врагу сформировать непрерывный фронт. Конечно, нельзя было отрицать, что при такой тактике, пока корпус ведет отдельный

бой южнее реки, он может оказаться в затруднительном положении. Приходилось идти на этот риск, чтобы в интересах стратегической непрерывности операции избежать нелегких боев на Сомме, где у врага будет время стабилизировать и укрепить фронт.

Но, к сожалению, командующий 4-й армией не обратил внимания на наши неоднократные представления и не дал дивизий второго эшелона, предназначенных для форсирования реки. Было ли это продиктовано его личным мнением или распоряжением ОКХ, мне неизвестно. В итоге нам не осталось иного выбора, кроме как продолжать оборонительные бои на плацдармах, пока противник имел возможность создавать сплошную линию фронта между плацдармами вдоль Соммы. Фактически обычно считается, что можно вести оборонительный бой за рекой или удерживать ее с помощью стационарных плацдармов. Однако ни в одном учебнике не сыщешь сведений о том, что бой за речной рубеж можно вести подвижно и перед рекой.

В течение нескольких следующих дней противник продолжал атаковать оба плацдарма, и время от времени в районе Амьена создавалось тревожное положение. Однако, осмотрев тамошние части, я убедился, что все в порядке. Особенно проявил себя, обороняя плацдарм, 116-й пехотный полк, которым тогда командовал мой старый товарищ по 3-му гвардейскому пехотному полку, будущий генерал Херрляйн.

Под Аббевилем, с другой стороны, 29 мая дело приняло серьезный оборот. Там 2-ю моторизованную дивизию сменила 57-я дивизия, проделавшая ряд напряженных маршей и пока не имевшая боевого опыта. Вскоре после ее прибытия атака противника при поддержке сильных танковых частей британцев прорвала немецкий фронт на нескольких участках и привела к тяжелым потерям не только убитыми и ранеными, но и, как оказалось позднее, взятыми в плен. Я сам прибыл в Аббевиль вовремя, чтобы встретить немецкий батальон, который, видимо, вследствие неправильно понятого приказа оставил свои позиции и уже маршировал через город. Я повернул его назад, и вскоре дивизии удалось овладеть положением.

Так как генерал фон Клюге официально предоставил нам право выйти из боя на обоих плацдармах, если возникнет необходимость, он категорически отклонил нашу новую просьбу о разрешении форсировать Сомму по обе стороны Аббевиля и взять атакующего там противника в клещи. Было ясно, что командование не желает идти ни на малейший риск, пока не будет окончено сражение в Северной Бельгии и не будет возможности выполнить «планомерное» развертывание против нового, создаваемого врагом фронта.

Излишне говорить, что противник воспользовался бы этой передышкой, чтобы подтянуть резервы и создать новый фронт от конечного пункта линии Мажино в районе Кариньяна до устья Соммы. Между Уазой и Маасом Гитлер добровольно отдал инициативу врагу, тем самым дав противнику возможность сформировать фронт на Эне. Таким образом, любые попытки сохранить инициативу южнее Соммы были отвергнуты.

Марш на Луару

Если в первую фазу Западной кампании я по большей части был обречен на роль наблюдателя, по крайней мере, вторая фаза дала мне опыт участия в действиях в качестве командира соединения.

Все наши попытки убедить командование разрешить нам форсировать Сомму до того, как враг организует за ней сплошную оборону, оказались тщетными. Первые дни июня были посвящены подготовке запланированного наступления, которое должна была начать 4-я армия утром 5 июня.

Участок по обе стороны Аббевиля занимал 2-й корпус (под командованием генерала графа Брокдорфа). Между ним и 38-м корпусом в Аيي стоял 15-й танковый корпус гене-

рала Хота. Амьенский плацдарм вместе с 9-й танковой дивизией занял 14-й танковый корпус (под командованием генерала фон Витерсхейма), который одновременно перешел в подчинение соседней армии. Таким образом, для 38-го корпуса осталась полоса наступления шириной менее 50 километров по обе стороны от Пикиньи. Для первой атаки назначались две дивизии – 46-я Судетская пехотная дивизия (под командованием генерал-майора фон Хазе) справа и 27-я Швабская дивизия (под командованием генерал-лейтенанта Бергмана) слева. 6-я Вестфальская дивизия (под командованием генерал-майора фон Бигелебена)¹⁰ сначала оставалась в резерве с тем, чтобы участвовать только в завершении прорыва после того, как дивизии первого эшелона форсируют реку.

В то время как возвышенная местность на нашей стороне была холмистой, плавно понижалась к Сомме и за отсутствием лесов не давала эффективного укрытия войскам, южные берега круто поднимались вверх и предоставляли противнику широкий обзор наших позиций. Однако сама долина реки шириной всего в несколько сот метров скрывала две противостоящие передовые линии друг от друга за густыми зарослями у воды. На южной стороне – в долине – располагалось несколько деревень, в частности Брейи, Аيي и Пикиньи, где, по-видимому, в большом количестве находился противник. Как в большинстве французских деревень, там были массивные дома и стены, представлявшие собой превосходные опорные пункты для обороняющегося. На возвышенности за крутым южным берегом, в глубине вражеской полосы обороны, несколько деревень и обширные леса создавали для врага удобные узлы сопротивления и прикрытие для артиллерии.

Наш корпус стоял напротив двух французских дивизий – колониальной дивизии и 13-й (Эльзасской) дивизии. По данным разведки, вражеская артиллерия численно не уступала нашей, а может быть, и превосходила ее. Ввиду характера местности и соотношения сил я считал, что для достижения успеха лучше всего воспользоваться элементом неожиданности. В связи с этим наша артиллерия получила приказ не открывать огонь до начала атаки. Только тогда сильный огонь должен был обрушиться на южный берег и находящиеся в долине деревни, чтобы устранить всякое сопротивление при переправе через реку.

Пехота наших обеих дивизий, снабженная резиновыми лодками, понтонами и мостиками, была выдвинута к прибрежным зарослям в ночь перед атакой. Перед ними стояла задача внезапно форсировать реку на рассвете и обойти деревни.

Переправа на рассвете 5 июня удалась на всем фронте, захватив противника врасплох. Однако потом он усилил сопротивление на крутом берегу и в расположенных на реке деревнях.

Противник сражался отважно: африканцы с характерной кровожадностью и презрением к человеческой жизни, эльзасцы со стойкостью, неудивительной в этой германской народности, в Первую мировую подарившей Германии столько хороших солдат. Подлинная трагедия – встретиться с этими немецкими парнями как с врагами в бою. Когда я разговаривал с пленными, многие из них рассказывали мне – и не без гордости, – что их отцы служили в германской армии, гвардии или военном флоте. После их рассказов в моей памяти всплывали многие эльзасские новобранцы, которых я сам обучал в 3-м гвардейском полку и которые в большинстве своем были прекрасными солдатами, как, например, мой тогдашний дальномерщик, младший капрал Дешанг.

За началом атаки я наблюдал на командном пункте корпуса, расположенном в роще недалеко от линии фронта. Как только мы удостоверились, что переправа прошла успешно, я выехал вперед на своей машине. Началась борьба за овладение господствующими высотами и деревнями поблизости от реки. Нас удивила, в частности, относительная бездеятель-

¹⁰ Из трех этих бывалых дивизионных командиров генерал фон Хазе был казнен после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, генерал Бергман погиб на Востоке, а генерал фон Бигелебен умер во время войны. (Примеч. авт.)

ность вражеской артиллерии, совершенно несоразмерная количеству установленных нами батарей. Очевидно, над французскими артиллеристами еще слишком довлела идея линии Мажино. Их огонь был недостаточно маневренным, а скорость, с которой они сосредотачивали сильный огонь, значительно отставала от той, которая требуется в маневренной войне. Больше того, они не владели техникой наблюдения с передового наблюдательного пункта в той степени, в какой использовали ее мы, а их специалисты в этой области сильно уступали нашим дивизионам артиллерийской инструментальной разведки. Как часто случается, победитель 1918 года, видимо, слишком долго почивал на лаврах. Во всяком случае, для нас было приятным сюрпризом то, что действия вражеской артиллерии несравнимы с теми, что пришлось испытать нам в условиях позиционной войны в Первую мировую.

И тем не менее переход через долину Соммы оказался довольно рискованным, поскольку наведенный нами мост еще находился в пределах досягаемости вражеского огня из деревни Брейи. Несмотря на это, мне удалось благополучно добраться до 63-го пехотного полка 27-й дивизии, который под началом своего превосходного командира, полковника Грейнера, только что занял высоты на противоположном берегу – хотя и с тяжелыми потерями. Особенно поразило меня самообладание раненых, которым приходилось на мертвом пространстве ждать машин, неспособных подойти и увезти их с поля на этом этапе недавно начавшегося боя. Затем я вернулся на другой берег Соммы и по другой переправе добрался до 40-го пехотного полка той же дивизии, стоявшего на левом фланге корпуса. Он залег перед лесом Нейи, который большей частью располагался на участке действий соседнего 14-го танкового корпуса и все еще удерживался врагом. К несчастью, здесь мы тоже понесли значительные потери, так как полк обстреливался с тыла из деревни Айи, по-прежнему находившейся в руках противника. Однако и здесь мы овладели высотой, господствовавшей над долиной.

46-я пехотная дивизия, действовавшая справа, также успешно переправилась через реку и овладела высоким противоположным берегом. Таким образом, результаты первого дня можно было считать удовлетворительными, хотя бои за деревни около реки продолжались за полночь.

Что касается корпусов, действовавших с обеих сторон от нашего, то 15-й танковый корпус также форсировал реку, но в течение некоторого времени не мог продвинуться вперед, так как противник упорно сражался за крупный населенный пункт Аррен и тем самым блокировал необходимую для бронемашин дорогу.

14-й танковый корпус, слева от нашего, наступавший с Амьенского плацдарма после артподготовки, видимо, столкнулся с серьезным препятствием в виде минных полей противника. Поэтому он получил распоряжение повернуть на юг, и в итоге мы потеряли с ним связь на время нашего дальнейшего продвижения.

Наступление 5 июня позволило нам овладеть таким пространством южнее реки, что ночью мы смогли доставить за Сомму первые батареи. Однако по-прежнему оставалось неясным, признает ли враг свое поражение или продолжит упорно сопротивляться и дальше. В подобных ситуациях обычно совершенно отсутствуют донесения разведки, способные пролить свет на этот важнейший вопрос. Туман неопределенности, неизменно сопутствующий войне, окутал положение и намерения противника. В таких случаях излишняя поспешность может привести к серьезному поражению, а задержка в несколько часов может дать врагу возможность создать новый фронт, прорыв которого снова повлечет за собой тяжелые потери.

Военачальнику, который будет дожидаться, пока бесспорные данные разведки прояснят ситуацию, не стоит надеяться, что ему улыбнется военная удача. Поэтому ранним утром 6 июня я прибыл на командный пункт 46-й дивизии, выдвинутый на южный берег реки. Убедившись, что после напряженных событий предыдущего дня войска еще не успели оконча-

тельно проснуться, я указал на необходимость немедленно начать преследование, так как дивизия, по всей видимости, не входила в прямое соприкосновение с врагом. Затем я поехал на передовую линию, где стояли части 42-го полка, не имевшего приказа; хотя спереди доносился грохот сражения, я приказал им двигаться вперед. После этого я прибыл в правофланговый полк корпуса. Хотя фактически полк был готов выступить вперед, он ждал, к какому результату приведет артобстрел лежащей впереди деревни Куази, прилегающих высот и опушек леса. Данных разведки не было. Поскольку у меня сложилось впечатление, что ни деревня, ни высоты, ни лес не заняты противником, я приказал полковому командиру начинать наступление широким фронтом, но в рассредоточенных боевых порядках. Если впереди еще засел враг, он обнаружит себя и будет разгромлен артиллерией, находившейся в боевой готовности. Кроме того, при наступлении указанным мной порядком полку не угрожали тяжелые потери. Поскольку командир явно сомневался в правильности моей оценки положения, я отправился вперед в своем «Кюбельвагене»¹¹. На въезде в Куази дорогу нам преградила баррикада, но защитников не было. Из деревни слышались отдельные выстрелы, очевидно, стреляли отставшие солдаты. После короткой ближней разведки мы въехали в деревню и обнаружили, что противник действительно ее оставил, как и высоты и край близлежащего леса. С этими сведениями я вернулся в полк, готовый к выступлению, и предложил ему в будущем самому производить разведку. Хотя командующий корпусом не обязан выполнять работу разведывательного дозора, я посчитал, что в тех обстоятельствах нужно было показать решительный пример, тем более что войска еще не знали меня, и я был убежден, что эффективность преследования зависит от инициативы командиров. Я с радостью увидел, что мой адъютант лейтенант фон Швердтнер и молодой шофер фельдфебель Нагель в восторге от нашей неожиданной разведывательной поездки.

После полудня я посетил два полка 27-й дивизии, принимавшие участие в бое за деревню Сезмон. Без всякого умысла я оказался на переднем крае фронта и разговорился с одним ротным командиром. Проинформировав меня об обстановке, он, видимо, решил воспользоваться присутствием высокого начальства, и в итоге мне пришлось разложить свою большую карту и, лежа на животе, подробно доложить ему о сражении, насколько я сам его знал. Только после того, как я утолил его жажду знаний, я смог вернуться в корпус, взяв с собой одного раненого, который также страстно заинтересовался моим рассказом об обстановке. К счастью, обратно мы ехали недолго, так как тем временем мой тактический штаб уже переехал в лесок рядом с фронтом.

7 июня 6-я пехотная дивизия, уже форсировавшая реку накануне, вступила в бой на крайнем правом фланге корпуса. Стойкие вестфальцы – из которых всегда выходили хорошие солдаты – показали достойный восхищения пыл, и когда после полудня я посетил дивизию, то оказалось, что крутой склон на участке Пуа, который мог служить противнику хорошим укрытием, уже захвачен, городок Пуа в наших руках и полк наступает на деревню на противоположной стороне участка. Тем не менее Пуа и ведущая к нему дорога находились под весьма неприятным огнем дальнобойной артиллерии. Немного развлек нас один эпизод, когда шофер грузовика с боеприпасами, оказавшись под артиллерийским обстрелом, решил спрятаться под своим же грузовиком, хотя он вез снаряды!

Во второй половине дня мне пришлось побывать еще в одном полку 46-й дивизии, который залег перед участком Пуа. К вечеру ему тоже удалось перейти рубеж, установив необходимую связь с тяжелыми орудиями и артиллерией, которая, как я полагаю, сначала не была установлена.

¹¹ «Кюбельваген» – военный вариант «Фольксвагена», немецкий эквивалент джипа. (Примеч. авт.)

27-я дивизия, на долю которой выпала главная тяжесть боя, могла быть переведена во второй эшелон, так как преследование шло полным ходом. Ее место на левом фланге корпуса должна была занять только что назначенная 1-я кавалерийская дивизия.

8 июня преследование продолжилось, и вестфальцы опять задавали темп. 46-я дивизия доложила о концентрации ста неприятельских танков, и пикирующие бомбардировщики получили приказ вылететь против них. К сожалению, захватить танки с помощью пикирующих бомбардировщиков не удалось. Они скрылись, хотя более быстрые действия, вероятно, привели бы к желаемому результату.

В ходе боев 7 и 8 июня у штаба корпуса создалось впечатление, что наш сломленный противник не в состоянии оказывать сопротивление на открытой местности, кроме как на отдельных участках и в течение непродолжительного времени. Можно было предположить, что он попытается собрать оставшиеся силы и отвести их за нижнее течение Сены. Там, с помощью резервов, которыми он еще мог располагать, противник, вероятно, возобновил бы попытки отбиться. Поэтому корпус должен был сделать все возможное для того, чтобы быстро форсировать реку, прежде чем враг получит время или возможность организовать оборону. Тогда, хотя вечером 8 июня корпус находился еще примерно в 70 километрах от Сены, дивизии первого эшелона получили приказ не только достичь реки передовыми моторизованными частями, но и форсировать ее к следующему дню. Основная часть пехоты и артиллерии на конной тяге должна была следовать за ними в быстром темпе, чтобы 9 июля также дойти до Сены. 6-я дивизия была направлена к переправе у Лез-Андели, 46-я дивизия – у Вернона.

От войск, которые четыре дня подряд вели упорные бои с врагом, требовалась чрезвычайная выдержка, но на войне бывают минуты, когда старший командир должен ставить самые суровые требования, если не хочет упустить благоприятный случай, за который позднее его солдатам придется заплатить еще дороже.

Помимо прочего, в данном случае весь ход операции говорил в пользу быстрых действий. Казалось, что французы до сих пор были решительно настроены защищать Париж. Значительные силы неприятеля сосредоточились в системе обороны столицы, протянувшейся от Уазы до Марны севернее города. Если бы удалось форсировать Сену ниже Парижа, то упомянутые оборонные укрепления можно было бы взломать, и находящимся там войскам не осталось бы иного выбора, кроме как поспешно оставить город, чтобы не быть отрезанными.

Таким образом, положение корпуса диктовало высокие требования к войскам. Оно требовало от командиров всех уровней необычайной инициативы и скорости. За такую благоприятную возможность надо было хвататься обеими руками.

С раннего утра до позднего вечера 9 июня я разъезжал между дивизиями первого эшелона, обеспечивая выполнение поставленных перед ними задач. Я с удовольствием отмечал, что, несмотря на перенесенные тяготы, наши пехотинцы были готовы отдать и с радостью отдавали все свои силы ради достижения цели – Сены.

Естественно, встречались обычные помехи, хотя в 6-й дивизии все шло гладко. Рано утром я встретился с двумя дивизионными командирами, а затем посетил 46-ю дивизию. Когда позднее, около полудня, я прибыл на место переправы 6-й дивизии у Лез-Андели, я обнаружил, что батальон разведки к тому времени достиг реки и дивизионный штаб уже готовится к переправе, назначенной на вторую половину дня. К сожалению, мост был взорван еще до прибытия разведчиков. Живописный городок Лез-Андели, взгромоздившийся на утесе, пылал после налета бомбардировщиков, что было совершенно нежелательно, так как сообщало о нашем прибытии.

Однако 46-я дивизия столкнулась с несколькими трудностями. Во-первых, она выступила на три часа позже, чем планировалось. К тому времени, как я вернулся туда после

посещения 6-й дивизии, она потеряла всякую связь со своим батальоном разведки, который находился где угодно, только не на Сене. Мне не осталось ничего иного, как только предложить командиру 46-й дивизии встретиться со мной вечером у Вернона, на переправе.

Между тем я вернулся в Лез-Андели, где переправа 6-й дивизии шла в трех точках полным ходом перед лицом весьма слабого сопротивления. Пехота и артиллерия на конной тяге напрягали все силы, чтобы вовремя достичь Сены.

По возвращении в Вернон около 7 часов вечера я обнаружил, что дивизионный командир действительно прибыл туда с батальоном разведки. К сожалению, и здесь враг успел разрушить мост. Так как Вернон находился под сильным пулеметным огнем с южного берега реки, я приказал разведывательным частям переправляться ночью под прикрытием темноты.

Во время этой бешеной погони я не мог использовать 1-ю кавалерийскую дивизию, прибывшую тем временем на участок корпуса, как мне бы того хотелось. Она все еще была далеко позади, и армия передала ее в мое распоряжение с недвусмысленным условием, что я отправлю ее на Уазу для прикрытия левого фланга от возможной угрозы со стороны Парижа. Кстати сказать, из дивизии мне доложили, что еще дальше от моих передовых дивизий ее атаквали сильные бронетанковые части противника. Очевидно, что это были танки, ранее ускользнувшие от 46-й дивизии и теперь разорявшие наш растянутый фланг.

Когда после короткого сна ночью 10 июня я рано утром вернулся в Вернон, 46-я дивизия уже успела перебросить свои первые части через реку. Таким образом, 38-й корпус первым твердо занял позиции на южном берегу. Войска могли по праву гордиться осуществленным преследованием, а я, со своей стороны, был счастлив сознавать, что благодаря быстрым действиям корпусу удалось избежать тяжелых боев за переправу через Сену.

И все же положение 38-го корпуса было незавидным. Он один стоял на южном берегу реки. 15-й корпус на правом берегу достиг Сены только 10 июня и затем был направлен в Гавр. Следовавший за ним 2-й корпус пока еще находился довольно далеко. На левом берегу, как большой вопросительный знак, возвышался Париж, где скрывалось неизвестное количество войск противника. Кроме того, 38-му корпусу были нужны еще два дня, чтобы переправить все свои силы через реку. Два легких понтонных моста в Лез-Андели и Верноне постоянно подвергались налетам британской авиации, которой удалось-таки временно вывести из строя мост в Верноне. Если бы вражеское командование еще имело резервы на своем фланге и смогло проявить инициативу, то его целью неизбежно стал бы 38-й корпус, изолированно стоявший южнее реки.

Командир 4-й армии, генерал-полковник фон Клюге, в начале наступления сообщил мне, что оперативная задача, поставленная перед ним ОКХ, состояла в том, чтобы «захватить плацдармы южнее Сены». Хотя Верховное командование планировало искать решения второй фазы Французской кампании не путем разворота сильного северного фланга западнее Парижа по примеру плана Шлифена, как предусматривал я, а ударом массированных танковых частей на юг восточнее Парижа – и весьма успешно, как показало время, – все же задача, поставленная перед 4-й армией, казалась несоразмерной. Ибо, даже если предполагалось добиваться решения за счет нанесения удара восточнее Парижа, причем прорывы группы армий «Ц» за линию Мажино и наступление группы армий «Б» через нижнюю Сомму, вероятно, являлись не более чем вспомогательными мерами, нам необходимо было сохранить инициативу. Группа армий «А» начала свое наступление через Энну только 9 июня, но и тогда еще оставался вопрос, принесет ли оно ожидаемый успех. В то же время нужно было предполагать, что противник – тоже помня о плане Шлифена – не упустит из виду опасность широкого охвата через нижнюю Сену и своевременно примет контрмеры. Тем больше у нас было причин удерживать инициативу на правом фланге немецких армий и не давать противнику времени развернуться здесь для обороны или для контратаки. Если, следовательно, стратегическая роль 4-й армии – как я себе ее представлял – требует энер-

гичного продолжения наступления южнее реки, по моему мнению, 38-й корпус не должен был, засев на плацдарме, ждать, пока враг не сосредоточит против нас превосходящие силы.

Итак, я запросил у армии разрешения нанести удар в южном направлении, как только артиллерия моего корпуса форсирует реку, вместо того чтобы удерживать плацдарм, который мы тем временем расширили до Эра. В качестве предосторожности 27-я пехотная дивизия также была переброшена на южный берег Сены. Кроме того, 11 июня я запросил согласия на то, чтобы перебросить на южный берег Сены 1-ю кавалерийскую дивизию с ее позиций на Уазе, где она в этот же день одержала убедительную победу над упоминавшимися выше танковыми соединениями врага. В данных обстоятельствах мне казалось совершенно естественным, чтобы единственная кавалерийская дивизия, находившаяся в нашем распоряжении, возглавила преследование. По моему плану она должна была как можно быстрее отрезать железнодорожные пути и дороги на Париж.

К сожалению, мои предложения были отвергнуты на том основании, что армия сначала должна дожидаться приказов о дальнейших действиях. 1-я кавалерийская дивизия затем была отобрана у меня и передана в подчинение 1-му корпусу второго эшелона наступления, получив указание по-прежнему прикрывать фланг на Уазе и постоянно находиться севернее Сены. И так, к моему большому сожалению, эта замечательная дивизия лишилась той роли, которая соответствовала ее особым качествам.

Вечером 11 июня произошли два инцидента, которые, по моему мнению, оправдывали делавшиеся нами запросы. 59-й пехотный полк 6-й дивизии сбил вражеского летчика, у которого нашли приказ об отступлении противника широким фронтом. Во-вторых, 46-я дивизия доложила, что подвергается яростной атаке танков противника – признак того, что наше присутствие южнее реки было для него весьма неприятным. Дальнейшее бездействие с нашей стороны могло только улучшить его положение.

46-я дивизия отбила атаку вечером того же дня, хотя и ценой значительных потерь. Рано утром следующего дня она донесла, что противник снова готовится к атаке (называлось количество танков – 110), и срочно запросила помощи. Я решил атаковать на собственный страх и риск всеми тремя дивизиями. Однако едва я отдал соответствующие приказы, как появился сам командующий армией. Хотя он и одобрил мое решение, но считал, что должен по-прежнему тянуть время в отсутствие каких-либо новых оперативных директив ОКХ. Очевидно, больше всего его тревожило, что я со своим корпусом могу выступить вперед самостоятельно. В связи с этим он строго запретил продолжать наступление за линией Эврё – Паси. Для верности это указание было повторено тем же вечером в приказе по армии.

В то время как наступление 27-й дивизии слева успешно продвигалось, 46-я дивизия доложила, что по-прежнему не в состоянии выступить по причине недостаточного количества артиллерии, боеприпасов и продовольствия на южном берегу. Но, несмотря на это, ей удалось отразить танковую атаку – правда, в атаке участвовало, как оказалось, не более 50–60 танков.

В следующие несколько дней снова продолжалось преследование. 13 июня 2-й корпус форсировал Сену справа от нас. В тот день мы остановились на ночлег в маленьком замке, принадлежавшем известной романистке Колетт д'Арвиль, которая, к сожалению, отсутствовала. Так я переночевал в спальне хозяйки: как и будуар, спальня была обставлена с большой элегантностью и имела отдельный выход в парк, видимо еще с веселых дней. Бассейн на открытом воздухе доставил нам большое удовольствие.

14 июня нас посетил командующий сухопутными силами. Я известил его об успехах корпуса, которые он принял к сведению, но ничего не сказал о дальнейших планах.

15 июня генерал-полковник фон Клюге сообщил мне, что 4-я армия получила задание захватить Ле-Ман, и подчеркнул, что нужно немедленно приступить к его выполнению, не

обращая внимания на соседние соединения. Мне кажется, нашему корпусу такие советы не требовались.

16 июня дивизии корпуса снова столкнулись с организованным сопротивлением на рубеже Ферте – Сенонш – Шатонёф. Это были части 1, 2 и 3-й механизированных дивизий, которые после боев во Фландрии эвакуировались из Дюнкерка и снова высадились в Бресте. Также были установлены две бригады спаги и одна марокканская дивизия. К вечеру вражеское сопротивление было сломлено. Здесь тоже большое впечатление произвели на меня солдаты 6-й дивизии, которую я посетил во время объезда.

Тем же вечером мы получили приказ по армии, который назначал нам направление удара на Ле-Ман – Анжер. 1-й корпус, которому была передана 46-я дивизия, должен был выступить слева от нас. 15-й танковый корпус, за исключением дивизии, получившей приказ взять Шербур, должен был наступать на нижнюю Луару и «создать там плацдармы». По всей видимости, в этом и заключался план от начала до конца.

17 июня было объявлено об отставке Рейно и назначении маршала Петена. Постарается ли старый маршал заново организовать сопротивление, или политики хотя бы предоставят этому прославленному ветерану Первой мировой подписать капитуляцию?

18 июня мы получили приказ фюрера безжалостно преследовать врага, что для нас опять-таки не было новостью. Кроме того, он требовал занять «старые имперские области Туль, Верден и Нанси», завод Крезю и порты Бреста и Шербура. Мы совершили форсированный марш, во время которого один из наших полков прошел почти 80 километров, а моторизованный батальон разведки под командованием полковника Линдемана достиг района западнее Ле-Мана. Я провел ночь в средневековом замке Боннетабль. С его рвом и подъемным мостом, четырьмя башнями на фронтальной стене толщиной почти 3 метра и роскошными садами, позади которых высились еще две башни, он был, не считая замков на Луаре, грандиознейшим сооружением подобного рода, которые мне довелось видеть во Франции. Внутреннее убранство отличалось таким же великолепием, в замке даже находилась часть домашней прислуги. К сожалению, его владелец, господин де Рошфуко, герцог Дудэньский, скрылся.

19 июня я проехал 50 километров до батальона разведки Линдемана, не встретив ни одного немецкого солдата. В ЛеМане, куда семьдесят лет назад мой дед вошел с победой, я осмотрел великолепный собор. По дороге нам попались отряды безоружных французских солдат, двигавшихся на восток, и целый артиллерийский полк, который сдался Линдемону со всеми орудиями и машинами. Очевидно, что войска противника распадались. Несмотря на это, оказалось, что батальон Линдемана был остановлен на участке у Майенны в районе Лион-Данжера. На дальнем берегу были замечены вражеские танки и пулеметы, обстреливавшие мост. Линдеман тщетно пытался отбросить противника одной моторизованной 100-миллиметровой батареей, которой он располагал. Спустившись к переднему краю у реки, на некотором расстоянии от моста, я обнаружил, что противник, очевидно, присутствует только у моста, во всяком случае, в стороне от него могли быть лишь незначительные силы. Я заметил командира роты, видимо выжидавшего на берегу, пока противник добровольно оставит мост, и посоветовал ему переправиться ниже по течению. И если он хочет, я с удовольствием пойду с ним. Предложение подействовало. Вскоре вся рота, раздевшись донага, прыгнула в реку и невредимой добралась до противоположного берега. Мост был взят – хотя на подступах к нему с нашей стороны, к несчастью, уже лежали тела немецких солдат. Я оставался с разведчиками, пока они не возобновили продвижение на противоположном берегу, а затем вернулся на командный пункт к себе в корпус. Поскольку противник восемь часов удерживал разведывательный отряд на Майенне несколькими танками и пулеметами, я отправил моего первого адъютанта лейтенанта Графа к Линдемону со строгим приказом еще ночью перейти Луару. Конечно, Граф застал войска, пока они готовились ко сну на нашей стороне

реки. Однако он добился того, что той же ночью батальон форсировал реку, причем Граф сам переправился на первой резиновой лодке.

Еще до рассвета в штаб корпуса прибыли донесения обеих дивизий о том, что разведывательные отряды переправились через Луару. Я немедленно выехал вперед и был потрясен размерами реки. На западной переправе мощное течение несло ее воды, а расстояние между берегами составляло около полукилометра. Два пролета высокого арочного моста были взорваны, и через этот пролом нужно было навести понтонный мост. Из-за разницы в высоте почти 9 метров пришлось устанавливать крутые мостки. Ехать по такому мосту было опасно даже на легковой машине, но тяжелые машины все равно надо было переправить на ту сторону – нелегкая задача, учитывая ширину реки, сильное течение и многочисленные песчаные отмели.

На другой переправе, у Шалона, положение было легче, так как здесь река разделялась на три рукава. Мосты через два северных рукава попали в наши руки невредимыми, в связи с чем нам оставалось навести мост через 150 метров. Там мне довелось стать свидетелем весьма необычного поединка. Французские войска, замеченные на противоположном берегу утром, были безоружны, но после полудня показались танки. Те части, которые мы успели переправить, не могли их остановить, так как еще не было возможности доставить на тот берег орудия. Так, у моста на шалонской переправе я увидел, как наше 88-миллиметровое зенитное орудие и тяжелый французский танк одновременно занимают позиции на противоположных берегах и так же одновременно открывают огонь. К сожалению, наше орудие было сейчас же подбито. Однако через миг ее сменило легкое противотанковое орудие, которому повезло немного больше. После прямого попадания в уязвимое место 32-тонного неприятельского танка его тут же объяло пламенем.

Вечером того же дня я переехал в замок Серран под Шалоном. Это было громадное здание внушительного вида в окружении массивных башен, подковой окаймлявшее парадный двор. Вокруг замка пролегал ров с водой. Замок принадлежал герцогу Тремуйю, принцу Тарентскому, – владельцу одного из первейших имен старой Франции. Последний титул герцоги унаследовали, породнившись с семейством Анжу из Неаполя около 1500 года. Однако им не удалось сесть на неаполитанский трон, на который взошел Фердинанд Католик. Один из герцогов вместе с Баяром пользовался уникальным правом носить титул «рыцаря без страха и упрека». Помимо замечательной библиотеки, в замке имела настоящая сокровищница исторических документов, в том числе еще тех времен, когда его обладатели были сторонниками Стюартов. Первый этаж был закрыт, так как в этом замке, как и в нескольких других, хранилась мебель, перевезенная из Версальского дворца. Сам я занял комнату на верхнем этаже одной из башен, которая была обставлена для церемонии «grand lever»¹², с королевским ложем под восьмиметровым балдахином. С ней соединялась не менее великолепная гардеробная с чудесным кессонным потолком в виде цилиндрического свода. Замок, внешние стены которого были отделаны белым песчаником, а башни сложены из серого камня, располагался посреди огромного парка. Великолепная лестница под сводчатым потолком эпохи Возрождения вела в залы второго этажа, обшитые красивыми панелями и увешанные картинами и прекрасными гобеленами. Надо ли говорить, что и здесь, как и во всех других местах, мы уважали чужую собственность и относились к ней в высшей степени бережно.

К 22 июня нам удалось переправить через Луару 6-ю и 27-ю дивизии. Их передовые отряды продвинулись немного дальше, встречая множество французских солдат, сдававшихся в плен.

¹² «Прием во время утреннего туалета» (*фр.*).

23 июня мы узнали, что накануне в Компьене было подписано перемирие. Французская кампания закончилась. В приказе по корпусу я посчитал нужным поблагодарить подчиненные мне дивизии – из которых ни одна, как сказал я, не имела ни танкового прикрытия, ни механизированного транспорта – за самопожертвование, отвагу и сплоченность. Благодаря успешной наступательной операции они смогли осуществить 500-километровое преследование, которое с полным правом можно было назвать «марш-броском на Луару»!

Колесо повернулось. Дорога из Компьеня 1918 года в Компьень 1940-го была долгой. Куда она поведет нас отсюда?

7. Между двумя кампаниями

Тот день, когда французы сложили оружие, стер одно из самых черных воспоминаний в памяти немцев – о капитуляции 11 ноября 1918 года, подписанной в вагоне маршала Фоша в Компьене. Теперь Франции придется самой подписать капитуляцию в том же месте и том же вагоне.

22 июня 1940 года Гитлер достиг вершины своего успеха. Франция, чья военная мощь грозила Германии с 1918 года, прекратила существование как противник рейха вслед за ее восточными сателлитами. Великобритания, хотя и не потерпела окончательного поражения, была изгнана с континента. И хотя Советский Союз – теперь сосед Германии – представлял собой потенциальную угрозу с востока, несмотря на московский пакт, едва ли он решился бы на агрессию против рейха в ближайшем будущем, учитывая немецкие победы в Польше и Франции. Если Кремль когда-либо действительно обдумывал возможность использовать то, что Германия была связана на западе, для усиления экспансии, то, по всей видимости, свой шанс он упустил. Очевидно, там не рассчитывали на такие быстрые и решительные победы германских вооруженных сил над армиями союзных держав.

Если германская армия добилась такого успеха в Польше и Франции, это ни в коей мере не означало, что ее главы подготавливали реванш с первых же дней после Компьеня. Вопреки всем заявлениям враждебной пропаганды, совершенно ясно то, что – благодаря трезвой оценке опасностей, угрожавших Германскому государству в случае войны, – Генеральный штаб в период с 1918 по 1939 год не планировал развязывать агрессивной или реваншистской войны, а старался обеспечить безопасность государства. Конечно, военное руководство в конечном итоге позволило Гитлеру переиграть его, точно так же, как оно признало главенство политики – пусть даже той политики, с которой оно не соглашалось, но могло предотвратить ее только с помощью государственного переворота.

Что касается остального, масштабы перевооружения, осуществленного Гитлером, являлись далеко не единственной причиной одержанных нами побед. Конечно, учитывая разоружение, навязанное Германии Версальским договором, перевооружение было необходимым условием для успешного ведения войны. Но ни в коей мере нельзя было говорить о том, что германские вооруженные силы обладали таким же превосходством, каким позднее обладал Советский Союз в сухопутных войсках, а западные державы в авиации. В действительности в отношении количества соединений, танков и орудий западные державы были равны, а в некоторых отношениях и превосходили германскую армию. Не сила оружия решила исход кампании на западе, но более высокие боевые качества немецких войск и эффективное руководство ими. Германская армия просто кое-чему научилась с 1918 года, не забывая при этом непреложных законов войны.

После заключения перемирия ОКХ приняло меры по демобилизации значительного числа дивизий. В то же время некоторые пехотные дивизии переформировывались в бронетанковые или моторизованные.

Первоначально штаб 38-го корпуса был переведен в район Сансера на средней Луаре, где мы занимались переформированием нескольких этих дивизий. Так мы поменяли великолепный замок Серран, наполненный историческими воспоминаниями, на небольшое шато, которое выстроил себе фабрикант знаменитого куантро на вершине крутого холма, глядящего на долину Луары.

Наш новый дом должен был изображать старинную цитадель и отличался всеми признаками дурного вкуса, который типичен для подобного рода подражаний. Башня рядом с жилым домом, построенная в виде развалин, ничуть не улучшала вид. Да и маленькие пушки на террасе совсем не походили на военные трофеи, как надеялся их владелец – ликеродел.

Единственное, что здесь было прекрасно, – это вид, открывавшийся с верхушки холма на просторную, плодородную долину Луары.

О вкусах и склонностях этого выскочки свидетельствовала, в частности, большая картина в его кабинете. На ней были изображены европейские монархи рубежа веков, сидящие за круглым столом: германский кайзер, старый император Франц-Иосиф, королева Виктория и так далее. К сожалению, у всех них был такой вид, будто они выпили лишнего. Рядом стоял сам владделец, триумфально потрясавший стаканом своего ликера. Первым делом, въехав в его «замок», мы сняли эту безобразную мазню.

19 июля все высшие руководители вооруженных сил были вызваны в Берлин для участия в заседании рейхстага, на котором Гитлер объявил об окончании кампании на западе. Тогда же он выразил благодарность народу тем, что оказал почести некоторым военным руководителям, причем размах этих почестей говорил о том, что Гитлер считает войну фактически выигранной. Хотя немецкий народ воспринял почести, оказанные заслуженным военачальникам, как естественное признание их заслуг, нам, солдатам, казалось, что это излитое на нас признание выходило за рамки необходимого как по форме, так и по размаху.

Гитлер одновременно присвоил звание двенадцати фельдмаршалам и одному гротссад-миралу, и это не могло не ударить по престижу ранга, который раньше считался в Германии самым почетным. До сих пор условием его получения (не считая нескольких фельдмаршалов, назначенных кайзером Вильгельмом II в мирное время) нужно было лично возглавить кампанию, выиграть сражение или взять крепость.

После Польской кампании, в ходе которой командующий сухопутными силами и два командующих группами армий выполнили эти требования, Гитлер не посчитал нужным выразить свою благодарность армии возведением их в ранг фельдмаршалов. Теперь же он в один присест назначил целую дюжину. В их число (кроме командующего сухопутными силами, который провел две блестящие кампании) входил главнокомандующий ОКВ, который сам не командовал и не занимал должность начальника Генерального штаба. Еще был один статс-секретарь по делам военно-воздушных сил, который, несмотря на все свои организационные заслуги, никак не мог стоять на одной доске с командующим сухопутными силами.

Самым вопиющим образом позиция Гитлера сказалась в том, как он возвысил Геринга над руководителями сухопутных и военно-морских сил, назначив его рейхсмаршалом и наградив его одного Большим крестом Железного креста. При сложившихся обстоятельствах такой способ распределения почестей можно было рассматривать только как сознательное неуважение к фон Браухичу, и он совершенно ясно показал отношение Гитлера к ОКХ.

В день заседания рейхстага я узнал, что штаб нашего корпуса получил новую задачу. Мы были переведены на побережье Ла-Манша для подготовки вторжения в Англию, для чего в наше распоряжение были переданы три пехотные дивизии. Мы разместились в Ле-Туке, элегантном морском курорте под Булонью, где англичане владели многими прелестными виллами. Штаб занял один из немисливо роскошных отелей, а я вместе с несколькими ближайшими сотрудниками поместился на небольшой вилле, принадлежавшей французскому судовладельцу. Хозяин сбежал, оставив дом на прислугу, поэтому мы нашли на месте всех, кто присматривал за домом и охранял мебель и прочее имущество. В отличие от того, что позднее происходило в Германии, нам не приходило в голову строить из себя господ и распоряжаться чужой собственностью по собственному усмотрению. Напротив, мы строго наблюдали за тем, чтобы в занятых немецкими войсками домах сохранялся порядок, и вывозу всей мебели или присвоению ценностей в качестве «сувениров», разумеется, не было места в кодексе поведения германской армии. Однажды я проезжал мимо виллы, где

недавно стояла немецкая часть и оставила ее в большом беспорядке. На следующее же утро старшине роты пришлось отправиться туда с командой солдат и лично навести порядок.

Вследствие безупречного поведения наших войск отношения с гражданским населением у нас в те шесть месяцев, что я провел во Франции, ничем не омрачились. Французы, при всей своей вежливости, сохраняли сдержанное достоинство, которое могло вызвать лишь наше уважение. По-моему, все мы были очарованы этой благословенной страной с ее прекрасными пейзажами и богатством памятников древней культуры – не говоря уж о шедеврах ее знаменитой кухни! А какой выбор товаров в магазинах! Правда, наша покупательная способность была ограничена, так как лишь процент денежного содержания выплачивался в местной валюте. Это правило строго соблюдалось в армии и тем самым сдерживало естественную страсть к покупкам, что было крайне желательно для сохранения престижа германской армии. Но все-таки денег хватало на то, чтобы время от времени съездить в Париж и провести один день, наслаждаясь очарованием французской столицы.

Во время пребывания на побережье мы имели возможность купаться в море до середины ноября: этим удовольствием мой новый адъютант лейтенант Шпехт, верный водитель Нагель и конюх Рунге наслаждались не меньше, чем конными прогулками по берегу. Но однажды мы упустили из внимания, что разница между приливом и отливом может достигать 8 метров. Кстати сказать, это обстоятельство сыграло важную роль при обсуждении возможностей высадки на английском побережье, а также времени входа в порты во время вторжения. Забывшись, мы заплыли далеко в море, как вдруг волны стали заливать наш «мерседес», оставленный на пляже. Только в последний миг с помощью тягача нам удалось вытащить его из мягкого песка и отбуксировать от полосы прибоя.

Но ни радость и удовольствие от пребывания в этой прекрасной стране, ни отдых после успешной кампании не позволили нашим солдатам распуститься, что нередко случается с оккупационными войсками. Этой пагубной тенденции противостояла необходимость готовить наши части к запланированному вторжению, что само по себе являлось совершенно новой задачей. Каждый день войска проходили обучение в дюнах и на прибрежных заболоченных участках, которые во многом походили на предполагаемый район высадки. После прибытия первого оборудования для переправы – перестроенные баржи с Рейна и Эльбы, небольшие рыболовные суда и моторные лодки – мы смогли в тихую погоду проводить учения по посадке и высадке совместно с военным флотом. Когда десантное судно неумело подходило к берегу, в половине случаев кому-то приходилось принимать холодную ванну. Молодым флотским курсантам тоже еще предстояло научиться выполнять свою задачу. Трудно упрекнуть их в отсутствии энтузиазма, ведь командовать речной баржей – не то же самое, что служить на шикарном крейсере или подводной лодке, тем более не всегда было легко ужиться с бывалыми речниками, владельцами баржей и траулеров, которые стояли тут же на мостиках экстравагантных десантных транспортов. И тем не менее все охотно и с усердием обучались выполнять свою непривычную задачу, и мы были убеждены, что справимся с нею, как и со всем остальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.